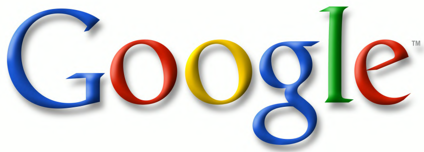

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ,

88

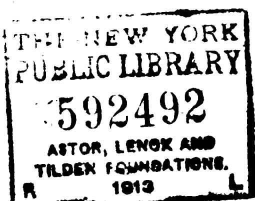
ИЗДАВАЕМЫЙ

Владиміромъ Измайловымъ.

ЧАСТЬ LXXIII.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи,
1814.

Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Ценсурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи наукъ. Москва Декабря 19 дня 1814 года. *Ординарный Профессоръ, Надворный Совѣтникъ и Кавалеръ Левъ Цвѣтаевъ.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ЯНВАРЬ 1814.

№ 1.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Къ читателямъ Вѣстника отъ Издателя.

Поставляемъ себѣ обязанностїю предложить краткое начертанїе тѣхъ видовъ, съ которыми предпринимаемъ трудъ нашъ, и того порядка, которому будемъ слѣдовать въ изданїи сего Журнала.

Никогда просвѣщенїе не могло такъ благотворно дѣйствовать на мнѣнїе, какъ въ нынѣшнюю эпоху; никогда соревнованїе талантовъ не имѣло столь великаго предмета и столь лестнаго ободренїя, какїя

можетъ имѣть нынѣ въ общемъ расположенїи умовъ ко славѣ и благу своего Отечества; никогда перїодическїе листы, какъ ни ограниченъ кругъ ихъ дѣйствїя, не могли можетъ быть приносить столь очевидной пользы, естьли они имѣютъ только отношенїе къ обстоятельствамъ времени и къ ходу разума человѣческаго.

Жестокїе опыты просвѣтили умы въ Европѣ. Возвращаяся къ началу нынѣшнихъ золъ политическихъ, мы видимъ явственно, что съ паденїемъ царства законовъ и опытной мудрости вѣковъ, въ народахъ свирѣпствуетъ безначалїе, и стихїя мятежей выноситъ на позорище мїра безвѣстныхъ но смѣлыхъ кормчїевъ, которые во дни общаго крушенїя сильною рукою хватаются за руль государственнаго корабля и самовольно восходятъ на царство. Сильнѣйшему достаются въ добычу обширные предѣлы свѣта и слабые стада народовъ; свободу умовъ стѣсняетъ ревнивая недовѣрчивость насильственной власти; мудрые лишаются священнаго права говорить истину. Но сего не довольно: война, всегдашняя сопутница властолюбїя, разливаетъ пламя свое изъ одной страны въ другую; отборная часть людей во цвѣтѣ юности и въ силѣ мужества погибаетъ; земледѣлїе, торговля, науки, все упадаетъ,

или томится; наконецъ, за добрымъ пастыремъ укрытые въ нѣдрахъ тишины народы самые отдаленные вовлечены въ ужасы кровопролитія, ввергнуты въ бури военныхъ браней. Передъ дымящимися развалинами Столицы, городовъ и селъ безщастныхъ, можетъ ли сынъ Россіи изъявлять только сожалѣніе о бѣдствіяхъ своего Отечества? Нѣтъ, его долгъ подать руку; подать голосъ вѣрнымъ патріотамъ для вызова ихъ къ общимъ усиліямъ въ дѣлѣ народной пользы. Руские воины да ограждаютъ мечами кровы и земли отеческіе отъ набѣга новыхъ варваровъ; писатели же силою убѣжденія да остерегаютъ умы и сердца сограждана своихъ отъ заблужденія, легкомыслія и того безпокойнаго духа, который неминуемо влечетъ за собою порабощеніе народовъ!

Мы изъявили наше усердіе къ пользѣ Отечества; теперь представимъ планъ нашъ въ разсужденіи изданія.

Титулъ Журнала сказываетъ, что главное дѣло его быть *вѣстникомъ* любопытныхъ произшествій въ Европѣ, и всѣхъ новыхъ явленій какъ въ ученомъ, такъ и въ политическомъ мірѣ. Обязанность наша состоитъ въ томъ, чтобы представлять въ быстрыхъ но вѣрныхъ чертахъ

картину сего великаго зрѣлища. Мы имѣемъ и ту обязанность, чтобы занимать любопытство читателей сколько полезнымъ, столько и пріятнымъ образомъ.

Въ разсужденіи литтературныхъ мнѣній, мы возлагаемъ на себя долгъ справедливости строгой, но суда осторожнаго; будемъ имѣть въ виду истинныя начала, утвержденныя всѣми вѣками и народами отъ Аристотеля до Цицерона и отъ Квинтиліана до Лагарпа; будемъ держаться того здраваго смысла, который, есть ли мы только не ошибаемся, требуетъ, въ отношеніи ко всеобщей литтературѣ, безпристрастнаго уваженія къ древнимъ и новымъ классикамъ; въ отношеніи къ отечественной словесности, непремѣннаго соблюденія языка и его правилъ, разсудительнаго почтенія къ союзу Славянскаго съ Рускимъ и наконецъ справедливаго опредѣленія заслугъ всякаго истиннаго таланта, приносящаго честь своему отечеству.

Что касается собственно до критики новыхъ книгъ, то мы желали бы угодить ею — не тѣмъ, которые любятъ критику въ журналахъ, какъ древніе Римляне сраженія звѣрей въ амфитеатрѣ — но тѣмъ, которые, съ благородными намѣреніями, ожидаютъ отъ нее пользы для словесности и просвѣщенія. Но признаемся, что

польза кажется намъ сомнительною, а трудъ критика неблагодарнымъ. Очистилась ли наша литтература съ того времени, какъ просвѣщенные умы ввели у насъ здравую критику? убѣдили ли писателей безъ дарованія и вкуса явныя и на правилахъ искусства основанныя доказательства ихъ природнаго безсилія? научила ли критика гордыхъ Лукулловъ свѣта читать съ разборчивостію произведенія авторскихъ талантовъ? много ли имѣемъ писателей и судей, обязанныхъ критикѣ тонкимъ и вѣрнымъ ихъ вкусомъ, отъ котораго никогда не украдывается удачное слово, искусный оборотъ, правильное заключеніе ума, вѣрное выраженіе сердца, вообще красота слога и достоинство сочиненія? Не будемъ отрицать того утвердительнымъ образомъ. Но, что гораздо важнѣе, дѣло рецензента есть дѣло трудное и великое. Разумъ человѣческій творитъ, а критикъ судитъ о твореніи разума по образцу природы, началу всѣхъ искуствъ въ мірѣ, по вкусу управляющему сими искусствами, по тѣмъ правиламъ, которыя проистекли изъ опытовъ и наблюденій науки. Ему надобно не только знать силу генія или дарованія, которое такъ остроумно приписывали древніе тайному сообщенію съ богами, но чувство того изящнаго, которое въ произведеніяхъ искуства опредѣляетъ чер-

ты достойныя подражанія; правильность или вѣрность того взора, который съ великолѣпной картины природы переноситъ красоты ея на бумагу съ помощію слова; и наконецъ, не быть чуждымъ тѣхъ пылкихъ страстей, которыя въ огнѣ творческаго вдохновенія сливаютъ умъ и душу съ предметомъ, движущимъ внутреннія силы писателя. Ктожъ можетъ надѣяться, соединять въ себѣ столько различныхъ достоинствъ ума, чтобы имѣть право быть судіею талантовъ и посредникомъ славы? По крайней мѣрѣ не мы, убѣжденные опытами и лѣтами въ трудностяхъ сей великой обязанности, превышающей наши способности. Но изъ того молчанія, на которое осуждаемъ себя по части критики, исключаются старыя сочиненія Рускія и тѣ произведенія иностранной словесности, которыя имѣютъ въ предметѣ философію. Изъ новыхъ Рускихъ книгъ, достойныхъ примѣчанія, будемъ сообщать извлеченія или обозрѣнія для нашихъ читателей. Естьли же другіе писатели сообщатъ намъ хорошую съ благоразумною осторожностію и чистымъ вкусомъ написанную рецензію, то не можемъ по справедливости не дать ей мѣста въ Журналѣ, на который нѣкоторымъ образомъ имѣетъ право согражданство литтераторовъ.

Порядокъ *отдѣленій*, означенныхъ въ объявленіи о семъ Журналѣ отъ Университетской Типографіи и на оберткѣ сей книжки, будетъ постоянно соблюдаться въ теченіи изданія, но не въ каждой книжкѣ. Главнѣйшія, какова изящная словесность, литтература и политика, будутъ занимать свое мѣсто въ каждомъ нумерѣ; другія, смотря по изобилію матерій, будутъ помѣщаемы черезъ одну или двѣ книжки, по очереди.

Мы желаемъ усердно, чтобы Вѣстникъ Европы могъ заслужить лестное одобреніе нашихъ читателей, могъ удовлетворять во всѣхъ отношеніяхъ требованіямъ ихъ просвѣщеннаго вкуса; но можемъ, съ нашей стороны, только ручаться за стараніе, не за успѣхъ.

СУДЪ на ОЛИМПѢ,

или

ссора боговъ за Славянъ и Галловъ въ 1812 году.

Боги пировали на Олимпѣ. Вдругъ Юпитеръ надвинулъ черныя брови, и Олимпъ вострепеталъ. Все пришло въ смятенїе и въ безпорядокъ: прекрасная Геба уронила изъ рукъ чашу съ нектаромъ; съ божественнаго стола катились блюда, покрытыя амброзїей; богъ Момусъ, который за минуту предъ тѣмъ готовъ былъ разхохотаться, остался съ лицомъ полумертвымъ и полусмѣющимся; самъ румяный Бахусъ блѣднѣлъ; многїе боги, какъ во дни титановъ, бѣжали съ Олимпа и скрывались отъ ужаса подъ кору древесъ и кожу звѣрей: что было, какъ говорятъ, предзнаменованїемъ другаго великаго бѣгства и скоро насмѣшливымъ уподобленїемъ трусливыхъ боговъ робкому герою земному. Другїе оставшїеся боги и богини, видя повелителя Олимпа съ гнѣвомъ смотрящаго на землю, сами въ угожденїе ему зароптали и засыпали проклятїями родъ человѣческїй, хотя и не знали еще тайны Юпитерова гнѣва. Но Царь загремѣлъ перу-

номъ — и все умолкло; повелѣлъ оставить себя въ покоѣ — и боги удалилися подъ сѣнь другихъ чертоговъ, гдѣ начали тотчасъ шумѣть, на досугѣ угадывать, и даже страшною клятвою Стикса ручаться за истину своихъ невѣрныхъ догадовъ, точь въ точь какъ случается у насъ бѣдныхъ смертныхъ.

Великій Юпитеръ, нѣсколько часовъ высидя въ глубокой задумчивости, отъ которой вселенная покрывалась тьмою, прояснилъ наконецъ божественное лице свое, и призвалъ полномочнаго посланника. „Возвѣсти" говорилъ онъ представшему передъ нимъ Меркурію „возвѣсти сынамъ и дщерямъ Олимпа, что несытая Беллона наша снова пустилась за кровавыми добычами, и на древней землѣ Славянской раздуваетъ свой факелъ надгробный. Да примѣчаютъ боги за обоими народами, ведущими брань; да подкрѣпляютъ правыхъ и караютъ виновныхъ. Война Славянъ и Галловъ стоитъ войны Троянъ съ Греками; она достойна вниманія боговъ. Самъ пріемлю вѣсы правосудія, чтобы склонить ихъ въ пользу тѣхъ небожителей, которые съ любовію къ правдѣ обратятся къ посредничеству." — Крылатый Меркурій отлетѣлъ съ повелѣніемъ. Своды небесъ растворились на ту часть земли, которую древній Борисѳенъ

орошаетъ водами своими, а взоры боговъ углубились въ сокровенные мраки сердецъ и въ тайныя намѣренія ратующихъ.

Сто разъ низтекалъ, сто разъ возтекалъ часовый песокъ, движущійся по манію вѣчнаго ока, — какъ вдругъ предсталъ Меркурій передъ тронъ Зевесовъ. „Съ прискорбіемъ" говоритъ сынъ Маинъ „съ великимъ прискорбіемъ доношу тебѣ, самодержавный, что не только на шарѣ земномъ, на самомъ Олимпѣ царствуетъ возмущеніе. Боги, полубоги, геніи, богини, нимфы, чудовища морскія и земныя, духи небесные и духи адскіе, всѣ текутъ на брань другъ противъ друга, пылаютъ различными страстями и прерываютъ вѣчное спокойствіе твоей державы. Какъ въ тѣ грозныя времена, въ которыя досягали до твоего царства громаду на громаду возвергающіе титаны, или какъ во дни великой брани на берегахъ Самоиса, когда ты самъ подкрѣплялъ сыновъ Пріамовыхъ; а великая супруга твоя сподвижниковъ Патрокла и Ахиллеса: такъ раздѣлились нынѣ боги посредники, и другъ на друга дышутъ яростію непримиримою." — Откуда проистекло такое остервененіе, вопросилъ Юпитеръ, и кто держитъ сторону Галловъ, кто сторону Славянъ? — „Такое зло" отвѣтствовалъ небесный вѣстникъ, „имѣетъ отдаленнѣйшее начало, о которомъ

напомню моему Государю. Нѣкто, уроженецъ безвѣстнаго острова, потомокъ мятежнаго Паола, и нынѣ царь-самозванецъ въ Галлїи, родился, какъ извѣстно, отъ крови эхидны, съ духомъ кровожадной Беллоны и съ гиганскимъ намѣренїемъ поднять на рамена обширную громаду мїра, чего бы то ни стоило; но можетъ ли Пигмей совершить тотъ подвигъ, для котораго ты избралъ Атланта? Нѣтъ, конечно. Кто же мыслилъ, что дерзскїй полагаетъ тому начало? Не только поработилъ онъ землю, но порабощаетъ и небеса. Нынѣ, преисподнїй адъ со всѣми Фурїями и Парками, съ трезѣвнымъ Церберомъ, мятежнымъ Хаосомъ, тремя грозными судїями и душегубцомъ Плутономъ обьявили себя на его сторонѣ. Въ его же пользу склонились чудовища Сфинксы, Центавры, Горгоны, Гарпїи, Химеры, Греи и Сатиры; ему покровительствуютъ многїя богини и . . . не смѣю произнести ея имени . . . соперница Минервы, соперница Венеры за Парисово яблоко" . . . — Юнона? Можетъ ли статься? — „Какъ бещастная дочь Миносова отвѣтствовала нѣкогда своей наперсницѣ, такъ буду отвѣчать тебѣ: *ты именовалъ ее.* Но успокойся, о Юпитеръ! за то на сторонѣ Славянъ достойная дщерь твоя Минерва, добрый Аполлонъ съ музами, правосудная Фемида,

самъ воинственный Марсъ, отдѣлившійся отъ Беллоны, и другіе. Вотъ что подаетъ случай ко взаимной враждѣ безсмертныхъ. Но выговорю откровенно не во гнѣвѣ великому Зевесу: безсмертные боги также непостоянны, какъ и слабые смертные. Кто вчерась стоялъ за Славянъ, тотъ сего дня обращается къ Галламъ; справедливые покровители Славянъ не принимаютъ обращенныхъ друзей Галловъ, а защитники Галловъ отпадшихъ отъ Славянъ. Одна Юпитерова премудрость можетъ постигнуть тайну сего раздора, и примиритъ враждующихъ боговъ. Всесильный! они ожидаютъ твоего суда и рѣшенія." — Да предстанетъ передъ меня соборъ безпокойныхъ посредниковъ, съ гнѣвомъ рекъ громодержецъ — и Меркурій отправился; тотъ часъ собралъ своихъ братійименемъ великаго повелителя, смягчилъ для сестеръ богинь неласковое изреченіе родительское, и ввелъ ихъ въ чертоги Юпитера.

Какъ черныя тучи шумно носятся вѣтрами надъ землею и вдругъ спираются неподвижно въ одну массу, по небу простертую, такъ безчисленный легіонъ боговъ притекалъ съ шумомъ къ престолу Зевеса и передъ его лицемъ остановился въ безмолвіи. Громомъ вооруженная рука

издали указала на послѣднія ступени трона; каждый занялъ свое мѣсто; и Аполлонъ, несмѣнный ораторъ Олимпа, упредилъ собраніе сею краткою рѣчью:

„Безсмертные! кто выше земныхъ исполиновъ, грозившихъ небу, титановъ и самыхъ васъ безсмертныхъ, тотъ склоняетъ къ вамъ рѣчь свою; благоговѣйте!“ —

Я созвалъ васъ — вѣщалъ Богъ боговъ, облокотясь на перунъ свой — для совѣтованія о великой брани, на которую обращено вниманіе и неба и земли, да объявитъ каждый передъ лицемъ моимъ, какое имѣетъ тайное побужденіе. Начинаю говорить первый:

„Любовь къ богамъ и человѣкамъ есть источникъ добра; ненависть къ тѣмъ и другимъ — источникъ зла. По высочайшей любви ко благу, сотворилъ я добродѣтель, для добродѣтели человѣка, и даровалъ ему прекрасное преимущество равняться съ безсмертными въ достоинствѣ изящной души. Какъ же воспользовался человѣкъ симъ безцѣннымъ даромъ божества, вамъ извѣстно. Я предвидѣлъ слабость земныхъ тварей, и противъ нее вооружилъ ихъ силою разума; но могъ ли остеречь отъ добровольнаго преступленія? Они

имѣютъ свободу. И до чего простирается наконецъ безумїе человѣческое! Не довольно, что предвѣчные законы опредѣлили роковый часъ для смертныхъ; не довольно, что Парки, неумолимыя Парки отрѣзываютъ дни ихъ, какъ острая коса жнеца луговыя ткани Флоры; не довольно жестокихъ недуговъ, сихъ адскихъ изчадїй, безвременно похищающихъ человѣка: самъ онъ творитъ новое зло, новую для себя погибель. Непостижимое дѣло! изъ великой способности души проистекла для него убїйственная страсть къ Беллонѣ, къ сей богинѣ, терпимой вами на Олимпѣ и щадимой перуномъ моимъ только изъ любви къ ея брату, сыну великой Юноны, богу производящему на свѣтъ истинныхъ героевъ. Но можетъ ли молчать перунъ мой, когда вы, посредники судебъ человѣческихъ, вы, безсмертные благовѣстители истины, вы покрываете многїе щитомъ вашимъ любимца свирѣпой Беллоны, на брань подвизающагося не для блага народовъ, но для пользы властолюбїя? Какъ! вы позволяете ему уничтожать достоинство сыновъ Минервиныхъ, и стоять выше кроткихъ пастырей, воцаряющихъ на землѣ вѣкъ Астреи? Но воззрите на поле его славы! Гдѣ слѣды того великаго просвѣщенїя, которое вѣками совершало творенїе гражданскаго благосостоянїя, и нечувствительно

приводило народы къ цѣли истины, правосудія, добродѣтели? гдѣ та свобода, на которую указалъ я человѣку, поставивъ для него границы подъ эгидою Минервиной? Царство мудрости попрано; вокругъ земли обнесены желѣзныя ограды рабства; сама истина умолкла предъ тѣнями убіенныхъ. жертвъ за ея святую пользу и защиту; не довольно того: злодѣй посягаетъ на родъ человѣческій; и естьли торжество его совершится, то изъ мрака ничтожества грядущія племена на свѣтъ обширнаго творенія навсегда изчезнутъ съ лица земнаго. Говорите, безсмертные, говорите мнѣ въ опроверженіе; готовъ внимать рѣчамъ вашимъ." —

Богиня красоты улыбнулась, и ласпая амуровъ, у ногъ ея сидящихъ, съ лукавою откровенностію произнесла передъ собраніемъ: Юпитеръ защищалъ мое дѣло и мою пользу; мнѣ остается быть ему благодарной; не имѣю ни возраженія, ни досады на того, кто за меня вступается. — И мать любви обратила на бога войны красноречивый взоръ.

Марсъ понялъ сей вызовъ, и отвѣчалъ: Польза Венеры есть конечно общая; но можетъ ли быть любовь вѣчнымъ дѣломъ боговъ и человѣковъ? Позволяется иногда

стоять безоружнымъ передъ красотою; но передъ очами вселенной должно являться подъ щитомъ и бронею тому, кто хочетъ быть достойнымъ имени мужа. А война не есть ли опытъ мужества? не показываетъ ли она душевныя силы? исключимъ ли изъ списка великихъ людей имена Александра, Цезаря, Фридриха?

Муза исторїи захохотала. Какъ! воскликнула она, говорить о великихъ именахъ, мною посвященныхъ во храмѣ безсмертїя, когда рѣчь идетъ о героѣ, ожидающемъ безсмертїя отъ кисти Гогартовъ и Калотовъ. . . .

Не его защищаю, продолжалъ Марсъ, но героя, описаннаго Квинтъ-Курцїемъ, Римлянина, воспѣтаго Луканомъ, наконецъ Царя-Поэта. . . .

Послушайте, перервала Минерва, и тѣ герои не будутъ никогда оправданы предъ судомъ моимъ. Муза Клїо не всегда совѣтуется со мною; а потомство, поздное потомство, которое не можетъ по вѣрнымъ повѣствованїямъ измѣрять достоинство героевъ, издали внимаетъ молвѣ громкихъ дѣлъ, и передаетъ только вѣкамъ трубящую о нихъ славу, рѣдко справедливую. Но скажите, какъ примирить съ вѣчными законами

нравственности преступленіе всѣхъ въ мірѣ добродѣтелей изъ одной ревности къ славѣ и власти? Естьли громы правосудія караютъ убійцу въ лѣсу сокрывающагося подъ мракомъ безвѣстности, то имъ ли щадить явнаго злодѣя, только порфирою облеченнаго, но увѣнчаннаго, подобно первому, славою звѣрской побѣды. Таковъ герой нынѣшняго вѣка; таковы ему подобные. Не могу простить и Музамъ твоимъ, о кроткій богъ Парнасса! что онѣ льстили языкомъ Цицерона убійцѣ и тирану, въ пѣсняхъ Виргилія поработителю Рима, въ стихахъ Ферненскаго остроумца поету-завоевателю, оправданному только побѣдою.

Такой судъ, возразила гнѣвная Юнона, и строгъ и несправедливъ. Ты готова, о гордая Паллада! вычеркнуть имена великихъ соревнителей славы изъ книги памяти и священныхъ страницъ исторіи. Но естьли въ глазахъ твоихъ побѣдители міра не достойны славы, то кого наречешь великими и славными?

Кого? отвѣчала Минерва: Леонида и триста обреченныхъ жертвъ, кровію своею укрѣпившихъ при Ѳермопилахъ послѣднюю ограду отечества; Горація Коклеса, только себя и грудь свою поставивша-

го между Римомъ и воинствомъ Тарквинія; мужей, каковы Агриколы, Вильгельмы-Теллы, Франклины; а между потомками Славянъ гордую жену, голову свою положившую за Новгородъ и согражданъ своихъ; перваго Освободителя плѣнной Москвы, нынѣшняго безсмертнаго старца, который забылъ слабость лѣтъ своихъ, грозящее Столицѣ паденіе, бурный приливъ вражескихъ ополченій, чтобы стать Вождемъ передъ воинствомъ и выполнить волю Государя и надежды Рускаго народа. Но погибни слѣдъ и память Наполеона, столь смѣлаго въ нападеніи, столь робкаго въ отступленіи!

О боги Стикса! возвысилъ голосъ мрачный владыко ада, внемлите ли Минервину богохуленію? Возлюбленное чадо наше, полу-богъ, посланный мною на царство, ратный нашъ ловецъ, сѣдящій на стражѣ тѣней, осуждается какъ преступникъ. Но Минерва! безсмертный отродокъ Юпитерова мозгу, тебѣ извѣстно, что жестокій Аквилонъ и гораздо жесточайшій Борей безъ пощады знобили витязя въ предѣлахъ земли Руской: какое великое побужденіе для героя бѣжать невозвратно!

Нѣтъ! зашумѣлъ крутый старикъ Борей, только дохнулъ я, и самъ герой и всѣ

оруженосцы перепугались до того, что опустили руки, головы, мечи, щиты и копья; словесные и безсловесные равно отдавались безгласно и непрекословно: добро кони, но мужи ретивые! . . . Правда, я оковалъ тогда землю и воды, ибо такъ положено вѣчными законами природы; но я ли оковалъ сердце, умъ и прозорливость до смерти знобкихъ и пугливыхъ воиновъ?

И я, проворчалъ Аквилонъ, и я не виноватъ, что мой холодный вѣтеръ унесъ Галловъ, когда Славяне стояли передъ нимъ, играя метелями и побѣдами, на полетѣ обезоруживали легкокрылыхъ дѣтей запада, и черезъ снѣга обширной Имперіи указывали обратный путь гостямъ по долгу страннопріимства. Но за чѣмъ ихъ приносилъ богъ Оркусъ въ невѣдомую землю — ихъ безоружныхъ противъ холода, безсильныхъ противъ храбрости, искусныхъ только . . . въ нападеніи на слабый полъ женскій!

По сему случаю не могу и я не вступиться за мои права, закраснѣвшись сказала Діана, и довольно сихъ мерзскихъ дѣлъ для вѣчнаго безславія народа, покровительствуемаго не мною, но уродливымъ богомъ, рожденнымъ отъ Бахуса и Венеры.

Богъ Пріапъ хотѣлъ говорить въ защищеніе себя и любимцовъ; но сама Венера потупила взоры, Граціи накрылись траурнымъ покрываломъ; Амуры, ломая съ досады луки и стрѣлы, бросали ихъ въ безстыднаго изгнанника Лампсакскаго; а Зевесъ повелѣлъ богу молчанія наложить палецъ на уста сего вѣчнаго врага любви и ея истинныхъ удовольствій.

Добродѣтельная сестра моя, замѣтилъ богъ изящныхъ искусствъ, изъявила справедливое негодованіе. Другую справедливую жалобу приносятъ девять чистыхъ дѣвъ, обитающихъ подъ моею державою. Музы сѣтуютъ со мною о потерѣ нашихъ сокровищъ, собранныхъ въ древней Столицѣ Рускаго Царства и нынѣ преданныхъ пламени. Богъ эгоизма, покровитель Галловъ, приписываетъ не имъ тотъ великій пожаръ, котораго зарево досягало до Олимпа. Но естьли бы и въ самомъ дѣлѣ хотѣли боги обрушить дымящійся градъ на губителей рода человѣческаго, то не отвѣтствуютъ ли сами враги за то, что боги и человѣки произнесли сей обѣтъ отчаянный: Пламя да пожретъ недостойныхъ! да получатъ въ добычу однѣ пустынныя стогны и голые камни! да скорѣе обратятся въ бѣгство отъ недостатка всѣхъ припасовъ жизни! — Нѣтъ, безсмертные!

храмЪ наукЪ воспылалЪ отЪ новаго Омара, но ОмарЪ воспылалЪ отЪ бѣшенства и злобы на великодушный народЪ Рускій. Но кажется, заключилЪ АполлонЪ, что боги не имѣютЪ ничего сказать болѣе, и что я говорилЪ послѣдній.

Терпѣніе! вЪ одинЪ голосЪ закричали МомЪ и БахусЪ; не было еще нашей очереди — и Олимпійскій забавникЪ, надвинувЪ на глаза арлекинскій колпакЪ свой, сЪ важностію, которая разсмѣшила весь ОлимпЪ, произнесЪ протяжнымЪ тономЪ: Безсмертные покровители народа Славянской крови! извините, я люблю кровь и духЪ Наполеона за то, что наподобіе таинственнаго магнита сердце его влечется сЪ одной стороны кЪ сѣверу, а сЪ другой обращается всегда кЪ югу и по извѣстному только богамЪ склоненію немного кЪ западу; люблю и за то, что написанныя на него каррикатуры служатЪ для украшенія моихЪ чертоговЪ, и что герой сихЪ каррикатурЪ, совсѣмЪ незабавный для другихЪ, себя забавляетЪ стономЪ человѣчества, а меня своими дѣлами.

А я, началЪ говорить БахусЪ, я трезвый не люблю его; но за чашей свѣтлаго вина хвалю его подвиги, и самЪ вЪ упоеніи разсудка бѣгу схватить перунЪ

Зевеса, громомъ настращать Олимпъ, боговъ разогнать силою, и даже домогаться до безпредѣльнаго самодержавія, пока, разумѣется, не соединяться боги противъ нещастнаго храбреца и не отнимутъ у него перуна.

Вдругъ разнесся жалобный вопль. — Долго молчала я, рекла и возстенала богиня Вѣры; но могу ли не говорить о дерзномъ святотатцѣ? Поклонникъ Магометовъ лицемѣритъ передо мною; одною рукою ласкаетъ меня, а другою убиваетъ; утверждаетъ во Франціи Католицизмъ, и уничтожаетъ главу ея церкви; возстановляетъ святые олтари, низпровергнутые безумными его подданными, а самъ похищаетъ сокровища церквей, оскверняетъ мѣста Святыя, предаетъ огню тѣ храмы, предъ которыми народы благоговѣютъ!

Не забудь, прибавилъ важный богъ Гименей, что подъ видомъ глубокаго къ тебѣ и ко мнѣ почтенія лицемѣръ пишетъ уставы, чтобы не исполнять ихъ. Изъясняюсь: онъ не позволяетъ никому скучать женою, или мужемъ и свободно пошевелиться въ моихъ узахъ; это хорошо и похвально; но самъ первый соскучилъ и вырвался изъ того вѣчнаго круга, которымъ очертилъ другихъ.

Едва Гименей договорилъ — и на быстромъ колесѣ выкатилась впередъ величавая но безокая жена, съ покрываломъ въ рукѣ, съ крылатыми ногами, изъ которыхъ одна шаркала по острой бритвѣ, не изрѣзываясь ею; и въ собранїи боговъ начался шопотъ: „Эта ревностнѣйшая по„кровительница героя богиня идетъ пе„редъ Юпитера молить о пощадѣ любим„ца! Она подвигнетъ небо и землю на вра„говъ Наполеоновыхъ!“ — Между тѣмъ богиня приближалась къ вѣчному трону. — За чѣмъ слѣпая бѣдокурка? вопросилъ Юпитеръ. — Припасть къ стопамъ твоимъ, о всемилующїй! съ глубокимъ, истиннымъ раскаянїемъ, что неутомимо текла за колесницею новаго Фаэтона, куда ни обращался сей вихремъ несомый возничїй; но смѣлое намѣренїе его приковать меня къ своей колесницѣ и наглый вызовъ на услугу во всѣхъ его фаэтонскихъ къ солнцу порывахъ, меня раздражили. На самомъ быстромъ его полетѣ, при гордомъ чаянїи прикатить прямо къ Сѣверной звѣздѣ и съ неба уронить ее, я остановила вдругъ колесо мое; и неблагодарный палъ. Клянусь, о высокоцарственный! что не буду впредь носить на рукахъ моего пасынка. — А гдѣ нареченная сестра твоя, сказалъ Юпитеръ, за которую часто люди тебя принимаютъ? она должна мнѣ отвѣтствовать

за украшенія смѣльчака титломъ славнаго человѣка. — Слава страдаетъ на одрѣ смерти, Государь, отъ позорнаго насилія, съ которымъ бездушный божокъ лести, подъ видомъ Протея, вымучилъ у нее вѣнцы и лавры, чтобы надѣть ихъ на голову силача, который въ другомъ мѣстѣ и въ другихъ обстоятельствахъ назвался бы просто бурлакомъ. — Такъ богиня славы не признаетъ похитителя? — Нѣтъ, Юпитеръ, нѣтъ; она оплакиваетъ заблужденіе людей и несправедливость мнѣнія. — Я доволенъ ею и тобою. Возвратись на свое мѣсто. А вы, безсмертные боги, отвѣтствуйте наконецъ, согласны ли всѣ единодушно положить конецъ торжеству злодѣя?

Какъ, возопіялъ богъ ада, конецъ тому, кто въ пять мѣсяцевъ выслалъ ко мнѣ съ земли до полу-милліона тѣней? Слава и честь ему! — Какъ, воскликнулъ Хаосъ, конецъ тому, кто мятетъ порядокъ міра и со мною движетъ царства и народы? — Тому, закричали мѣлкіе геніи Бонапарта и его фамиліи, кто рабовъ нашихъ возвелъ изъ праха на царства? — Тому, зарычало чудовище политики, кто безъ системы образуетъ *континентальную систему*? — Тому, съ Зефиромъ прошепталъ духъ галломаніи, кто правитъ народомъ столь изобрѣтательнымъ, на каламбуры, на полу-

нагое одѣяніе женщинъ, даже на заключеніе въ плѣну брачныхъ союзовъ силою чрезвычайнаго ума и любезности и проч. Нѣтъ, нѣтъ, мы не согласны!

При сей послѣдней рѣчи самъ Юпитеръ засмѣялся, и съ потрясеннаго смѣхомъ Олимпа едва не уронилъ легкаго кумира галломаніи, который только и держался на слабыхъ ногахъ съ опорою чуднаго сына Гермеса и Афродиты. Но скоро Юпитеръ, вооружась перуномъ, загремѣлъ грознымъ голосомъ: прочь съ Олимпа, и съ очей моихъ, недостойные покровители Корсиканца и его Галловъ! Позволяю только остаться забавной Галломаніи, которую отдаю на руки Момусу.

Угрюмый Плутонъ махнулъ чернымъ скипетромъ, на которомъ была надпись: *Наполеоново царство*, — и съ толпою друзей, прислужниковъ и сообщниковъ своихъ сокрылся во глубину ада.

Нѣсколько минутъ царствовало молчаніе. Аполлонъ обратился къ предсѣдящему на Олимпѣ: Доверши твой судъ, о повелитель боговъ! — Судъ мой произнесенъ Минервою, отвѣтствовалъ Юпитеръ. Кто царствуетъ не для блага народовъ, и воюетъ не для защиты отече-

ства, тотъ недостоинъ имени великаго. Не рѣдко народы проклинаютъ честолюбиваго, но всегда благословляютъ память добраго Государя. Да погибнетъ похититель Бурбонова трона и притѣснитель Европейскихъ народовъ. Но да вѣнчаютъ побѣда и слава Августѣйшаго Защитника правъ и блага человѣчества!

Изрекъ, и державный орелъ восплескалъ крылами; и на книгѣ предвѣчныхъ судебъ изобразилось яркими чертами: *Добродѣтельный АЛЕКСАНДРЪ восторжествуетъ.*

И. В. Е.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Орелъ и Голубка,

басня.

Орелъ, державныхъ сынъ, любуясь небесами
И царствомъ молній и громовъ,
Парилъ и жилъ за облаками,
И только отдыхъ бралъ у ногъ Царя боговъ.
Но скучилось орлу: кто не скучалъ и славой?
А скука, говорятъ, подруга суеты,
Тревожитъ и орловъ за гордой ихъ забавой.
Въ круженьяхъ утомясь, орелъ нашъ, съ высоты
Спускается на лугъ. А съ нимъ садится рядомъ
Голубка бѣлая съ любезной простотой
И съ кроткимъ, яснымъ взглядомъ:
Знакъ вѣрный, что у ней и на сердцѣ покой.
Прекрасная душа на ласку вызываетъ:
Орелъ приближась къ ней, охотно разсказалъ,
Какъ онъ томился, какъ скучалъ.
Сей скукѣ вѣрю я, Голубка отвѣчаетъ;
Но скукубъ можетъ быть разсѣять я могла;
Угодно ль? — И зоветъ державнаго орла
Къ прогулкѣ на поля. Тотчасъ орелъ за нею;
Она ведетъ его извучистой стезею
По доламъ и лугамъ, вдоль мирныхъ береговъ;
Прикрытыхъ кущами долины;
Подъ сводъ темнѣющихъ лѣсовъ;
Изъ тѣни въ свѣтъ, съ холмовъ въ рав-
нины;
И снова подъ зеленый кровъ,

Гдѣ эхо томно разносило
И шопотъ травъ и плескъ ручья,
Вдали наперерывъ твердило
Возторгъ щастливца соловья.
Но только ли? Ахъ нѣтъ! и какъ Голубка мило
Умѣетъ другу угождать,
Въ глазахъ и нравъ его и мысли всѣ читать!
Орелъ нашъ внѣ себя — и наверху блаженства
Голубкѣ хочетъ описать
Ту жизнь, какъ даръ любви, какъ прелесть совершенства;
Но . . . только могъ въ слезахъ сказать:
Что царство въ небесахъ, о милая подруга?
Нѣтъ выше щастія имѣть по сердцу друга!

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА.

Описаніе нѣкоторыхъ отличныхъ произведеній живописи и скульптуры въ 1808 году.

Потопъ, картина живописца Жироде. — Разлившіяся воды покрываютъ землю; на вершинѣ уединенной скалы, объ которую разбиваются волны, стоитъ дерево, обломанное бурею, съ однимъ сучкомъ уцѣлѣвшимъ. Человѣкъ, въ зрѣломъ возрастѣ, на скатѣ утеса несетъ на плечахъ престарѣлаго отца своего; и одною рукою хватаясь съ великимъ усиліемъ за сукъ дерева, единственную его опору, другою рукою держитъ свою молодую супругу, которая, закрывъ очи, едва стоитъ на краю пропасти; на рукахъ ея лежитъ плачущій младенецъ; другой, старшій, слабо передвигаетъ ноги по скользскимъ камнямъ, уцѣпившись одною рукою за волосы, а другою за плеча матери. Безщастнымъ не долго выбраться на площадку горы, къ послѣднему ихъ убѣжищу; только минута, и они въ безопасности . . . Тщетная надежда! Тотъ сукъ, который придержи-

вает ихъ на стремнинѣ, тотъ сукъ, отъ котораго жизнь ихъ зависитъ, трещитъ и переламывается; отецъ, сынъ, супруга и младенцы повисли надъ пучиною. Скоро поглотитъ ихъ бездна, какъ женщину видную только до пояса и вдали несомую волнами. Небо и землю застилаютъ черныя тучи, и страшное явленїе освѣщено однимъ блѣднымъ сїянїемъ молнїи.

Картины сего живописца отличаются искусствомъ рисовки. Фигуры отца и сына, обѣ въ полу-тѣни стоящїя, а особливо ноги и колѣна старца, совершенно изображены. Женщина представлена не такъ хорошо. Въ обморокѣ и безъ памяти она стоитъ на скатѣ утеса; что совсѣмъ не естественно. Оба младенца прекрасны; младшїй во вкусѣ Пуссеня, который изображалъ такихъ милыхъ дѣтей. Живопись хвалятъ, кромѣ того, что краски немного синеваты; но и то можетъ быть оправдано разливомъ водъ, которыми напитался воздухъ.

Критика замѣчаетъ другїе пороки: нѣтъ совсѣмъ того, что называется *интересомъ*, естьли живописецъ хотѣлъ точно представить одно изъ произшествїй потопа. Отчаянные случаи поражаютъ насъ, а не трогаютъ; возбуждаютъ ужасъ,

а на сожалѣніе. Какая надежда остается для людей, гонимыхъ небеснымъ мщеніемъ, въ тотъ грозный часъ, въ который опредѣлено погибнуть отъ потопа всему роду человѣческому? Удѣлѣетъ ли, или переломится сукъ дерева; выберутся ли несчастные на площадку горы, или свергнутся во глубину водъ: погибель ихъ равно не избѣжна — она можетъ только быть отсрочена; бурный разливъ, отъ котораго они бѣгутъ, рано или поздно догонитъ ихъ на высотѣ утеса; усилія ихъ безполезны, и зритель не можетъ брать въ томъ участія. Но какъ живописецъ отвѣчалъ на критику, что онъ имѣлъ намѣреніе представить не *потопъ священныхъ книгъ*, но простой потопъ, или чрезвычайное наводненіе, то съ возможностію, съ надеждою для представленныхъ лицъ спасти себя отъ потопа, родится сожалѣніе о неминуемой погибели, произведенной однимъ жестокимъ случаемъ.

Зрителю представляются другія сомнѣнія. Предполагая даже простое наводненіе, а не потопъ, спрашиваемъ, какимъ образомъ случилось, что цѣлое семейство взобралось на крутую и одну изъ водъ возносящуюся скалу? вплавь ли пристали къ ней старецъ, сынъ его и мать съ дѣтьми своими? принесла ли ихъ къ берегу лодка

въ дребезги разбившаяся о скалу и водою унесенная изъ виду со всѣми отломками? Какъ, наконецъ, могли эти люди добраться до средины утеса, почти прямо стоящаго, не имѣя еще для помочи того сука, за которой они придерживались уже на скатѣ горы? Ничего нельзя предположить съ довольною вѣроятностію. Есть также нѣкоторое несоблюденіе вѣроятностей въ одеждѣ, которая какъ и волосы представленныхъ лицъ совсѣмъ даже не вымочены, и въ живописи водъ, которыя для бурнаго разлива и стремительнаго выступленія изъ береговъ слишкомъ, кажется, свѣтлы и прозрачны.

Достоинство картины состоитъ въ дѣйствіи можетъ быть сверхъестественномъ, но ужасномъ, въ твореніи сильнаго воображенія, и въ мастерской отдѣлкѣ, преисполненной огня и жизни.

Но чтобы сообщить читателямъ полное о картинѣ понятіе, скажемъ въ заключеніе, что старецъ представленъ съ кошелькомъ въ рукѣ. Сей кошелекъ на картинѣ всемірнаго потопа есть нѣчто странное. Но кромѣ сего великаго случая, нѣтъ ничего удивительнаго, что слабый старецъ, который едва держитъ на плечахъ сына, мечетъ въ прахъ бездѣлицу,

чтобы сильнѣе укрѣпиться руками. Слѣдственно котелекъ неимѣетъ здѣсь того, что мы называемъ вѣроятностію. Но естьли бы онъ и казался вѣроятенъ, естьли бы въ изобрѣтеніи его было столько же искусства и огня, сколько видно холодности и порока, и тогда надлежало бы отвергнуть сію побочную черту. Всякая подробность безъ содѣйствія къ общему интересу, всякое украшеніе безъ отношенія къ цѣлому, вредитъ дѣйствію цѣлаго; и достойно удивленія, что живописецъ, который показалъ въ семъ произведеніи единственную, смѣлую и творческую мысль, не предвидѣлъ, какъ не кстати и не у мѣста покажется все то, что не имѣетъ связи съ главнымъ его предметомъ. —

Атала того же живописца. — Неосторожный обѣтъ, произнесенный въ молодыхъ лѣтахъ, былъ причиною безвременной смерти прекрасной Аталы. Сею жестокою и внезапною потерею пораженный въ сердцѣ любовникъ ея терзается еще другимъ мучительнымъ воспоминаніемъ. Его любовь, его пагубная страсть свела во гробъ нещастную; спасаясь отъ его пылкости, полу-побѣжденная и слабая женщина отравила себя ядомъ. Сколько ни утѣшалъ страдальца добродѣтельный пастырь; но душа его въ мятежѣ отчаян-

кой страсти умѣла только страдать и сѣтовать. Протекло двое сутокъ, ропотъ укротился; юноша приготовился отдать послѣдній долгъ праху возлюбленной. Съ помощію благочестиваго пустынника онъ ископалъ для нее могилу. Теперь они готовы предать землѣ печальные остатк... Но пока земля не поглотила ее въ нѣдра свои, пока не сокрылась навсегда печальная жертва рока, отчаянный любовникъ обнимаетъ мертвое тѣло ея, неподвижныя руки прикладываетъ къ своему сердцу, блѣдными щеками прижимается къ стройнымъ ногамъ, нынѣ окованнымъ смертію... истощенныя силы подгибаютъ его колѣна; онъ садится на край могилы. Подобно ему, спустя ноги въ яму, съ умиленіемъ, но съ кротостію и упованіемъ на Бога, пустынникъ стоитъ и поддерживаетъ плеча мертвой Аталы. На его лицѣ написано смиреніе вѣры; на лицѣ Шактаса отчаяніе страсти: и посреди ихъ усопшая красавица, уже поднесенная къ отверстой могилѣ, но и по смерти совершенная красотою лица, сложила на груди хладныя руки, и улыбается, кажется, на друга и на небеса. Подъ ея неподвижными рѣсницами угасли навсегда чувствительные взоры, и кроткая ихъ привѣтливость; но за то на чистое и покойное чело ея низпустился свѣтъ отрады, свѣтъ Божественной. На

скалѣ, перегнувшейся сводомъ надъ ихъ головою, видна надпись изъ Іова.

Вдали представлено *кладбище Индѣйцовъ*, которое отецъ Обри называлъ *Садомъ смерти*.

Изящный идеалъ въ формахъ и рисовка картины напоминаютъ, по мнѣнію знатоковъ, великихъ живописцевъ Римской школы. Голову и грудь Аталы находятъ нѣкоторые достойными ихъ кисти; со вкусомъ простымъ и разборчивымъ одѣта она бѣлымъ полотномъ, на которомъ отливаются прекрасныя формы тѣла; голова миссіонера натуральна, пристойна лицу его, и свыше самой изящной природы. Шактасова голова имѣетъ столько же истины, но менѣе оригинальности; волосы его, спина и руки живописны; колоритъ обоихъ лицъ почитается удовлетворительнымъ для требованій искусства; наконецъ, по мнѣнію просвѣщенныхъ судей, картина имѣетъ тѣ превосходныя красоты, которымъ удивляются въ картинѣ потопа, не имѣя пороковъ ея. За то говорятъ, что въ семъ произведеніи не предстояло для художника столько трудностей.

Строгіе судьи опорочиваютъ грунтъ картины слишкомъ яркій, особливо въ от-

даленности. Естьли въ нѣкоторыхъ странахъ теплыхъ бываютъ часы, въ которые благорастворенный воздухъ яснѣетъ на самомъ дальнемъ разстояніи, то спрашиваютъ, прилично ли было выбрать тотъ моментъ для картины? Мнѣнія не согласны. Но говорятъ защитники картины, не приводитъ ли насъ въ большее умиленіе блескомъ и свѣжестію украшенная природа на ряду съ печальнымъ зрѣлищемъ отчаянія и смерти, представленныхъ напереди картины? Цѣлая природа радуется; а человѣкъ въ слезахъ сѣтуетъ! Безмолвныя дерева, безчувственныя растѣнія цвѣтутъ; а младая и чувствительная красавица отцвѣла навѣки! Подъ яснымъ небомъ увяли дни ея невозвратно, и безъ чувства, безъ дыханія низходитъ она въ нѣдра животворной земли, которая разливаетъ вокругъ себя источники жизни, но которая скоро пожретъ ее, снѣдаемую уже смертію. Однимъ словомъ, естьлибъ артистъ сдѣлалъ грунтъ туманнѣе, какъ требуютъ того критики, то картина производилабъ гораздо менѣе дѣйствія на сердце зрителей безъ сего легкаго порока.

Справедливѣйшая и важнѣйшая критика состоитъ въ томъ, что обѣ фигуры (пустынникъ и молодой человѣкъ) стоятъ въ могилѣ такъ, что ихъ видно только

по колѣно. Для зрителя было бы гораздо пріятнѣе, видѣть ихъ во весь ростъ; но избранное живописцемъ мгновеніе не позволяло того. —

Маленькихъ пять картинъ живописца Лорана. - Произведенія сего живописца украшаются остроумной веселостію, или пріятными таинствами любви и рыцарства.

Одна представляетъ милую дѣвушку за пряжею, и одѣтую съ изящною опрятностію; подлѣ нее играетъ на флейтѣ молодый человѣкъ: она слушаетъ, и веретено перестаетъ въ рукѣ ея вертѣться. Ея забвеніе, и красноречивые взоры моладаго человѣка досказываютъ тайну.

На другой, влюбленный трубадуръ пишетъ стихи на окнѣ своей красавицы. Въ нѣкоторомъ разстояніи лежитъ его гитара и вѣнокъ изъ цвѣтовъ.

Эти двѣ картины, *дружки*, отличаются тонкостію искусства и ума.

Двѣ другія картинки, также равной величины, написаны со вкусомъ. Обѣ представляютъ молодую женщину, у окна сидящую. Но одна, вѣрная *угодница* свѣта, занимается неутомимо своимъ пуа

детомъ; другая, исполняя важнѣйшія обязанности, съ благоговѣніемъ читаетъ молитву, заставляетъ читать молитву сына младенца, которагo только рука и голова видны на картинѣ. Толпа зрителей любуется, особенно въ первой картинѣ, на переимчивую обезьяну, которая по примѣру хозяйки духами опрыскиваетъ себѣ голову. Но просвѣщенные знатоки обращаются ко второй картинѣ, которая болѣе имѣетъ интереса и выразительности.

Предметъ пятой картины взятъ изъ пріятной Вольтеровой сказки: *La Fée urgéle.* Для дѣйствія выбрано то мгновеніе, въ которое безумная старуха волшебница хочетъ неотступно *женить* на себѣ молодаго Роберта, нѣмѣющаго отъ ужаса и досады.

Во всѣхъ примѣтны дарованіе, удачный выборъ предметовъ, чрезвычайная ловкость фигуръ и особливое искусство въ начертаніи нѣкоторыхъ головъ женскихъ; но лучшими изъ сихъ картинъ почитаются молодый трубадуръ и молящаяся женщина.

Пастушеская картина живописца Герена. — Предметъ ея взятъ изъ Геснеровой идилліи. На берегу свѣтлаго источника, протекающаго мимо гробницы, по-

ложатся два молодые пастуха: на траву поставили они свою корзину съ плодами; у ногъ ихъ лежитъ вѣрная собака. За водою пришедшая къ источнику молодая дѣвушка разсказываетъ имъ жизнь человѣка, на семъ мѣстѣ погребеннаго и бывшаго нѣкогда благотворителемъ села. Эти укрывающія ихъ отъ солнечнаго зноя дерева густолиственныя насадила рука его; самъ онъ отрылъ этотъ свѣжій чистый источникъ воды для жаждущихъ странниковъ мимо ходящихъ.

Вкусъ и чистота суть главныя достоинства сего произведенія. Фигуры стоятъ съ тою изящною простотою, которою отличаются въ искусствахъ превосходныя творенія древности. Головы трехъ лицъ, ихъ одѣяніе, сельская природа, все дышетъ истинною жизнію и чувствительностію безъискуственною.

Орфей въ преисподней, картина живописца ле Буленжера. — Кому не извѣстенъ сей предметъ? кому не памятенъ прекраснѣйшій можетъ быть отрывокъ Виргиліевой поэзіи? Сѣдящій на тронѣ Плутонъ держитъ въ рукѣ желѣзный скипетръ; рядомъ съ нимъ Прозерпина, испрашиваетъ, кажется, помилованіе Орфею, которой на лѣвой сторонѣ, одно колѣно

преклоня на ступени трона, играетъ на лирѣ, и къ грозному царю ада возводитъ молящіе взоры. За нимъ, далѣе, Меркурій ожидаетъ повелѣнія Плутона; съ другой стороны, въ ожиданіи того же приговора, стоятъ Парки, внимающія пѣснопѣнію Орфея, изумленныя стройными звуками его лиры. Еще далѣе показывается Эвридика, и другія тѣни, нисшедшія въ царство мертвыхъ animasque recentes. За сими лицами простираются длинные и высокіе переходы, изъ которыхъ пыщетъ огнь и дымъ.

Прекраснѣйшая мысль та, что Прозерпина беретъ участіе въ судьбѣ Орфея, и сею мыслію обязанъ художникъ не Виргилію, но можетъ быть Овидію, который въ семъ повѣствованіи уступая творцу Георгикъ, означилъ однакожъ новую черту слѣдующими стихами;

. . . . . . Nec regia conjux
Sustinet oranti . . . Negare.

Общее дѣйствіе картины почитается весьма удачнымъ. Хвалятъ величественность (grandiosa) рисовки, искусство въ фигурѣ Орфея, вкусъ въ одѣяніи. —

Смерть Астіанакса, картина живописца Леклюза. — Съ высоты древней ба-

нія свергаетъ младаго Принца рядовый воинъ: онъ не смѣетъ сему безвинному страдальцу смотрѣть въ лице, и съ ужасомъ отвращаетъ голову, Андромаха, съ растрепанными волосами, въ безпамятствѣ, въ отчаяніи рвется къ бѣдному сыну, зовущему ее взорами. Юный Грекъ ее удерживаетъ; въ глазахъ его написано сожалѣніе; по неволѣ исполняетъ онъ строгое порученіе. За нимъ Калхасъ и Улиссъ ожидаютъ совершенія смертнаго приговора. Вдали видны дымящіяся развалины Трои.

Въ сей картинѣ находятъ великое достоинство въ разсужденіи выраженія лицъ, рисовки и колорита.

Ландшафты, двѣ картины живописца Монжена, — Какъ бы ни вѣрны были подробности на ландшафтной картинѣ, естьли онѣ возбуждаютъ одно холодное любопытство, произведеніе не можетъ имѣть достоинства. Для насъ утомительно смотрѣть на искусную отдѣлку частей, которыя, показывая только мастерское преодолѣніе трудностей, оставляютъ сердце безъ движенія и участія въ картинѣ. Напротивъ того, мы обращаемся безпрестанно къ тѣмъ живописнымъ произведеніямъ, гдѣ произшествія, въ сношеніи съ природою и съ мѣстомъ ландшафта,

увеличиваютъ по своему предмету дѣйствіе ужаса, или свѣжесть сельскаго зрѣлища.

На первой картинѣ представилъ художникъ среди живописнаго мѣста, среди ужасовъ природы эпизодъ, занимательный для ума и сердца. Торгующій купецъ странствуетъ. Настигнувъ ручей, бывшій въ разливѣ, пускаетъ онъ впередъ двухъ лошадей съ навьюченными на нихъ товарами; обѣ переплываютъ безошибочно. Самъ верьхомъ на третей лошади купецъ доѣзжаетъ до середины ручья; вдругъ она спотыкается, и сѣдокъ и конь унесены быстротою потока. Собака, вѣрный товарищь, бросается вплавь, догоняетъ хозяина, хватаетъ за ветхій поясъ его, и неминуемо вытащила бы его за собою, есть либъ не порвался поясъ у самаго берега. Бренный лоскутокъ остался въ зубахъ умнаго звѣря единственною наградою трудовъ его. Великодушная привязанность сего благодарнаго звѣря, сего достойнаго товарища, который, не смотря на бурный потокъ, мечется за хозяиномъ, въ надеждѣ извлечь его изъ воды и погибели, который, стоя на берегу, безутѣшно тоскуетъ и кличетъ, кажется, утопающаго господина своего, производитъ дѣйствіе тѣмъ пріятнѣйшее по своей противоположности, что

безпечныя и нечувствительныя лошади, вожди хозяина и хранители хозяйскаго добра, равнодушно смотрятъ на его участь, и путь свой продолжаютъ безъ остановки!

Колоритъ картины также мраченъ какъ представленный случай. Ужасную сцену освѣщаетъ лучь солнца, проглянувшїй въ часъ бури, и волнующїяся воды изображены съ вѣрностїю страшною. Голова утопающаго показываетъ ужасъ и отчаянїе: къ небу простираетъ руки бѣдный человѣкъ, отверженный. Провидѣнїемъ. Зритель приходитъ въ ужасъ отъ опасности и въ умиленїе отъ чувствительности добраго звѣря. Но какъ ни велико достоинство сего ландшафта, находятъ въ немъ тотъ порокъ, что масса и профиль деревъ не довольно естественны.

Генрихъ IV у мѣльника, картина живописца Менжо. —

Заблудившїйся ночью въ лѣсу около Фонтенебло Генрихъ IV схваченъ мѣльникомъ (по имени Мишо), какъ стрѣлокъ, ходящїй за охотой въ чужїя дачи. Не выводя его изъ заблужденїя, Король сказался придворнымъ служителемъ, чтобы скорѣе имѣть у мѣльника ночлегъ. Живописецъ представилъ Генриха, сидящаго за ужиномъ со всею семьею хозяина.

Добрый мѣльничкъ, съ чаркой въ рукѣ, запѣваетъ веселую пѣсню въ честь Королю; молодый поселянинъ, приставъ къ нему, машетъ вверхъ шляпою, которая на воздухѣ представляясь между лампадою и зрителемъ, и такимъ образомъ заслоняя огонь, освѣщающій картину, производитъ живописное дѣйствіе; молодая дѣвушка поетъ вмѣстѣ съ ними. Умиленный, растроганный Генрихъ отвернулся, чтобы отереть слезы свои. Между тѣмъ жена мѣльника дергаетъ его за рукавъ, заставляя конечно участвовать въ общемъ хорѣ, воспѣтомъ въ похвалу добраго Царя. Куль муки, лежащій въ углу, означаетъ мѣсто дѣйствія; тамъ написано имя села и число происшествія.

Эта картина, прославляющая добраго Государя, достойна вниманія знатоковъ. Въ лицѣ и въ движеніяхъ мѣльника изображенъ съ рѣдкимъ искусствомъ восторгъ любви и благодарности. Другія лица, въ отношеніи къ выраженію, измѣняющемуся съ поломъ, возрастомъ и состояніемъ, представлены вѣрно, но не такъ совершенно. Рисовка правильна; колоритъ имѣетъ яркость, не удаляясь отъ истины; а свѣтъ, очень хорошо разливающійся, слабѣетъ постепенно, и показываетъ талантъ художника. Но имя Генриха

составляетъ можетъ быть лучшее достоинство картины. —

Дворъ и портики Микель Анджеліева дома, близь Капитолія, картина живописца Тюрпена де Криссе. — Кисть пріятная, живопись вѣрная, краски свѣжія, измѣненіе свѣта примѣчательное по его дѣйствію и по его правильности, дѣлаютъ сію картину достойною напоминать имя и представлять жилище Микель-Анджелія, сего чрезвычайнаго человѣка, который былъ въ одно время живописцемъ, архитекторомъ, скульпторомъ. —

Портреты, писанные живописцемъ Жераромъ — кромѣ нѣкоторыхъ извѣстныхъ лицъ нашего времени, во весь ростъ представленныхъ. Сей отличный артистъ написалъ поясный портретъ Г. Канови, нынѣшняго знаменитаго скульптора. Портретъ начертанъ съ легкостію, съ воображеніемъ, съ огнемъ удивительнымъ. Голова дышетъ живостію; релїефъ ея обширный, колоритъ изящный; тѣни вѣрны и прозрачны.

Достоинъ также вниманія поясный портретъ Дюсиса, Французскаго извѣстнаго трагика. Положеніе головы, выраженіе лица, истина и вѣрность показываютъ мастера.

Рисунки младшаго Моро, числомъ 68. Произведенія Моро почитаются въ семъ родѣ образцовыми. Веселыя сцены изъ Мольера, блестящія описанія изъ Овидія, возвышенныя чувства изъ Корнеля, все выражено съ одинакимъ искусствомъ.

Анакреонъ, отогрѣвающій Амура, и *безуміе Эдила*, русунки Фрагонара, имѣютъ достоинство.

Христосъ, умершій на колѣняхъ Матери, гравированный съ картины Аннибала Карраччія, и *Юпитеръ съ Антіопою*, гравированный съ картины Корреджія граверомъ Годьфруа.

Богоматерь съ Іисусомъ, младенцемъ, съ картины Лудовика Карраччія, *Павелъ и Виргинія*, съ картины Жироде, *кораблекрушеніе Виргиніи* съ рисунка Прюдонова, гравированныя граверомъ Роже. — Въ сихъ произведеніяхъ, какъ судятъ знатоки, рѣзецъ споритъ въ достоинствѣ съ кистію тѣхъ превосходныхъ мастеровъ, которымъ онъ подражалъ.

Магдалина, произведеніе Скульптуры. — Симъ произведеніемъ Канова обратилъ на себя вниманіе знатоковъ, и увеличилъ свою славу.

Праведная жена представлена въ первыхъ дняхъ своего покаянія. Молитва, постъ и строгая жизнь святости не помрачили еще красоты ея; но положили на лице печать глубокой горести и безутѣшнаго раскаянія. Съ образомъ Спасителя въ рукѣ она стояла на колѣнахъ и молилась. Страдая подъ тяжестію мыслей, корпусъ ея въ изнеможеніи клонится назадъ и опирается на ноги. На колѣняхъ сложенныя руки едва удерживаютъ слабый крестъ распятія, на который съ печалію возведены очи ея; изъ очей катится слеза.

Голова есть мастерское изображеніе красоты и пріятности. Движеніе всего тѣла, а особливо рукъ, изящность и совершенство формъ, тонкость и нѣжность отдѣлки, но всего болѣе истинное и чувствительное выраженіе лица, на которомъ мучительныя воспоминанія мѣшаются съ пламенною вѣрою сердца, производятъ съ перваго взгляда впечатлѣніе глубокое, и влекутъ ко праведницѣ всею силою любви и горести.

Надобно замѣтить, что сей художникъ вводитъ въ искусство родъ новости, которая не всѣмъ нравится, которая вредна можетъ быть здравому вкусу и правиламъ истиннымъ. Онъ разкрашиваетъ

на своихъ статуяхъ нѣкоторыя части, какъ на примѣръ золотую чашу у *Гебы* и древесный крестъ распятія у *Магдалины*. Расписанныя красками мѣста представляютъ какую-то непріятную пестроту и разновидность передъ остаткомъ статуи, отнимаютъ вѣроятность, и болѣе вредятъ, нежели способствуютъ обману глазъ. Такое введеніе, которое можетъ быть употреблено во зло безсмысленными подражателями, испортитъ наконецъ чистоту и главный характеръ искусства.

Группа Амура и Психеи того же ваятеля. — Въ ней находятъ частію тотъ изящный идеалъ въ формахъ и въ движеніяхъ, которому удивляются въ твореніяхъ Греческихъ художниковъ. Взоры плѣняются кроткою выразительностію бога и юной красавицы, ихъ откровенными ласками, тѣмъ чистымъ безпримѣрнымъ, всеобщимъ огнемъ, которымъ они дышатъ, кажется, въ сладкой томности.

Съ Франц.

III. ЛИТТЕРАТУРА.

ПИСЬМО

о нынѣшнихъ обстоятельствахъ нашихъ въ Россіи.

Такъ, мой другъ, бѣдствіе есть великая школа, а опытъ великая наука. По мѣрѣ того какъ жизнь богатѣетъ опытами, умный человѣкъ откладываетъ въ уголъ памяти и копитъ сіи нравственныя сокровища, чтобы пользоваться богатымъ запасомъ на всякій случай жизни. Такъ изъ великихъ произшествій времени почерпаютъ народы дрогоцѣнные уроки мудрости. Не всякій вѣритъ совѣтамъ опытныхъ; но кто не вѣритъ дѣйствительнымъ случаямъ? А кого обстоятельства не научаютъ размышленію и мудрости, тотъ не можетъ, или не хочетъ быть никогда мыслящимъ человѣкомъ.

Нынѣ одно легкое вниманіе къ произшествіямъ открываетъ ихъ тайную связь. Вникая въ тайну великой силы, которая недавно поработила Европейскія Государства и тою же участію грозила Россіи,

мы отнесемъ ее можетъ быть ко слабости народовъ, приготовившихъ успѣхи завоевателя. Во всѣ времена безразсудная страсть къ завоеванiямъ сражалась на поляхъ мiра съ любовiю къ отечеству; но рѣдко побѣждала ее, ибо сила уступаетъ добродѣтели. Пока Греки были мудрыми Греками, они стояли крѣпко противъ Дарiя и Ксеркса; но когда сыны Грецiи не внимали уже священному гласу свободы, Демосѳенъ оплакалъ славу отечества. Римляне, величавые Римляне, царствовали, ибо любили героическiе нравы; но за преклонностiю сихъ нравовъ слѣдовало паденiе великаго народа. Въ наше время Голландцы, Швейцары, Италiанцы и Нѣмцы не были бы удержаны на обширной полосѣ земли протянутою цѣпью тиранства, естьли бы сохранили народный свой характеръ. Такъ Испанцы разорвали желѣзную цѣпь, и мимо ее двинулись къ свободѣ. Такъ великiй народъ Россiйскiй, когда врагъ шагнулъ ко гробамъ отцовъ нашихъ, быстро територiю оковалъ шаги его, стремительно изгналъ за предѣлы отеческаго наслѣдства.

Будемъ благодарны Богу и Отечеству; но утвердимся въ тѣхъ добродѣтеляхъ, которыя доставили намъ побѣды. Зло неразлучно съ войною — мы терпѣли бѣдствiя; но мы дышемъ еще вольнымъ воздухомъ,

стоимъ на свободной землѣ, гордимся именемъ Рускаго, котораго ни мечь, ни пламя, ни сила поколебать не могутъ. Какой сынъ Отечества можетъ быть равнодушенъ къ симъ благамъ къ сему достоинству гражданина? Спросимъ стоящаго предъ лицемъ смерти воина, предпочтетъ ли онъ пріятную жизнь удару, ей грозящему; онъ отвѣтствуетъ намъ съ улыбкою: блаженъ тотъ часъ, въ который пострадаю за Отечество! Воины жертвуютъ благомъ жизни, а мы непожертвуемъ охотно собственностію и нѣкоторыми удовольствіями, которыхъ стоила намъ общая побѣда? Нѣтъ, я пылаю излишнею ревностію; ты конечно убѣжденъ въ той великой истинѣ, что потеря имущества ничего предъ спасеніемъ Отечества. И такъ остается разсмотрѣть, не могутъ ли подкрѣпить насъ новою силою бѣдствія, нанесенныя войною, подобно какъ чувствительныя раны и болѣзни возвращаютъ намъ гораздо чистѣйшіе соки.

Государственное благосостояніе заключается не въ тѣсномъ соединеніи людей на одномъ мѣстѣ, но въ народѣ, равно разселенномъ на всѣхъ пунктахъ обширнаго владѣнія, при равныхъ способахъ участвовать въ общей промышленности и наслаждаться общими выгодами гражданскаго

порядка. Великіе города поглощаютъ мѣлкія селенія, какъ рѣки поглощаютъ источники и потоки; къ нимъ текутъ богатства плодородія, чтобы питать ненасытную роскошь; текутъ жители изъ отдаленнѣйшихъ странъ государства, чтобы научаться праздности и пороку. Не столько любовь къ изящнымъ искусствамъ, украшающимъ столицы, сколько влеченіе къ суетнымъ забавамъ приводитъ людей въ городскія общества, которыхъ блескъ ослѣпляетъ взоры неопытныхъ; и естьли новыя обстоятельства удалятъ праздныя семейства, то сія перемѣна спасительна для государства. Да красуется наша древняя Столица; да цвѣтутъ и торжествуютъ въ ней изящныя искусства для тѣхъ просвѣщенныхъ умовъ, которые умѣютъ наслаждаться ими въ чистотѣ вкуса и нравовъ; да заключаются въ стѣнахъ ея и тѣ испорченные сибариты, которые не могутъ съ пользою заниматься ни сельскою природою, ни домашнею жизнію. Но пускай возвратятся подъ кровъ мирныхъ селъ трудолюбивые помѣщики и добрые отцы семейства, увлеченные только стремленіемъ общаго потока. Сколько помѣщичьихъ владѣній, ожидающихъ ока хозяина, чтобы процвѣсть подъ его попеченіемъ! да возвратятся особливо работники, отъ земли и плуга похищенные духомъ

городской корысти и видами обманчивыхъ прибытковъ. Кому не извѣстно, что крестьяне переходятъ изъ состоянія земледѣльцевъ въ сословіе городскихъ мѣщанъ. Мнѣ случилось видѣть въ сосѣдствѣ моемъ одного экономическаго крестьянина, который разбогатѣвъ отъ пашни, скучилъ жизнію и трудами земледѣльца; сколько я ни убѣждалъ его остаться благодарнымъ питомцемъ той земли, которая съ избыткомъ надѣлила его всѣми благами жизни, онъ оставилъ кровъ отеческій, чтобы записаться въ Московскіе мѣщане и торговать нажитымъ капиталомъ. По крайней мѣрѣ такіе примѣры рѣдки; но гораздо чаще переселяется дворянинъ изъ деревни въ Столицу въ угожденіе женѣ, для просвѣщенія сына или дочери, особливо для удовольствія сказать другимъ съ гордостію: обширныя знакомства мои простираются до безконечности! Карты и люди похищаютъ у него имѣніе отцовское, жена расточаетъ права его на собственность другаго рода, а дѣти скоро надѣются перещеголять родителей въ искусствѣ двоякой игры ихъ. Спрашиваю, мой другъ, какую существенную пользу приносятъ они себѣ и Отечеству? И великаль потеря для нихъ и для государства, естьли новыя обстоятельства закроютъ имъ путь въ Столицѣ. Можетъ быть невольнымъ образомъ новый хозяинъ приступитъ

къ трудамъ земледѣлія, а мать семейства къ обязанностямъ своего пола, и разоренное состояніе обратится для нихъ въ побужденіе къ дѣламъ, по крайней мѣрѣ полезнымъ.

Ограниченные доходы могутъ и въ Москвѣ поставить преграду роскоши. Для богатыхъ не перестанетъ литься источникъ ихъ удовольствій. Не для нихъ важно прекратить его теченіе, но для тѣхъ, которые терпя великія нужды, но имѣя слабыя правила, изъ любви къ подражанію изчерпываютъ до послѣдняго дна собственность, принятую ими въ наслѣдство. И сколько преступленій родится отъ сей общей роскоши и произтекающаго изъ нее корыстолюбія! Кто не позволилъ бы себѣ никогда по чувству добраго сердца измѣнить истинѣ, нарушить правосудіе, преступить законы честности, тотъ преступаетъ ихъ сначала украдкою отъ своей совѣсти, для того чтобы имѣть лишнія деньги для наслажденія, а потомъ по скользскому и обманчивому пути низходитъ къ послѣдней степени слабости и разврата. Судъ общаго мнѣнія можетъ въ семъ случаѣ замѣнить бездѣйствіе законовъ; можетъ начать и довершить перемѣну въ сей части нашихъ нравовъ. Обстоятельства подаютъ къ тому случай и способъ. Когда се-

гласимся изъявлять глубокое презрѣніе къ расточительной пышности, несоотвѣтственной мѣрѣ достатка, тогда введется вкусъ благородной простоты и мудрой бережливости, тогда отсутствіе излишнихъ потребностей жизни произведетъ безкорыстіе, а безкорыстіе ту честность, которую пересиливаетъ только искушеніе богатства и перетягиваетъ вѣсъ золота. Для многихъ добродѣтель имѣетъ нужду въ силѣ великаго побужденія. Есть люди до того слабые умомъ и душою, что не имѣютъ они ни мыслей, ни характера; не могутъ быть ни разсудительными по собственнымъ правиламъ, ни добрыми по сердечному движенію; имъ надобны для подкрѣпленія себя въ добрѣ опора и мнѣніе другихъ людей, а особливо чиновныхъ и знатныхъ. Такая слабость ума не рѣдко бываетъ примѣтна въ наше время. Но вообще тотъ благонамѣренный человѣкъ, который желаетъ въ кругу свѣта передвинуть такъ сказать душу свою на мѣсто и привести жизнь въ порядокъ, отвсюду встрѣчаетъ препятствія, которыя не допускаютъ его до исполненія своего намѣренія. Повторяю, что одно общее мнѣніе можетъ удалить преграды и приближить насъ къ нравственному порядку.

Сей порядокъ предполагаетъ въ началѣ исполненіе семейственныхъ обязанностей.

Не говорю, чтобы должно было заключиться въ уединенїе домашней жизни и отказаться отъ удовольствїй свѣтскаго обращенїя, которое имѣетъ свою хорошую сторону; дѣло состоитъ въ томъ, чтобы умѣть согласить пользу свѣта съ пользою нравовъ. Для чего не воспользоваться опытами, которые научаютъ насъ великой наукѣ жизни? Они доказываютъ намъ, что вѣчная разсѣянность не питаетъ ни ума, ни сердца; что съ нею протекаютъ дни нечувствительно, не оставляя по себѣ прїятныхъ воспоминанїй и ведя впереди горестныя сожалѣнїя; что ея неминуемымъ слѣдствїемъ бываютъ домашнїя непрїятности, безщастныя супружества и неблагодарныя склонности дѣтскїя. Для чего не повѣрить сердцу, которое влечетъ насъ къ природѣ, а не къ шуму свѣта? Оно любитъ, вопреки вѣтреннымъ нравамъ, тѣ спокойные часы, въ которые можемъ отдохнуть отъ принужденной роли свѣта. Естьли положить на вѣсы тайную скуку, съ которою многїе посѣщаютъ шумныя собранїя, и то слѣпое предубѣжденїе, съ которымъ по чудному противорѣчїю любятъ предметы тоскливой забавы, то едва ли тоска не перевѣситъ любви къ ней. Отъ чего же стремятся къ симъ удовольствїямъ, которыхъ быстрый вихрь уноситъ дни человѣческїе, и вмѣсто ожидаемой ра-

дости оставляетъ мертвую пустоту въ сердцѣ? Стремятся отъ привычки, примѣра, и — осмѣлюсь ли сказать? — отъ недостатка просвѣщенія. Но такъ сильна любовь къ свѣту, что многіе отцы и матери семейства, обманывая себя и другихъ, предаются имъ подъ видомъ дѣтской пользы. Тотъ имѣетъ долгъ ввести сыновей въ общество, та хочетъ остеречь дочерей отъ заблужденія; тѣ и другія желаютъ выбрать для нихъ достойныхъ жениховъ и невѣстъ. Но между тѣмъ сыновья и дочери, увольняя ихъ отъ заботы, составляютъ свои знакомства, играютъ пороками, отдаются не по выбору родителей, но по собственному мнѣнію. Это приводитъ насъ ко вліянію безпорядочныхъ нравовъ на юный возрастъ и зрѣющую душу человѣка.

Какъ желательно, чтобъ перемѣна обстоятельствъ убѣдила насъ и въ пользѣ хорошаго воспитанія, безъ котораго нѣтъ и не можетъ быть нравственности. Сколько ни будемъ твердить дѣтямъ о нравственныхъ качествахъ, о чести народной, о домашнихъ обязанностяхъ, естьли не подкрѣпимъ наставленіе примѣрами, то священный гласъ добродѣтели замретъ въ безчувственномъ сердцѣ ихъ, какъ плодотворное зерно въ нѣдрахъ почвы неблаго-

дарной. Какъ молодый человѣкъ повѣритъ пользѣ добрыхъ нравовъ, когда опыты противорѣчатъ нравоученїю, когда не правила ума и сердца, но успѣхи другаго рода выводятъ его на путь блестящей извѣстности? Положимъ, что иная добродѣтельная красавица съ довѣренностїю внимаетъ совѣтамъ нѣжной матери; но естьли окружаетъ ее толпа безстыдныхъ вѣтренниковъ, которыми такъ богато общество, и порочныхъ сверстницъ, которыхъ сообщенїе есть для нее зараза; то сколько бы умъ и сердце ни влекли ее къ добру, она устремится на другой путь по общему примѣру подругъ, отца и матери, преданныхъ свѣту и его нравамъ вопреки домашнимъ нравоученїямъ. Отсюда происходятъ безславїе женскаго пола, наглое тоѵжество нашего, одиноческое состоянїе однихъ, слабые союзы другихъ, и тѣ безпорядки, которыми только обогощается собранїе городскихъ анекдотовъ. Я увѣренъ, что нѣтъ ниодной матери, привязанной къ дочерямъ своимъ, которая бы не сѣтовала о сихъ безпорядкахъ, не сожалѣла о нынѣшнемъ состоянїи благородныхъ дѣвицъ; но сожалѣнїе безплодно, а раскаянїе виновной матери слабо, или поздно. Возвратись мать къ своему долгу; окружи дочь отборными знакомствами и добродѣтельными примѣрами, предпочти для ея

замужства извѣстнаго по своей нравственности человѣка всѣмъ другимъ выгодамъ свѣтской жизни: и мы увидимъ тотчасъ, какъ женщина добродѣтельная всегда отъ природы, но порочная отъ воспитанія, возвратитъ своему полу добрую славу. А кто изъ родителей можетъ остановиться на пути добра отъ насмѣшекъ злаго или порочнаго, тотъ недостоинъ священнаго имени отца или матери.

Мы двинулись такъ далёко на пути гражданскаго просвѣщенія, что не можемъ конечно отступить къ обычаямъ вѣковъ грубыхъ и варварскихъ; но можемъ, не оскорбляя благороднаго вкуса, возвратиться къ простотѣ древнихъ нравовъ, украшенныхъ выгодами просвѣщенія и удовольствіями науки. Сколько новыхъ преимуществъ, пріятныхъ искусствъ, любопытныхъ знаній имѣемъ нынѣ для занятія себя дома и въ деревнѣ, которая всего скорѣе можетъ примирить насъ съ добрыми нравами. Чтобы полюбить сельскую жизнь, надобно только умѣть ею пользоваться. Ахъ, другъ мой! домашняя бесѣда спокойная безъ этикета и злословія; семейственныя прогулки на свободѣ ума и сердца неозабоченнаго тягостнымъ пріемомъ гостей; нѣсколько добрыхъ сосѣдей, готовыхъ на услугу, всегда благодарныхъ за ласку, не высматриваю-

щихъ лукаво слабости и недостатки хозяина, чтобы на другой день отдарить за гостепріимство колкою эпиграммою; игры, забавы и таланты дѣтей, утѣшающихъ насъ пріятною музыкою, или домашнимъ спектаклемъ, не подверженнымъ суду ареопага, со всѣхъ концевъ Москвы собраннаго; чтеніе хорошей книги, и естьли угодно хорошаго романа, не для того чтобы имѣть случай привести слово или мѣсто изъ моднаго автора, но для того чтобы наслаждаться кроткими движеніями души; сколько другихъ нечувствительныхъ безделокъ, приносящихъ истинную радость и вѣрныя утѣшенія для добрыхъ сердецъ! Правда, не всѣ чувствительны къ симъ удовольствіямъ, немногіе повѣрятъ ихъ истинѣ, ибо не знаютъ ее. Но кто одинъ разъ испытаетъ сей родъ жизни и вкуситъ рѣдкое блаженство быть добрымъ отцемъ семейства, благодарнаго ему за щастіе; тотъ, скажу смѣло, не пожалѣетъ о потерѣ доходовъ, принудившихъ его поселиться въ деревнѣ. Вотъ выгоды нынѣшнихъ обстоятельствъ, которыя могутъ нечаянно возвратить насъ къ разсудку и къ самимъ себѣ.

Изъ того слѣдуетъ другое размышленіе. Щасливые дни въ правленіе АЛЕКСАНДРА I, общее спокойствіе духа,

мирная гражданская жизнь, блестящая картина Столицы и ея жителей, осыпанныхъ дарами фортуны, самыя *Іеремiады* нѣкоторыхъ безразсудныхъ головъ, никогда недовольныхъ и на зло себѣ самимъ всегда покойныхъ, такъ обезпечили многихъ въ отношенiи къ ихъ жребiю, что они почитали себя укрытыми отъ ударовъ рока и перемѣнъ фортуны, которымъ человѣкъ и народы равно подвержены. Едва ли не казалось имъ, въ усыпленiи нѣги, роскоши и покоя, что они невредимы, подобно баснословному полубогу, укрѣпленному водами Стикса. Но Провидѣнiе искушаетъ народы. Внезапно постигла насъ буря. Лишаясь тѣхъ благъ, которыми наслаждались, мы научались цѣнить ихъ справедливѣе; теряя излишества, и можетъ быть пороки, мы прiобрѣтали важные опыты мудрости. Теперь видимъ необходимость стоять не подъ колесомъ фортуны, естьли можемъ такъ изъясниться, но подъ защитою ума и сердца, чтобы умѣть опереться на самихъ себя въ превратныхъ дняхъ жизни; видимъ, что игра случая и мятежъ вещей человѣческихъ могутъ, какъ бурная волна, поглотить наши пристани, сокровища, забавы, и оставить насъ съ одними природными благами, — съ умомъ, сердцемъ и совѣстiю. Знаю, что такая философiя далека отъ обыкновеннаго мнѣнiя; но мое

намѣренїе разсуждать съ тобою, а не обращать къ мудрости людей, не имѣющихъ къ ней довѣренности.

Другъ мой! легкомысленность доводила насъ до послѣдняго забвенїя всѣхъ правилъ нравственныхъ, и можетъ быть обнадежила дерзскаго врага, покушавшагося на свободу нашу. Но извержение огненной лавы плодотворитъ землю, на часъ опустошенную. Опыты просвѣтятъ умы, бѣдствїя загладятся рукою времени, а память ихъ останется урокомъ народа въ теченїе вѣковъ. По крайней мѣрѣ заключаю письмо мое къ тебѣ не черною мыслїю, но утѣшительною надеждою.

П.

IV. ПОЛИТИКА.

Извѣстія.

Монархи - побѣдители стоятъ на берегахъ Рейна съ грозными силами, но съ величавымъ спокойствіемъ, держа въ одной рукѣ перуны праведнаго мщенія, а въ другой оливу благодѣтельнаго мира, и взоры вселенной обращены на тотъ край, гдѣ величественный совѣтъ союзныхъ Царей готовитъ спокойствіе для народовъ.

Между тѣмъ оба крыла главной арміи двинулися впередъ, одно въ Голландію, а другое въ Швейцарію, окружая такимъ образомъ Францію, которой грозитъ, съ востока большая армія въ Германіи, Австрійская въ Италіи, часть Россійской въ Базелѣ (*), со стороны сѣвера армія Генерала Бюлова, а съ юга Англо-Испанскія войска подъ начальствомъ Маркиза Веллингтона.

Для Голландіи ударилъ часъ ея свободы. Въ Гренингенѣ оказались первыя дви-

(*) Это извѣстіе требуетъ еще подтвержденія.

женія, а въ Амстердамѣ учреждено временное правленіе подъ начальствомъ Графа Спирума. Управлявшій Голландіей Ле-Брюнъ, нѣкогда гражданинъ - Консулъ, а потомъ Дюкъ де-Піаченца, скрытно бѣжалъ изъ Амстердама, какъ пишутъ въ нѣкоторыхъ вѣдомостяхъ. Союзники заняли Цволь, Девентеръ, Доэсбургъ и Цутфенъ. Генералъ - Маїоръ Нарышкинъ вступилъ въ Амерсфортъ. Генералъ Винценгероде занялъ Утрехтъ. Часть его авангарда вступила 24 Ноября н. ст. въ Амстердамъ, куда 2 Декабря прибылъ и самъ Принцъ Оранскій, къ общему удовольствію всѣхъ жителей.

Наслѣдный Принцъ Шведскій идетъ быстрыми шагами къ Голстиніи, чтобы истребить послѣдніе остатки Французской арміи, и обратить Датское правительство къ дѣлу общаго союза. Главная квартира его была 5 Декабря н. ст. въ Любекѣ, который здался на капитуляцію. Бременъ, Унценъ, Люнебургъ заняты союзниками. Гарбургъ блокируется Графомъ Строгоновымъ, который занялъ сверхъ того городъ Стадъ, принудивъ гарнизонъ удалиться въ Голштинію черезъ море. Хотя и пишутъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ, что Король Датскій вышелъ съ войскомъ на берега Голстиніи, и что сей послѣдній союзникъ

отброшеннаго всѣми покровителя хочетъ подкрѣпить отчаяннаго Даву 60,000 бѣдныхъ Датчанъ; однакожъ не льзя въ томъ не сомнѣваться до вѣрнѣйшихъ извѣстій: ибо такое намѣренїе Датскаго правительства не только противно пользѣ его народа, но оно не соотвѣтствуетъ и силамъ сего маленькаго Государства; и естьли Король предположитъ упорствовать противъ очевидной опасности, то онъ легко можетъ лишиться Голштинїи, южной Ютландїи, или Шлезвигскаго Герцогства, а можетъ быть и другихъ важнѣйшихъ владѣнїй въ Европѣ.

Въ Италїи военныя дѣйствїя продолжаются на берегахъ рѣки Адижа съ успѣхами для Австрїйцевъ. Трїестъ снова занятъ сими послѣдними. Венецїя со всѣхъ сторонъ окружена. Англичане дѣйствуютъ удачно на Средиземномъ морѣ; и разнесшїеся слухи о вступленїи ихъ въ столицу Италїи предвѣщаютъ, кажется, скорое освобожденїе послѣдняго народа, стенящаго еще подъ игомъ самовольнаго правленїя.

Фельдмаршалъ Веллингтонъ въ Испанїи, ведетъ союзныя войска отъ побѣдъ къ побѣдамъ. Главный городъ Наварскаго Королевства занятъ побѣдителями, и непрїятель отступилъ къ Баїоннѣ.

Говорятъ уже, что и Швейцарія приступила къ общему союзу противъ Французскаго правительства. Но во дни Телля, какъ замѣчаетъ издатель Рижской газеты, она была бы давно поборницей праваго дѣла.

— Открытіе Парламента въ Англіи, послѣдовало 2 Ноября н. ст. Принцъ Регентъ около 3 часа вступилъ въ верхній Парламентъ, и когда нижній къ нему присоединился, произнесъ Рѣчь, изъ которой слѣдующее мѣсто достойно особливо замѣчанія: „Мы не будемъ требовать отъ „Франціи ничего несовмѣстнаго съ ея че„стію и справедливыми требованіями ея „народа, и никогда подобное расположеніе „ни съ моей стороны, ни со стороны сою„зниковъ Его Величества не будетъ пре„пятствіемъ къ миру.“ —

Въ засѣданіи 8 Ноября, Графъ Батурстъ обратилъ вниманіе Парламента на блестящіе успѣхи союзныхъ воинствъ въ Испаніи; по обозрѣніи ихъ побѣдъ, онъ хвалилъ мужество Испанцовъ, и говорилъ о великой перемѣнѣ въ дѣлахъ Европы. Государство наше, сказалъ онъ, должно радоваться своимъ великимъ содѣйствіемъ къ пользѣ полуострова. Чѣмъ отличилось оно въ нынѣшнюю войну? Не однѣми чрезвычайными усиліями и жертвами, ибо дру-

гїе Европейскїе народы не уступаютъ ему въ семъ достоинствѣ; не искусствомъ нашего Полководца, и не храбростїю нашего воинства, ибо послѣднїя произшествїя въ Германїи доказываютъ, что есть намъ подобные и въ сихъ подвигахъ. Что же особенно ознаменовало народъ нашъ? Твердость и постоянство, съ которымъ онъ выдерживалъ войну; упорство, съ которымъ защищалъ независимость полуострова, какъ не измѣнялась фортуна, не переставая возжигать среди общаго мрака тотъ огненный столпъ, который указывалъ другимъ народамъ на стезю, ведущую къ обѣтованной землѣ — къ пристани безопасности и свободы. Лордъ предложилъ, чтобы принесено было благодаренїе Маркизу Веллингтону за оказанное имъ искусство и мужество послѣ побѣды при Витторїи, за изгнанїе Французовъ изъ границъ западной Испанїи, и за вступленїе въ предѣлы Францїи. — Лордъ Дарнлей хвалилъ талантъ и способности Маркиза Веллингтона, и славному защищенїю Португаллїи приписывалъ великїе и безсмертные успѣхи союзниковъ въ Германїи; въ заключенїе подалъ свой голосъ въ пользу мнѣнїя Лорда Батурста. Всѣ единогласно приняли предложенїе засвидѣтельствовать благодарность не только Фельдмаршалу, но и Генераламъ, всѣмъ Полководцамъ, Офицерамъ

и солдатамъ Англійскимъ и Португальскимъ. — Лордъ Кастлерегъ предложилъ въ нижнемъ Парламентѣ 11 числа умножить силы для пользы Государства чрезъ употребленіе сильной милиціи внѣ отечества, и прибавить награжденія воинамъ сей милиціи, чтобы вступили они добровольно въ линейные полки. Предложеніе было принято единогласно. —

— Побѣжденный врагъ Европы, возвратясь въ Парижъ, принималъ на тронѣ 14 Ноября н. ст. Сенатъ, и Царскими почестями вознаграждалъ себя, кажется, за потерю воинскихъ, и покорнымъ уничиженіемъ Франціи за смѣлую гордость народовъ отложившихся отъ его ига. Онъ вытребовалъ у Сената 300,000 человѣкъ конскриптовъ, которые умножатъ силы его, но не защитятъ конечно отъ вражды и ненависти народовъ, лишенныхъ имъ политическаго бытія и гражданскаго спокойствія. Опора державъ и Государей въ сердцѣ ихъ вѣрноподданныхъ; но могутъ ли быть вѣрны народы тому, кто выводитъ ихъ на поле брани не за святую пользу человѣчества, но для своей собственной славы, и приноситъ миліоны невинныхъ жертвъ въ угожденіе ненасытной страсти къ завоеваніямъ. Выгода союзныхъ Государей передъ властелиномъ Франціи есть и

будетъ всегда та, что ихъ оружїе освобождаетъ народы, а его сила притѣсняетъ ихъ. Но сколько увеличатся сїи выгоды, когда послѣдняя корона, твердо еще лежащая на головѣ честолюбца, потрясется отъ паденїя другихъ коронъ его, и отъ удара сосѣдственныхъ Державъ, грозящихъ ему мщенїемъ? Тогда Графы, Ласепеды и Кардиналы Мори (*), принужденные, къ сожалѣнїю, льстить ему, заговоря[illegible] другимъ языкомъ, достойнѣйшимъ их[illegible]ной славы.

Въ послѣднемъ засѣданїи генеральныхъ и чрезвычайныхъ Кортесовъ въ Испанїи, которые уступили мѣсто свое Кортесамъ обыкновеннымъ, произнесъ Президентъ собранїя краснорѣчивую и сильную Рѣчь, изъ которой Англїйскїя вѣдомости приводятъ слѣдующее мѣсто: „Все предвѣщаетъ, что „скоро наступитъ день освобожденїя на„шего отечества, и вы избраны можетъ „быть Небомъ для совершенїя сего велика„го дѣла; вамъ предназначено воспользо„ваться нынѣшними выгодами политиче„скаго и военнаго положенїя Европы, и въ „особенности положенїемъ Испанїи, столь „непохожимъ на то, въ которомъ при„званы къ правленїю Кортесы! Тогда одни

(*) См. далѣе статью о Кардиналѣ Мори.

„зыблющіеся столпы подпирали общественное зданіе; и Государство со всѣхъ сторонъ обрушалось. И тогда въ сердцахъ Испанцевъ пылала любовь къ отечеству, но пылала слабо; ибо народъ проливалъ драгоцѣнную кровь свою не для пользы отечества, но для выгоды своихъ притѣснителей; нынѣ святое пламя ея никогда въ сердцахъ не угаснетъ, ибо народъ сражается, побѣждаетъ и гибнетъ за спасительные уставы Государственные, за истинное отечество, за общую свою независимость. Тогда рабствовала почти вся Европа; только въ Испаніи отвергали цѣпи рабства, и враги грозились на насъ предъ вратами Кадикса. Нынѣ все свободно, и мы угрожаемъ врагу на его границахъ. Нынѣ заключили мы дружественные союзы съ великими Державами, какъ желали того; и наши древніе союзники, въ лучшее состояніе приведенные нашею твердостію, дѣятельнѣе трудятся для нашего блага. Сицилійскія войска сражаются вмѣстѣ съ нашими; въ нашихъ поляхъ покрыло себя славою храброе и многочисленное воинство Португальцовъ; достойные сыны Англіи увѣнчаны безсмертными лаврами Испанскими; и кромѣ славы и щастія подкрѣплять общее дѣло, Англія должна гордиться рожденіемъ героя, непобѣдимаго Веллингтона,

„безсмертнаго Полководца, ведущаго союзныя „воинства отъ одного торжества въ другому. Тогда Съверъ пребывалъ въ тишинѣ и бездѣйствiи; нынѣ великодушный „Наслѣдникъ Екатерины поразилъ, уничтожилъ гордые орлы Французскiе, и по „его примѣру возпрянули наслѣдники Густава и Фридриха. Тогда мы имѣли правленiе, которое, по своей слабости, не „обезпечивало такъ судьбы нашей, какъ „требовали обстоятельства; нынѣ составлено оно изъ мужей достойныхъ, по ихъ „добродѣтелямъ и любви къ новому Государственному уставу, быть стражами народнаго спокойствiя. Пекитесь вы, мудрые преемники нашихъ трудовъ и нашей „славы, пекитесь о благѣ народа, да не изчезнутъ прекрасныя надежды наши! и пр.“

— Сказываютъ, что предъ вступленiемъ союзныхъ войскъ въ Голландiю, когда она еще находилась подъ игомъ Наполеона, простые рыбаки Голландскiе платили по два червонца за официальную газету Англiйскую, переведенную на Голландскiй языкъ, и содержащую въ себѣ извѣстiе о побѣдахъ Веллингтона и подвигахъ Принца Оранскаго, служащаго подъ его начальствомъ.

— Францисъ д'Иверне въ Августѣ мѣсяцѣ 1813 года напечаталъ въ Рейхен-

бахъ новое сочиненіе, въ которомъ опровергаетъ ложныя донесенія Наполеоновыхъ министровъ о положеніи Французской Имперіи и о состояніи государственныхъ финансовъ. Между прочимъ авторъ говоритъ слѣдующее: „Доставшаяся въ руки „козаковъ канцелярія Наполеона открыла, „какъ сказываютъ, что во время его „набѣга въ Россію онъ обдумывалъ, „какъ бы прекратить бездѣйствія своихъ „работниковъ на фабрикахъ хлопчатой „бумаги; что онъ измучилъ и утрудилъ „умъ свой выдумкою различныхъ для того „плановъ; что Г. Монталиве дано было „повелѣніе украдкой ввезти во Францію „нѣсколько лишнихъ мѣшковъ хопчатой „бумаги, но остерегаясь при томъ, чтобы „Англійскіе корабельщики не вывѣдали отчаяннаго положенія его любимыхъ фабрикъ." — Далѣе, авторъ книги о финансахъ сообщаетъ выписку изъ письма къ Г. Монталиве отъ одной торговой компаніи, которой предложено было ввозить хлопчатую бумагу чрезъ Иллирію, съ обѣщаніемъ великихъ выгодъ и прибытковъ. На вызовъ къ отдаленной торговлѣ, компанія отвѣчаетъ: „что новыя постановленія, касательныя до финансовъ во Франціи и „во всѣхъ земляхъ, ей нынѣ подвластныхъ, „не имѣютъ съ нѣкотораго времени *никакой твердости* (здѣсь явно говорится

,,о континентальной системѣ); что торговыя предпріятія основываются на одномъ *настоящемъ порядкѣ дѣлъ, за которой никто не ручается*, и что ,,великая и новая перемѣна въ семъ порядкѣ ,,наноситъ вредъ и подрывъ торговлѣ... ,,Какъ бы ни была выгодна дорога чрезъ ,,Иллирію, не льзя совсѣмъ отправлять ,,тамъ торговлю, ибо *она разоритъ* ,,*въ конецъ тѣхъ, которые занимаются ею*, и проч." —

— Достойно замѣчанія, что въ Сентябрѣ мѣсяцѣ издалъ Кардиналъ Мори повелѣніе, во всѣхъ церквахъ пѣть *благодарственное молебствіе* за побѣды, будтобъ одержанныя 26 и 27 Августа подъ стѣнами Дрездена. На велерѣчивое разсужденіе Кардинала напечатаны недавно въ одной газетѣ слѣдующія примѣчанія: ,,Кардиналъ Мори изъясняется въ своемъ пастырскомъ повелѣніи такимъ образомъ: ,,*благочестивая и Августѣйшая наша* ,,*Императрица Королева и Правительница желаетъ, чтобы святая вѣра* ,,*въ храмахъ нашихъ возсылала къ* ,,*Богу общую молитву Французскаго* ,,*народа за героя, управляющаго имъ* ,,*съ такою славою*, и проч. ſcribendi re- ,,cte, ſapere, eſt et principium et fons. Какъ ,,вы далеки отъ сего правила, господинъ

,,Кардиналъ! Гдѣ бывшїй Академикъ Мори? ,,гдѣ тотъ защитникъ олтаря и престола, который во время народнаго собранїя отличался своимъ краснорѣчїемъ ,,въ пользу Короля и Принцевъ Французскихъ? Краснорѣчїе оставило его, когда ,,онъ измѣнилъ истинѣ."

,,Какой языкъ въ рѣчи вашей! Это ли ,,слова и духъ Евангелїя? въ томъ ли состоитъ ваша пастырская обязанность ,,и апостольское краснорѣчїе? — За кого ,,молиться? За героя, управляющаго народомъ съ такою славою. И рука проповѣдника не дрожала, писавъ сїи строки? ,,Человѣкъ возсѣлъ на царство; его подвиги, ,,его добродѣтели могли бы совершить щастїе мїра. Но сей человѣкъ, въ ослѣпленїи безумнаго честолюбїя, посвящаетъ ,,двадцать лѣтъ жизни своей на то, чтобы приводить народы въ смятенїе и разливать повсюду бѣдствїя, разрушенїя и ,,нищету. Онъ покрываетъ свое государство трауромъ; и когда послѣ новой войны, которая стоила ему полу-милїона ,,людей, цвѣта Францїи и надежды отечества, являются въ храмахъ одни отчаянныя матери и отцы семейства молить Небо о смягченїи жестокаго властелина вашего, единственнаго виновника ,,сихъ бѣдствїй, вы не стыдитесь востру-

„бить божественный гимнъ въ честь ему „и славу? Вамъ, стоящему на прагѣ вѣч„ности, вамъ было бы приличнѣе оплакать „въ надгробномъ Словѣ жертвы, безвинно „сраженныя на полѣ кровавыхъ браней.

„Далѣе вы говорите: *великій умъ „Императора вознесся до предусмо„трительной мысли укрѣпить, во вре„мя перемирія, столицу Саксоніи, что„бы сдѣлать ее оградою Реинскаго со„юза и твердою защитою побѣдъ его „и проч.* И такъ, господинъ Карди„налъ, вы пустились въ военныя разсуж„денія! Хорошо; но какое пустословіе! Го„родъ со всѣхъ сторонъ окруженный, го„родъ котораго жители терпятъ ужасы „голодной смерти, городъ котораго не хо„тятъ атаковать непріятели, щадя бѣд„ныхъ жителей и спасая ихъ отъ грабе„жа, сей городъ, по вашему мнѣнію, есть „ограда Реинскаго союза, отъ котораго от„стала Баварія, и за которой заплатилъ „такъ дорого слабый и легковѣрный Король „Саксонскій! Такъ, Господинъ Кардиналъ, „упорство вашего Императора въ Дрезденѣ „стоитъ вамъ 100,000 человѣкъ, и 700 „огнестрѣльныхъ орудій; то же упорство „доведетъ васъ до потери послѣдняго ос„татка арміи.“

„И такъ пойте славу героя вашего. Но „помните, что Исторія ожидаетъ васъ къ „суду; что она вноситъ въ списокъ свой име„на тѣхъ подлыхъ льстецовъ, которые, во„преки священному ихъ сану, содѣйствуютъ „къ притѣсненію народовъ. Страшитесь „пробужденія нещастныхъ жертвъ, обману„тыхъ вашимъ красноречіемъ. Наступило „время правосудія. Таинственная десница „ведетъ Царей и народы; спѣшите возвра„тить Франціи ея благосостояніе. Возгре„мите противъ суетнаго честолюбія того, „кто управляетъ ею! укажите ему на ис„тинную, славу неразлучную съ благомъ на„родовъ! потомъ сложите съ себя священ„ническія ризы, осыпьте пепломъ главу „вашу, постомъ и молитвою очистите себя „отъ грѣха подлой лести, чтобы съ истин„нымъ раскаяніемъ предстать на страш„ный судъ вѣчности.“ —

28 *Декабря.*

Забавное челобитье Французовъ къ Наполеону.

Ваше Величество! различныя сословія изъявляя вамъ усердіе народа, ощастливленнаго вашимъ благотворительнымъ и попечительнымъ разумомъ, не во всей силѣ

выразили наши сердечныя движенія. Ихъ краснорѣчіе было слабо; они пустились въ ораторство обыкновенной лести; они сравнивали васъ съ великими сынами человѣчества, когда нѣтъ въ васъ ничего человѣческаго; сравнивали съ Цезаремъ, когда ваша прозорливость, достойная сподвижница вашей героической отважности, предназначила вамъ жребій Фарнація.

Что значатъ, Ваше Величество, въ сравненіи съ вами великіе мужи, столь знаменитые въ Исторіи, Александръ, Цезарь, Карломанъ, Густавъ-Адольфъ, Карлъ XII, Петръ Великій, Фридрихъ II, ваши мнимые образцы? Они имѣли великія добродѣтели, которыя возвели ихъ выше обыкновенныхъ Государей и полководцевъ; но то были упорные мужи, готовые положить голову свою за честь и за спасеніе воинства по тогдашнему предразсудку: безпримѣрный Наполеонъ родился на то, чтобы изумить насъ другимъ родомъ героизма, совершенно противоположнаго.

Такъ надлежало бы восхвалить васъ тѣмъ ораторамъ, на которыхъ современники и потомство возложили долгъ поднесть къ стопамъ В. В. поклоненіе нынѣшнихъ и грядущихъ временъ.

Вмѣсто того, ораторы употребили обыкновенныя риторическія фигуры, и льстивымъ языкомъ уподобляли васъ великимъ Героямъ, съ которыми вы не имѣете ничего общаго. На ихъ лицахъ притворныхъ изображался не восторгъ радости, но ужасъ смятенныхъ сердецъ, которыя не могли угодить В. В., какъ видно было по вашимъ грознымъ взорамъ, по вашимъ сухимъ отвѣтамъ.

И среди всеобщаго изліянія сердецъ неискусные ораторы дерзнули представить черную картину возможной для васъ смерти. Такая мысль сокрушила насъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ сказалъ одинъ изъ ихъ сочленовъ, замѣтившій неосторожное слово: *никогда Царь не кончается*; онъ живъ и вѣчно живъ, доколѣ есть наслѣдникъ законнаго роду и колѣна. Судите же, В. В. сколько ваша держава обезпечена въ семъ отношеніи.

Извиняемъ однакожъ простосердеціе ораторовъ, ибо оно приведетъ насъ къ новымъ торжественнымъ обѣтамъ вѣрности передъ лицемъ законнаго наслѣдника, какъ нѣкогда произносили мы ихъ передъ лицемъ его Августѣйшаго родителя. По свойственной вамъ только политикѣ и прозорливости, вамъ благоугодно *даровать на-*

роду хлѣбъ и спектакли; и мы будемъ наслаждаться спектаклями въ ожиданіи хлѣба съ безмолвнымъ смиреніемъ.

Нѣкоторыя малодушныя семейства — и то можетъ быть половинная только часть народа — безпокоясь о судьбѣ непобѣдимаго нашего воинства и нещастнымъ образомъ любя память сыновъ, братій, друзей, супруговъ, повелѣли умолкнуть своему неосторожному воплю и стону, который совсѣмъ не соотвѣтствовалъ шумнымъ кликамъ нашей радости. Ласкаемъ себя надеждою, Государь, что вы благоволите простить ихъ слабость, и что праведный гнѣвъ вашъ смягчится.

Нѣкоторые злонамѣренные люди утверждаютъ, будто бы нынѣшнее время не способно было для новаго торжества, и что надлежало бы отсрочить его до 30 го бюлетеня, столь же вѣрнаго и не столь бѣдственнаго какъ былъ послѣдній, но которой принесъ бы намъ свѣдѣнія о нашей арміи, о ея мѣстопребываніи, о ея побѣдахъ; на сіи коварныя возраженія отвѣчаемъ просто.

Мы умѣли перелить души свои, по вашему примѣру! мы принесли въ жертву 450,000 воиновъ, которые въ три мѣсяца

и подъ вашимъ начальствомъ выиграли 20 сраженій. — Они исполнили долгъ свой. — Малодушіе слабыхъ женъ и хвастливое велеречіе нашихъ враговъ не убѣдятъ насъ въ излишествѣ нашихъ потерей. Намъ точно извѣстно, что въ концѣ Декабря Руские имѣли у себя въ плѣну 170,000 нашихъ храбрыхъ героевъ, между которыми было Генераловъ 41, а Офицеровъ 1,200; они живы; весною вы освободите ихъ и съ торжествомъ приведете за своей колесницею, приковавъ къ ней грубыхъ козаковъ, которые будутъ уже не страшны для насъ, но занимательны для нашего любопытства во время торжествованія побѣды: сіи трофеи докажутъ совершенное подданство обширной Имперіи Россійской, которая не постигнувъ вашихъ великихъ намѣреній для пользы человѣчества, приняла политическую войну за войну хищническую и упорствомъ своимъ до того утомила вашу отеческую къ ней любовь, что вы отреклись уже даровать ей просвѣщеніе и ту свободу, которой наслаждаемся подъ вашимъ скипетромъ.

Вѣрьте, Государь, что впредь ничто не можетъ поколебать нашей къ вамъ приверженности. Мы будемъ наслаждаться тѣми празднествами, которыя вы намъ го-

товите, съ невиннымъ простодушіемъ всѣхъ вашихъ вѣрноподданныхъ.

У насъ нѣтъ другаго отечества кромѣ васъ. Великій Наполеонъ — нашъ Моисей, нашъ Магометъ, нашъ Манко-Капань. Вы лишились 400,000 человѣкъ; не бойтесь, чтобы по примѣру слабаго Августа мы возопіяли: *Варрій, возврати мнѣ легіоны мои!* Напротивъ, только повелите . . . мы удвоимъ, утроимъ число щастливыхъ жертвъ вашей славы. Довершите великое дѣло и не заключайте славнаго теченія двумя войнами, которыя В. В. вели съ такимъ успѣхомъ, изъ конца въ конецъ вашего обширнаго царства утвержденнаго на любви подданныхъ, какъ доказали послѣднія побѣды ваши.

Отправьте въ Испанію 150,000 человѣкъ; да караетъ праведно рука ваша мятежниковъ сего закоснѣлаго полуострова, и да свергнетъ въ море ихъ вѣроломныхъ союзниковъ.

Отправьте 300,000 въ Турцію, и накажите варвара Султана за миръ, имъ заключенный.

Вышлите въ море 20 линейныхъ кораблей и 100,000 человѣкъ, для возвращенія потерянныхъ колоній

Пошлите такое же число въ объ Испанскія Америки, которыя боготворятъ васъ.

Отправьте въ Балтійское море 50 кораблей, да разрушатъ они морскія силы Россіи, Швеціи и Англіи, да высадятъ 100,000 чел. для покоренія Швеціи и для усмиренія Бернадота, который смѣетъ вызывать васъ на брань.

Оставьте во Французскихъ гаваняхъ вашихъ 50 кораблей съ многочисленной флотиліей, и вдоль береговъ разставьте 150,000 человѣкъ, готовыхъ разорить Англію.

Сіи подвиги, достойные вашего высокаго ума и соразмѣрные вашимъ неизчетнымъ силамъ, требуютъ только 950,000 человѣкъ и 220 линейныхъ кораблей. Когда вы расположите ими съ тою прозорливостію, которая видна во всѣхъ вашихъ военныхъ и политическихъ планахъ, предпримите весною походъ съ 500,000 арміею для покоренія Польши и для завоеванія Россіи. А у насъ будетъ готово для васъ другое равное число въ резервѣ; ибо вы доказали намъ, и доказали неоспоримымъ образомъ, что не довольно 450,000 для приведенія въ подданство непокорныхъ сыновъ

Россіи. — Безъ сомнѣнія В. В. съ двумя миліонами солдатъ, съ 200 линейныхъ кораблей, вамъ удастся, съ помощію великаго только ума вашего, побѣдить вселенную и закрыть храмъ Янусовъ; вы будете тогда единственнымъ Наполеономъ, богомъ вѣка.

Принявъ великодушно изъявленіе того чувства, съ которымъ мы удивлялися прозорливому и быстрому возвращенію В. В. къ вѣрно-подданнымъ вашимъ, позвольте намъ принесть поздравленія вашему Пиладу, Эттенгеймскому побѣдителю, вѣрному сотоварищу вашей достопамятной эгирьѣ. Мы увѣрены, что его краснорѣчіе облегчило для васъ непріятность такого труднаго, такого скораго пути, приводя вамъ на память тѣ славные подвиги, въ которыхъ онъ самъ участвовалъ; и въ знакъ удовольствія вашего къ его заслугамъ, вы оказали ему великую честь, странствуя подъ его именемъ во время вашего *инкогнито*, и можетъ быть подъ именемъ его слуги. Такая черта довѣренности и *короткости* опредѣляетъ ему отличное мѣсто въ Исторіи.

В. В. мы заключаемъ смиренное наше челобитье, сей памятникъ ревностнѣйшихъ

обѣтовъ всего народа, всеподданническою прозьбою, чтобы В. В. являлись чаще среди Сената, въ которомъ особа ваша также священна, какъ нѣкогда была особа Ромула въ Сенатѣ Римскомъ, и чтобы вы показывались на праздникахъ, въ спектакляхъ, во всѣхъ невинныхъ играхъ нашихъ, для которыхъ вы служите самымъ рѣдкимъ украшенїемъ. Мы заклинаемъ васъ еще принять дѣятельнѣйшїя мѣры къ размноженїю вашей династїи; и хотя нѣтъ въ васъ ничего человѣческаго, не возгнушайтесь сими слабостями, которыя обратятъ васъ въ подобнаго намъ человѣка. Но какъ при жизни, такъ и при смерти, вы будете для насъ существомъ непостижимымъ. Наши чувства, а особливо наши мнѣнїя, никогда не измѣнятся, и съ благоговѣйнымъ страхомъ возгласимъ мы къ потомству: нѣтъ! не было и никогда не будетъ втораго Наполеона!

Изъ Conſérv. Imp.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ЯНВАРЬ 1814.

№ 2.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

ОБѢ ШКОЛЫ,

или

свѣтъ и уединеніе,

повѣсть.

Нравъ женщины есть дѣло природы: нравы ея дѣло воспитанія, общества и моды, которой все подвластно отъ мнѣнія до вкуса, отъ природы до науки и отъ раболѣпства невѣждъ до гордости мудрыхъ. Мы жалуемся на вѣтренность женщинъ; было бы справедливѣе жаловаться на легкомысліе мущинъ, на безуміе вѣка, на ослѣпленіе отцевъ семейства. Естьли

немногіе мудрецы имѣютъ столько твердости духа, чтобы смѣло возвысить голосъ предъ законодателями свѣта и условные предразсудки оспорить языкомъ вѣчной истины, то можемъ ли осуждать молодыхъ красавицъ за то, что не противорѣчатъ общему мнѣнію и не укрываются отъ общаго зла? Слабыя твари, обольщенныя свѣтомъ, уступаютъ силѣ примѣровъ, подобно человѣку, котораго уноситъ быстрота потока, и который наконецъ тонетъ на днѣ обманчивой стихіи. Не столько злонамѣренныхъ преступниковъ, сколько жертвъ безвинныхъ, — и слѣдующая повѣсть подтвердитъ можетъ быть наше мнѣніе.

Пальмира, единственная дочь Г. Нолина, нѣсколько уже лѣтъ овдовѣвшаго, выросла въ Москвѣ, въ Столицѣ искусствъ, забавъ и просвѣщенія. Ея воспитаніе было самое блестящее: въ пеленахъ и въ колыбели учили ее говорить на языкахъ иностранныхъ; на рукахъ выносила ее Англичанка; младенческія игры дѣлили съ нею сверстницы разныхъ націй, и наконецъ знатная эмигрантка, родомъ изъ Парижа, образовала умъ и сердце молодой Россіянки. Первые артисты въ городѣ настроивали ея голосъ и руку къ пріятнымъ искусствамъ Орфеевъ, ноги и станъ къ гибкости

Вестрисовъ. Дамами прославленный молодый пасторъ вводилъ ее въ таинства Богословіи по Шатобріановымъ сочиненіямъ. Недоставало только морали. Но конечно бы родитель пригласилъ и для того молодаго ученаго студента, естьли бы свѣтскіе обычаи позволяли, или справедливѣе, терпѣли такого рода науку. Однимъ словомъ, сей отецъ не жалѣлъ ничего для успѣховъ дочерняго воспитанія, кромѣ собственныхъ трудовъ своихъ, которыхъ не могъ посвятить ей по причинѣ ежедневныхъ выѣздовъ. Но просимъ читателей не выводить еще заключеній изъ первыхъ подробностей сего воспитанія. Два обстоятельства рѣдкія, но щастливыя, спасли Пальмиру. Любя искусства и науки, она имѣла позволеніе заниматься ими въ уединеніи, и до пятнадцати лѣтъ не видала еще ни одного изъ шумныхъ собраній въ городѣ. Съ другой стороны, по тайному предчувствію женскаго достоинства и по врожденной благородной гордости, она избѣгала всякаго вольнаго обхожденія съ учителями, нанятыми украшать ея дарованія. Умная, добродѣтельная, чувствительная, скромная и застѣнчивая Пальмира плѣняла тѣми достоинствами, которымъ не вѣрятъ уже въ свѣтѣ, но которыя такъ много обѣщаютъ сердцу добродѣтельнаго мущины.

Съ прекрасной душей Пальмира имѣла и наружность очаровательную: стройность Граціи, величавость богини, и ту красоту, которая, при всемъ совершенствѣ лица, показываетъ ангела любви и кротости. Не льзя было слышать ея голоса безъ сердечнаго движенія, какъ не льзя слышать безъ умиленія сладкой мелодіи; и слово, которое изъ устъ ея вылетало, казалося ласковымъ и краснорѣчивымъ отъ выраженія остроумныхъ глазъ и отъ цвѣтущей всегда улыбки на прекраснѣйшихъ губахъ въ свѣтъ. Что могло не пристать къ лицу ея? Лента ли перевязывала голову? прикалывался ли цвѣтокъ къ волосамъ? небреженіе ея было украшеніемъ природы, а простота образцемъ искусства. Сего не довольно: красавица, какъ будто бы смятенная блескомъ своихъ прелестей, невольно опускала на нихъ таинственной покровъ робкихъ и стыдливыхъ взоровъ, которые представляли нѣчто превосходнѣе красоты ея — представляли скромность и невинность: словомъ, ей надлежало только явиться въ свѣтъ, гдѣ многія блестящія красавицы напрасно стараются привлекать сердца и плѣнять взоры, чтобы успѣть въ томъ самымъ невиннымъ образомъ безъ искусства и умысла.

Ей минуло пятнадцать лѣтъ, и толпа молодыхъ вѣтренниковъ, свѣдавъ о юной розѣ для нихъ цвѣтущей, ожидала ея явленія, какъ младенецъ ожидаетъ игрушки, какъ стрѣлокъ нетерпѣливый стережетъ новую добычу. Но всѣхъ нетерпѣливѣе вызывала и требовала ее не молодая уже, но еще пріятная, вдова госпожа Модолюбская, знатнѣйшая дама въ городѣ, законодательница вкуса, идолъ своего времени; Модолюбская, которой домъ, подобно освященному храму, съ роскошнымъ великолѣпіемъ отворялся каждый вечеръ для верховныхъ жрецовъ моды, для избранныхъ любимцевъ богини и для всѣхъ тѣхъ, которые имѣли требованіе на умъ, на любезность и на ласку свѣта; Модолюбская, которая изъ многочисленныхъ любовниковъ своихъ удержала послѣдняго Нолина, не столько влеченіемъ слабой уже красоты, сколько узами благодарности и свычки. Она доставляла ему, отягченному долгами, способы на воспитаніе дочери и на забавы роскоши; и она взялась ввести Пальмиру въ общество, непремѣнно требуя, чтобы она переѣхала въ домъ къ ней жить и выѣзжать съ ея дочерью. А дочь ея, Ириса, была двадцатилѣтняя дѣвушка, извѣстная по успѣхамъ достойнымъ славы Модолюбскихъ. Нолинъ не смѣлъ никогда противорѣчить своей богинѣ, чтобы не

лишиться послѣднихъ способовъ жизни, и тотчасъ исполнилъ ея волю. Бѣдная Пальмира, которая посѣщала знатную даму только два, или три раза въ годъ по утрамъ и до съѣзда гостей, увидѣла себя не безъ замѣшательства вдругъ перенесенною въ домъ подобный волшебнымъ чертогамъ Армиды, въ ежедневное общество рѣдкихъ по уму и любезности хозяекъ, о которыхъ натвердилъ ей отецъ до страха и, естьли можно такъ сказать, до набожности.

Первое дѣло Модолюбской было переодѣть Пальмиру. На другой день приводятъ ее къ мраморному туалету, поддержанному Граціями и Амурами безъ покрова; приносятъ ей на выборъ костюмы самые близкіе къ симъ моделямъ; призываютъ Ирису убирать ее. Уже черные длинные волосы, не смѣя разсыпаться по волѣ, искусно завиваются кольцами и прикалываются золотымъ гребнемъ; прекраснѣйшія формы тѣла на зло любовнымъ таинствамъ означаются на кисеѣ, тонкой какъ паръ, прозрачной какъ хрусталь; и красавица выходитъ изъ храма вкуса, какъ нѣкогда богиня любви изъ серебряныхъ волнъ океана, во всемъ блескѣ чувственной роскоши. Вижу въ облакахъ рой Амуровъ и слышу плескъ ихъ крыльевъ въ знакъ восторга и радости!

Сама Модолюбская, гордясь творенїемъ рукъ своихъ, радовалась и торжествовала; но Пальмира, неблагодарная Пальмира, видя себя въ зеркало, едва не плакала. „Маминька!“ сказала она (такъ отецъ велѣлъ ей называть свою наставницу и благодѣтельницу) „маминька, мнѣ стыдно.“ „Стыдно! — повторила Модолюбская съ такимъ грознымъ видомъ, что невинная красавица оробѣла и замолчала. Къ щастїю обезоруженная симъ молчанїемъ гнѣвная богиня смягчила голосъ и произнесла красворѣчивую рѣчь, внесенную во всѣ альбомы моднаго свѣта и мною оттуда выписанную: „Послушай, „милая! отецъ твой, человѣкъ слабый, „уступалъ конечно твоей волѣ; а я имѣю „твердой характеръ и требую покорности „безпредѣльной. Невинность, стыдливость, „скромность, все это прекрасно выражает„ся въ романахъ, поэмахъ и, естьли „угодно, въ простотѣ домашней жизни; но „рѣдко произносится въ хорошихъ общест„вахъ, и никогда людьми благовоспитанны„ми. Ты начиталась новыхъ книгъ про„тивъ философїи, и я угадываю источ„никъ стыда твоего. Жанлисъ, хорошая „сочинительница романовъ, но дурная про„повѣдница нравоученїя, Жанлисъ осмѣи„ваетъ нынѣшнїй уборъ Греческой. Гово„рятъ еще, что одинъ изъ нашихъ Писа„телей, извѣстный мнѣ только по имени

„(ибо я не читаю Руских) коснулся неосторожно костюмовъ нашего времени. „Но знай, что не только Руской Писатель, „не только госпожа Жанлисъ, но и первой „красавецъ въ свѣтѣ, хотя бы онъ былъ „другимъ Адонисомъ, или Эндиміономъ, не „убѣдитъ насъ возвратиться къ обычаямъ „полупросвѣщенныхъ вѣковъ. Такъ полу„просвѣщенныхъ конечно: — кто можетъ „безъ крайней нечувствительности пред„почесть тѣ вѣки нашему? Для сравненія „одежды и нравовъ поставимъ наряду ка„кую нибудь готическую красавицу и съ „нею новѣйшую, на примѣръ безсмертную „Рекамье. Первая подъ турами, шнуров„ками, фижмами есть бездушная масса; „послѣдняя подъ легкимъ покрываломъ есть „живописная Нимфа. Одна скрываетъ, „кажется, полъ свой; другая стоитъ на „піедесталѣ и говоритъ: смотрите! Та, какъ „бы отталкивая мущинъ вѣчною прегра„дою, осуждаетъ ихъ на скуку и мученіе; „а эта по цвѣтамъ ведетъ ихъ за собою „навстрѣчу любви, игры и забавы.“... Модолюбская хотѣла еще продолжать новаго рода Филиппику, — но явился отецъ Пальмиры. Ему принесли жалобу не для удовольствія, но для этикета. Онъ осудилъ странность дочери, одобрилъ наставленіе маменьки, и спѣшилъ на утреннюю репетицію Русалки. За нимъ отправилась

и Модолюбская, отдавъ Пальмиру на руки своей дочери.

Когда онѣ остались однѣ, послѣдняя громко захохотала. „Чему ты смѣешься?" спросила Пальмира. — Давишнему Волтеріянскому краснорѣчію маминьки и твоей невинности, достойной Агнесы. Ты, кажется, такъ нова въ главномъ дѣлѣ женскаго пола. Но это мило . . . невинность идетъ къ лицу твоему. — „Ты забавляешься на мой счетъ?" — Нѣтъ, милая, нѣтъ. О! какъ ты щастлива, что сердце твое покойно! а я люблю и страдаю (въ это время, прохаживаясь по комнатѣ, Ириса затверживала па д'екоссезъ), люблю Поляка, недавно женатаго . . . — Пальмира не могла надивиться такимъ страннымъ связямъ и чуднымъ рѣчамъ. Но Ириса черезъ полчаса размышленія продолжала: — Завтра Благородное Собраніе. Въ первый разъ вывезутъ тебя въ свѣтъ. Вокругъ прекрасной розы слетятся влюбчивые зефиры; дани любви осыпютъ цвѣтъ красоты, и тогда берегись, щастливая смертная, берегись, чтобы слава побѣдъ не стоила тебѣ сердечнаго спокойствія. Ахъ, Пальмира! тамъ встрѣтишь Графа Изумрудова, сына богатаго вельможи, перваго красавца въ мірѣ и совершеннаго героя романа. Щастлива и прещастлива та, кото-

рая побѣдитъ гордаго и приведетъ его плѣнникомъ за торжественной своей колесницей. — Ириса обѣщала указать ей въ Собраніи сего завиднаго жениха, за которымъ бѣгаютъ толпы отчаянныхъ невѣстъ, и не переставала твердить о семъ рѣдкомъ героѣ, выхваляя пріятность его ума, ловкость ухватокъ, знатность имѣнiй, другія важныя достоинства, все до прекрасныхъ меблей его дома, до красоты Англійскаго цука, даже до вкуса его въ фракахъ, жилетахъ и проч. — Возвращеніе Нолина и Модолюбской не позволилоИрисѣ дописать портретъ Графа.

Сей разговоръ былъ заведенъ не безъ намѣренія. Давно Ириса искала случая отмстить одной изъ своихъ соперницъ, Софіи Линаровой, которая перебила у ней сердце Графа Изумрудова, и которая имѣла съ нимъ тайную связь, немногимъ еще извѣстную. Неопытность Пальмиры, рѣдкая красота ея, удовольствіе новой побѣды для молодаго человѣка, подали ей мысль и надежду совершить наконецъ свое мщеніе. Характеръ славнаго вѣтренника отвѣчалъ ея тайнымъ видамъ. Сей мастеръ любовнаго искусства и всѣхъ его хитростей, наизусть читая Тибулла и Петрарку, Боккація и Парни, Фобласа и Кребильйоновы сказки, умѣлъ говорить

съ женщинами, смотря по характеру и случаю, языкомъ наглаго сластолюбца, или нѣжнаго любовника. Никогда острота не украшала такого развратнаго ума и никогда щастїе свѣта не ласкало другаго недостойнѣйшаго человѣка. Таковъ былъ тотъ, которому Ириса задумала принести безвинную жертву въ утѣшенїе своего оскорбленнаго самолюбїя. Въ тотъ же день написала она къ одной повѣренной любовныхъ дѣлъ ея: „Наше дѣло можетъ имѣть „успѣхъ и успѣхъ самый блестящїй. Ты „увидишь сего дня Графа Изумрудова: упреди „его, что завтра на балѣ явится новая „красавица робкая, стыдливая, невинная, „словомъ фениксъ нашего пола. Ты понимаешь меня. Прибавлю только, что ты „можешь, сколько тебѣ угодно, разгорячить романическое воображенїе героя.“ — За симъ письмомъ были разосланы другїя къ нѣсколькимъ прїятельницамъ, чтобы пригласить ихъ къ участїю въ семъ великомъ дѣлѣ.

Скоро пронеслась по городу вѣсть о молодой Пальмирѣ. Старики и старухи ѣхали въ собранїе, для того чтобы ее видѣть. Въ тотъ день первыя мастерицы въ искусствѣ одѣваться и нравиться не вѣрили своему вкусу, и нѣсколько разъ переодѣвались съ явною досадою. Матери,

которыя никогда не заглядывали въ уборную комнату дочерей своихъ, отбирали тамъ лучшія кружева, жемчуги, брилїанты, не для нихъ, а для самихъ себя. Гдѣ встрѣчалось только нѣсколько женщинъ извѣстныхъ по красотѣ ихъ, тамъ спрашивали другъ друга: правда ли, что Пальмира имѣетъ наружность очень обыкновенную, и что нѣтъ въ ея лицѣ души и жизни? Успокойтесь ревнивыя соперницы! еще Парисъ не вручилъ яблока; еще не объявилъ имени прекраснѣйшей.

Ударило девять часовъ, когда Пальмира, подавъ руку Ирисѣ и слѣдуя за Модолюбской и Нолиномъ, явилась въ залѣ Собранїя. Едва показалась, и толпы двинулись къ ней навстрѣчу; бѣгутъ, тѣснятся, окружаютъ прелестную, и говорятъ другъ другу: это не человѣкъ! это Ангелъ! это существо небесное! Пальмира слышитъ и краснѣетъ. — Стыдливость, смятенїе, скромность, возвышаютъ блескъ ея прелестей, и проливаютъ зависть въ сердца ея совмѣстницъ. Нолинъ и Модолюбская, довольныя симъ торжествомъ, садятся за карты, а дочерей отпускаютъ наслаждаться громкою славою и любезною вольностїю.

Ириса, обойдя залу, приводитъ Пальмиру къ тому мѣсту, гдѣ ожидалъ ихъ

Графъ Изумрудовъ по знаку тайнаго заговора, и она говоритъ ей въ полголоса: *вотъ онъ! вотъ нашъ красавецъ!* Въ самомъ дѣлѣ молодой человѣкъ стоялъ, какъ царь красоты и величества передъ раболѣпною толпою, которая въ лицѣ его покланялась титламъ знатности и сокровищамъ богатства. Въ первый разъ увидѣла Пальмира такого смѣлаго юношу въ кругу сѣдыхъ стариковъ, предпочтительно предъ ними осыпаннаго знаками уваженія; и не умѣя еще цѣнить людей по вѣсу золота и силы ихъ при Дворѣ, она заключила по наружности, что конечно умъ и достоинства приносили ему столько чести. Такое мнѣніе, подкрѣпленное рѣчами Ирисы и всѣмъ тѣмъ, что наговорилъ ей отецъ о людяхъ свѣтскихъ, упредило ее въ пользу молодаго человѣка, которому скоро ее представили. Ему довольно было получаса времени, чтобы присвоить себѣ права короткаго знакомства, и объявить Пальмиру своею дамою на всѣ контрдансы бала. Бѣдная не смѣла ни согласиться, ни отказаться. Но проворной Графъ, воспользовался ея молчаніемъ, какъ знакомъ согласія, и подалъ ей руку для открытія бала.

Тамъ въ рѣзвости щастливаго вальса Графъ открываетъ ей любовь свою, признаетъ себя плѣнникомъ красоты ея, го-

воритъ какъ любовникъ и рѣзвится какъ младенецъ. Такой человѣкъ и такой языкъ могли бы за нѣсколько дней передъ тѣмъ обратить Пальмиру въ бѣгство. Но видя теперь ласковую улыбку сверстницъ своихъ, которымъ молодые люди нашептывали безъ сомнѣнія любовную науку Овидія, она принудила себя выслушать Графа съ пріятнымъ видомъ, чтобы не показаться передъ другими ни дикою, ни смѣшною: двѣ странности, которыхъ, какъ извѣстно, не прощаютъ въ свѣтѣ. Однакожъ обрадованная концемъ бала, она бѣжитъ укрыться отъ ласки Графа и взоровъ нескромныхъ свидѣтелей. Ириса ловитъ ее на пути, и въ полголоса поздравляя съ первымъ щастливымъ успѣхомъ въ свѣтѣ, лукавымъ образомъ спѣшитъ съ нею къ отцу обрадовать его симъ извѣстіемъ.

На ту минуту Нолинъ и Модолюбская, отъигравъ въ карты, сидѣли въ углу залы, томились отъ скуки и надосугѣ злословили свѣтъ, въ которомъ проводили жизнь свою, и мимоходящихъ, которымъ очень ласково кланялись. Представьте себѣ радость, удивленіе, восторгъ родителя, когда пересказали ему съ тонкостію нечаянную встрѣчу съ Графомъ Изумрудовымъ, изъявленное имъ уваженіе къ Пальмирѣ и

усилїе, достойное похвалы, съ которымъ послѣдняя побѣдила свою застѣнчивость. Вы угадываете, что не жалѣли ни словъ, ни ласки, чтобы хвалить ученицу и благодарить наставницу. Какъ не гордиться послѣ того щастливою переимчивостїю! какъ не стараться подражать общему и хорошему тону! Передъ выѣздомъ изъ Собранїя явился Графъ Изумрудовъ. Онъ насказалъ множество привѣтствїй отцу въ похвалу дочери, и видя Нолина выводящаго свою даму изъ Собранїя, подалъ руку Ирисѣ, другую Пальмирѣ и проводилъ ихъ до кареты. На лѣстницѣ онъ успѣлъ сочинить одной нѣсколько мадригаловъ на счетъ рѣдкой красоты ея и перешепнуться съ другою о завтрешнемъ днѣ.

Съ какимъ движенїемъ сердца и ума проснулась на другой день Пальмира! сколько новыхъ случаевъ, которые перемѣняли ея понятїя о вещахъ и совершенно противорѣчили ея добродѣтельнымъ склонностямъ! какъ желала она говорить и совѣтоваться съ человѣкомъ, достойнымъ ея откровенности! Въ чрезвычайныхъ произшествїяхъ жизни сердце ищетъ, зоветъ друга и рвется за преграду, которая передъ людьми чуждыми любви и довѣренности мѣшаетъ ему изливаться. Но съ кѣмъ могла говорить Пальмира? Отецъ бѣгалъ

отъ ея откровенности и отводилъ ее отъ своихъ совѣтовъ. Новая маминька принимала на себя видъ повелительницы грозной и неприступной; а Ириса казалась ей не безъ основанія насмѣшливой до колкости. Надлежало заключиться во глубинѣ души своей, надлежало совѣтоваться съ однимъ умомъ своимъ незрѣлымъ и неопытнымъ. Но имѣла ли Пальмира время совѣтоваться и съ самой собою? Нѣтъ; она провела утро за туалетомъ съ Ирисою, съ нею неразлучной; послѣ обѣда слушала чтеніе романа, которымъ новая подруга спѣшила изострить ея чувствительность; а вечеромъ, сидя съ хозяйками дома въ тѣни будуара, едва освѣщеннаго одною лампою, какъ блѣдною луною, ожидала вечернихъ гостей и вечернихъ таинствъ.

Собралось вечернее общество; звѣзда его Графъ Изумрудовъ явился послѣдній. Съ перваго шагу началъ говорить, и въ нѣсколько минутъ перемѣнилъ нѣсколько разъ предметъ разговора; былъ веселъ до безумія, остроуменъ до скуки, любезенъ до того, что приводилъ въ нетерпѣніе женщинъ самыхъ пристрастныхъ къ его уму и любезности. Но дамы, украдкой зѣвая подъ бѣлыми платками, говорили въ слухъ: „Какая пріятность ума!“ Черезъ полчаса времени молодые люди скрылись въ другую от-

даленную залу. Иной сказалъ бы, что самъ богъ любовныхъ хитростей роздалъ мѣста и забавы, сославъ отцевъ съ матерями за карточные столы и отведя дѣтямъ уголокъ своего райскаго Эдема. Тамъ, въ нѣдрахъ щастливѣйшей свободы, начался концертъ, не безъ намѣренія составленный. Графъ игралъ на піано, Ириса пѣла; уговорили Пальмиру пристать къ нимъ. Тотчасъ Ириса перекинула ей черезъ плечо голубую ленту, на которой висѣла ея гитара, задала двумъ виртуозамъ страстную арію, всячески старалась настроить инструменты ихъ по тону сердца, сердце по тону инструментовъ, отъ слова до слова передавала одной, чего иногда и не говорилъ другой; но когда притворно, или истинно влюбленный Графъ, перервавъ игру свою, громко воскликнулъ: ахъ! я побѣжденъ! Ириса схватила, поднесла руку красавицы къ губамъ дерзкаго юноши, который осыпалъ наглыми поцѣлуями ея руку, какъ сердце чистое. Невинная Пальмира сгорѣла отъ стыда и смятенія; гитара выпала изъ другой руки ея; она едва не плакала. Но прекрасное движеніе добродѣтели тронетъ ли мертвыя души, развращенныя пороками? Графъ, столько же изумленный присутствіемъ невинности въ кругу свѣта, сколько бы онъ удивился явленію солнца въ часы ночи, Графъ отбѣ-

жалъ въ сторону отъ досады и негодованія; за нимъ удалились и другіе; а Ириса, обнявъ Пальмиру съ ласкою и смѣхомъ, достойнымъ Мильтонова сатаны, увлекла ее въ толпу развратныхъ.

Пальмира, видя себя осмѣянною, почитала себя странною. Она измѣнялась въ лицѣ, мѣшалась въ словахъ, не смѣла пристать ни къ тому, ни къ другому, тайно страдала въ душѣ, и въ первый разъ чувствовала движеніе суетнаго тщеславія. Сколько достойныхъ женщинъ погибаетъ въ свѣтѣ отъ того, что ниодна не имѣетъ твердости стоять смѣло передъ лицемъ порока и громко произнесть имя осмѣянной добродѣтели! Пальмира въ недоумѣніи и прискорбіи прибѣгла къ помощи другихъ. Того ожидали, того и хотѣли. Вызвались посредники, послѣдовало примиреніе, и Графъ возвратился къ Пальмирѣ. Онъ говорилъ къ ея успокоенію все, что можетъ говорить въ семъ случаѣ человѣкъ свѣтской: она ему вѣрила; ласкалъ ее смѣлѣе прежняго: она не отдергивала уже руки своей; наконецъ, передъ концемъ вечера, сказалъ ей: „Прекрасная Пальмира! вы достойны любви, уваженія, поклоненія земнаго; но, ради Бога, не будьте впредь недовѣрчивы и сомнительны; не унижайте до того себя и другихъ. И разсудите, какъ жестоко для человѣка, благороднаго душею, быть предме-

помъ несправедливаго подозрѣнія." — Клянусь вамъ, — отвѣчала Пальмира съ любезною откровенностію, которой цѣны не могъ довольно чувствовать хитрый ея обольститель, — клянусь, что никого и ни въ чемъ не подозрѣвала; одна робость была моею виною! я чужда свѣта, людей и всѣхъ обыкновеній общества. — Графъ, восхищенный такимъ признаніемъ, для него новымъ, не отходилъ отъ нее до ужина; передъ столомъ подалъ ей руку; и благодарная Ириса, сидя съ нимъ за ужиномъ, старалась всѣми силами заслужить его хорошее мнѣніе. О! какая прекрасная душа погибала жертвою нечувствительнаго вѣтренника и злодѣйскаго заговора!

Нѣсколько такихъ дней были для Пальмиры не самые веселые въ году, но самые памятные въ ея жизни; ибо она проходила, какъ Богдановичева Душенька, сквозь огонь и воду. Наконецъ въ одинъ день она сказала самой себѣ: „теперь знаю тайну свѣта и мою ролю. Еще нѣсколько опытовъ — гордыя мои соперницы на степенъ побѣдъ и славы — еще нѣсколько опытовъ, и берусь похитить лавры, вамъ поднесенные, права вами присвоенныя!" Такъ говорило раздраженное самолюбіе. Но доброе и безпорочное сердце ея не участвовало еще въ намѣреніяхъ гордаго ума, оскорблен-

наго неудачами и невольнымЪ образомЪ доведеннаго до слабости. МожетЪ быть здѣсь должно намЪ просить извиненія у нѣкоторыхЪ читателей и читательницЪ, что мы назвали слабостію столь обыкновенное вЪ свѣтѣ требованіе спорить сЪ другими вЪ превосходствѣ моды и вкуса.

ВЪ самомЪ дѣлѣ успѣхи новой ученицы были уже примѣтны, и обрадованная Ириса вбѣгаетЪ поутру кЪ Пальмирѣ. „Признайся“ говоритЪ „что наши вечера очень пріятны, очень веселы?“ — Нельзя веселѣе. — „Согласись и вЪ томЪ, что эти товарищи (указывая на книги, лежащія передЪ Пальмирою) не такЪ занимательны, какЪ мущины?“ . . . — О! книги! . . . вижу, что наученому ими надобно еще переучиваться вЪ школѣ людей; ихЪ нравоученіе такЪ далеко отЪ нравовЪ и мнѣній свѣта, какЪ чудотвореніе отЪ закона и порядка натуры. — „АхЪ, Пальмира! естьли мы оставили, между нами будь сказано, всѣ женскія добродѣтели, то не вЪ угожденіе ли вкусу мущинЪ, еще недовольныхЪ, еще неблагодарныхЪ? Повѣрь мнѣ; иная сЪ прекрасными добродѣтелями своими, какЪ баснословная Нимфа, высохнетЪ наконецЪ отЪ скуки и отчаянія.“ — Ты меня пугаешь, — сказала Пальмира сЪ лукавою усмѣшкою, которой Ириса не умѣ-

ла, или не хотѣла замѣтить. — „Тебѣ не чего пугаться, тебя ожидаетъ судьба самая блестящая!" — Какая же? — „Ты нравишься Графу; этаго довольно; и ты можешь имѣть съ нимъ сердечную связь." — Сердечную связь безъ сердечной склонности? — „Сколько такихъ связей въ свѣтѣ! Но не уже ли ты не чувствуешь любви къ Графу?" — Ни къ нему, ни къ кому другому. — „Можешь ли по крайней мѣрѣ не гордиться его къ тебѣ любовію?" — Можетъ быть и нѣтъ. Но что далѣе? — „Польза самолюбія повелѣваетъ тебѣ имъ заняться. Думаю, что ты можешь отдать ему руку, но удержать за собою сердце, чтобы располагать имъ въ пользу другаго, для тебя пріятнѣйшаго человѣка, при всѣхъ выгодахъ супружескаго состоянія. И какія выгоды! фортуна Креза, достоинства титловъ, забавы роскоши, всѣ способы имѣть у себя блестящіе ужины, балы, спектакли и угощать не только первыхъ вельможъ въ городѣ, но и знатныхъ артистовъ, виртуозовъ, литтераторовъ! это стоитъ, право, того, чтобы не разбирать очень строго основаній такого рода жизни!" — Согласна; но хочешь ли ты, чтобы я сама вызвалась ему въ невѣсты? Не мнѣ первой предлагать ему свою руку? — „Надобно по крайней мѣрѣ подать ему надежду имѣть твою руку и

смѣлость ее требовать.“ — — Онѣ обѣ замолчали. Нѣтъ ничего хитрѣе женщинъ, когда одна проводитъ другую. Эта узнала, чего ей хотѣлось — узнала, что обреченная невѣста готова или по любви, или по разсчету принести себя на жертву идолу; а та, имѣя чрезвычайную гордость, отклонила совѣты, которымъ надлежало унизить ея самолюбіе, и двусмысленными отвѣтами отыгралась отъ нѣкоторыхъ нескромныхъ вопросовъ.

Графъ, увѣдомленный о семъ разговорѣ, не перемѣнилъ однакожъ своего обращенія, и упорно хранилъ молчаніе, на которое нѣкоторымъ образомъ жаловалась Пальмира. Напрасно Ириса приступала къ нему; Графъ требовалъ времени, ибо не могъ измѣнить такъ скоро Софіи Линаровой. Но чтобы Пальмира не могла до времени свѣдать о любовной связи его съ Линаровой, для того мѣры были обще приняты всѣми участниками заговора.

Между тѣмъ Пальмира, видаясь каждый день съ Графомъ, находила его часъ отъ часу любезнѣе и достойнѣе; ибо никто не смѣлъ явно спорить съ нимъ въ умѣ и любезности. Но къ великому ея удивленію былъ изъ числа ежедневныхъ гостей ихъ одинъ человѣкъ, несогласной, казалось, съ

общимЪ мнѣнїемЪ, и не очень хорошо къ Графу разположенный: Ипполитъ Милодаровъ, недавно отцемЪ ея введенный вЪ домЪ Модолюбской, двадцатипятилѣтнїй молодой человѣкЪ, прїятной лицемЪ, скромный вЪ поступкахЪ. ВсЪ права на ласку и вѣжливость свѣта были ему дозволены не за умЪ его, обогащенный наукою, не за сердце, можетЪ быть достойное только золотаго вѣка, но за нѣсколько сотЪ тысячь душЪ, полученныхЪ послѣ отца вЪ наслѣдство; а сей благоразумный отецЪ оставилЪ ему другое гораздо важнѣйшее наслѣдство, котораго и не замѣчали вЪ свѣтѣ: твердыя и вѣрныя правила, основанныя на опытѣ и познанїи сердца человѣческаго. До нѣкоторыхЪ лѣтЪ онЪ воспитывалЪ сына вЪ отдаленїи Столицы, и когда ввелЪ его вЪ службу, самЪ руководствовалЪ имЪ на скользскомЪ пути свѣта, остерегая отЪ порока и указывая на добродѣтель, какЪ на единственную цѣль, достойную мудраго. Молодой человѣкЪ оплакавЪ отца и ментора, выслужилЪ одну кампанїю, получилЪ самую жестокую рану, и рѣшился наконецЪ оставить службу, сколько для себя, столько и для спокойствїя матери и двухЪ сестерЪ, которыя вЪ тишинѣ сельскаго уединенїя не переставали плакать обЪ отцѣ семейства.

Ипполитъ Милодаровъ былъ въ Москвѣ проѣздомъ, когда любовь къ памяти родителя привела его къ Господину Нолину, бывшему нѣкогда покровителемъ покойнаго; а тотъ спѣшилъ увѣрить его, что безъ великаго преступленїя не льзя ему не быть представленнымъ знаменитой дамѣ, которая первенствовала въ суду общества и раздавала патенты достоинства. Сколько изъ любопытства, столько и по снисхожденїю, предложенїе было принято; но дорого стоило для молодаго человѣка. Тайная склонность къ Пальмирѣ, равно достойной и прекрасной, и какая-то темная надежда, неразлучная съ любовїю, удерживали его въ Москвѣ отъ одного дня до другаго, и невольнымъ образомъ приводили каждый вечеръ въ общество Модолюбской. Тамъ являлся, онъ безъ всякихъ требованїй, столь обыкновенныхъ въ свѣтѣ, не щеголяя ни умомъ, ни разговорами, не пересѣкая ни кому дороги, не оскорбляя ни чьего самолюбїя. Тѣмъ скорѣе замѣтили, что съ такою великою скромностїю онъ гордился однакожъ въ присутствїи Графа нѣкоторыми личными достоинствами, показывалъ къ нему удаленїе, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не льзя было не принять участїя въ общемъ разговорѣ, опровергалъ его дерзскїя мнѣнїя; но тотъ часъ перерывалъ споръ и хранилъ выразительное молчанїе.

Не одинъ разъ глаза и мысли Пальмиры сравнивали Графа Изумрудова съ Ипполитомъ Милодаровымъ изъ любопытства къ ихъ противорѣчїямъ, и по нѣкоторому участїю сердца въ качествахъ и судьбѣ обоихъ. О томъ и другомъ говорили въ свѣтѣ; одного величали именемъ *остроумца*, другаго называли только *хорошимъ* человѣкомъ; первый плѣнялъ прекраснымъ лицемъ и блестящею наружностїю, послѣднїй привлекалъ къ себѣ кроткимъ взоромъ и величавою скромностїю; тому не льзя было не удивляться при первой встрѣчѣ, этаго не льзя было не полюбить съ перваго взгляда. Съ однимъ Пальмира была уже знакома, коротка, ласкова, но осторожна, какъ будто бы не довѣряя сердцу и уму его; а съ другимъ не говорила никогда ни слова, но чувствовала къ нему довѣренность, какъ будто бы ея сердце было знакомо съ его сердцемъ. Сверхъ того она читала въ глазахъ молодаго человѣка нѣкоторое сердечное участїе въ судьбѣ ея, нѣкоторое нѣжное вниманїе къ словамъ ея и поступкамъ, нѣкоторое безмолвное изъявленїе удовольствїя быть въ ея присутствїи. Чего не перескажетъ сердце влюбленнаго черезъ нѣмый языкъ взоровъ? И какое тайное движенїе души укроется отъ взора

чувствительной женщины? Къ тому же, всякое вниманіе, лестное для нашего самолюбія, болѣе или менѣе располагаетъ насъ въ пользу того человѣка, который его показываетъ; но это чувство не могло усилиться въ душѣ Пальмиры. Разсѣянная жизнь, всегдашнее развлеченіе мыслей, другіе виды и надежды не позволяли ей ни одного раза вывѣсить мнѣній и опредѣлить достоинства Ипполита Милодарова; а все, что окружало ее, соглашалось въ томъ, что молодый человѣкъ скученъ въ разговорѣ, холоденъ сердцемъ, страненъ въ образѣ мыслей и жизни. И могла ли она, не смотря на голосъ своего сердца, не повѣрить наконецъ такимъ знатокамъ, каковы были Модолюбская и любезный Графъ ея, которые согласно называли Ипполита смѣшнымъ мудрецомъ.

(*Продолженіе впредь.*)

II. НАУКИ.

О Математикѣ въ отношеніи къ вѣрѣ.

Есть несправедливое мнѣніе, будто бы математическія науки удаляли отъ вѣры; но есть и простый способъ опровергнуть оскорбительное для сихъ наукъ предубѣжденіе, приведя въ примѣръ великихъ Геометровъ, которые вообще имѣли къ религіи уваженіе и усердіе, соразмѣрное ихъ глубокой учености и великому разуму. Всѣмъ извѣстны мнѣнія Паскаля, Декарта, Невтона; и въ пользу Математики довольно сказать, что основатели философіи и отвлеченныхъ наукъ были не только послѣдователями, но и защитниками Христіанской религіи. Два величайшіе Математика, которыми гордится Германія, Лейбницъ и Эйлеръ, подкрѣпятъ наши мнѣнія. Достойно замѣчанія, что первый, кромѣ своего усердія къ Христіанству, доказаннаго многими его сочиненіями, *Защищеніемъ тайной Троицы*, *письмами къ Пелиссону и Босюету*, и проч.; достойно замѣчанія, говорю, что сей великій мужъ, хотя и Лютеранецъ, уважалъ чрезвы-

чайно католическую вѣру. Папская власть казалась ему необходимой и святой (*).

Эйлеръ показалъ не менѣе Христіанскаго усердія, и есть тому прекрасное свидѣтельство въ его *письмахъ къ Принцессѣ изъ Ангальтъ-Дессау, племянницѣ* Великаго Фридриха, *о разныхъ предметахъ Физики и Философіи.* Мы замѣтимъ, что Эйлеръ, какъ и Лейбницъ, писали на Французскомъ языкѣ; и сей языкъ долженъ гордиться тѣмъ, что два великіе ума выражали на немъ высочайшія ихъ понятія о самыхъ важныхъ предметахъ.

Въ началѣ, какъ молитва есть исполненіе существеннѣйшаго долгу религіи, Эйлеръ опровергаетъ тѣхъ философовъ, которые отрицаютъ ея пользу подъ тѣмъ видомъ, будто бы молитва клонится къ разрушенію общаго порядка, испрашивая у Бога перемѣны въ Его предвѣчныхъ законахъ и чудотворенія въ снисхожденіи къ ихъ желаніямъ. Эйлеръ отвѣчаетъ именно, что когда Богъ устроилъ ходъ міра и опредѣлилъ теченіе произшествій, Онъ имѣлъ въ виду всѣ обстоятельства, съ тѣмъ порядкомъ вещей неразлучныя, всѣ

(*) Epist. ad Fabricium Томъ 5, стр. 228.

желанія и обѣты тварей, преимущественныхъ по уму и сердцу; что изъ сего божественнаго предвѣдѣнія и Творческой премудрости, приведшей въ точную соразмѣрность возможный порядокъ вещей съ различными дѣйствіями человѣческой воли, слѣдуетъ, что Его твореніе не терпитъ ничего отъ выраженія такого чувства и стремленія, которое самъ Богъ вложилъ въ сердце своихъ тварей, слабыхъ и ограниченныхъ. Эйлеръ заключаетъ: „такимъ „образомъ Богъ исполняетъ молитвы, не „производя чудотворенія, хотя нѣтъ со„мнѣнія и не льзя отрицать того, чтобы „Всевышній Зиждитель не творилъ до нынѣ „истинныхъ чудесъ (*).“

Въ другомъ письмѣ Эйлеръ замѣчаетъ, что чрезвычайная развратность удалила насъ отъ путей добродѣтели, и продолжаетъ такъ: „Надлежало употребить вели„кія средства, чтобы разторгнуть узы, „приковывающія насъ къ пороку; и безко„нечное милосердіе Божіе совершило вели„кое дѣло, пославъ къ намъ Спасителя. „Такое таинство свыше нашего слабаго „понятія; но, вопреки невѣрующимъ, „опытъ доказываетъ, что сей способъ могъ

(*) Lettre 90, t. 2, page 46. Edit. de Mitau et Leipsick.

„одинъ обратить людей въ добродѣтели.
„Чтобы удостовѣриться въ томъ, доволь-
„но воззрѣть на Апостоловъ и первыхъ
„Христїанъ: ихъ жизнь, ихъ смерть, а
„особливо ихъ страданїя являютъ намъ
„не только высочайшую добродѣтель, но и
„чистѣйшую любовь къ Богу. Одни та-
„кїе примѣры долженствовали бы убѣдить
„насъ въ истиннѣ и божественности Хри-
„стїанской религїи. Творить людей ща-
„стливыми есть великое и небесное дѣло.“

Извѣстно, что во многихъ рѣчахъ и разсужденїяхъ нынѣшнихъ объ ученыхъ матерїяхъ утверждаютъ, что нѣтъ достовѣрныхъ истинъ, кромѣ тѣхъ, которыя доказываются геометрическими правилами, или вычетомъ: правило ложное, вредное и ведущее за собою пагубныя слѣдствїя! Какъ желательно, чтобы молодые люди, зараженные симъ ученїемъ, прочли со вниманїемъ тѣ письма, о которыхъ говоримъ. Они увидѣли бы, какъ великїй разумъ, возведенный на верхъ славы успѣхами въ учености и точныхъ наукахъ, и слѣдственно удаленный отъ всякаго предубѣжденїя, какъ мудрый и глубокомысленный писатель указываетъ на истинныя основанїя человѣческихъ познанїй. Есть, говоритъ онъ, три источника удостовѣренїя: отношенїя чувствъ, заключенїя ума и

свидѣтельство людей; отсюда проистекаютъ три класса очевидныхъ истинъ: *первый содержитъ истины чувствъ*, *вторый истины разума*, *а третій истины вѣры* (P. 175, t. 2). Говоря о расположеніи людей въ отношеніи къ наукамъ, и о выборѣ доказательствъ для каждаго рода истины, онъ говоритъ: „Бы„ло бы странно требовать геометрическаго „удостовѣренія въ истинахъ опытныхъ или „историческихъ. Весьма заблуждаются „вольнодумцы и лже-мудрецы, когда они „хотятъ имѣть геометрическія доказа„тельства для истинъ религіи, которыя „принадлежатъ къ третьему классу. Есть „также люди, которые не хотятъ ничему „вѣрить и ничего принять, какъ скоро не „могутъ видѣть того глазами, или ося„зать руками . . . сей порокъ замѣчается „особливо въ химикахъ, анатомикахъ и „физикахъ, которые занимаются только „*экспериментами*. Чего одни не могутъ „отливать въ ихъ горнилахъ или печахъ, „а другіе разсѣкать или раздроблять ихъ „орудіями, то не производитъ никакого „впечатлѣнія въ ихъ умахъ.“ —

Люди, строгіе въ логикѣ, замѣтятъ можетъ быть, что приведенные нами примѣры доказываютъ, что математическія

науки не удаляютъ отъ вѣры великихъ умовъ; но что ихъ примѣры не доказываютъ ничего противъ влїянїя сихъ наукъ на ограниченные умы. Не имѣемъ нужды отвѣчать на такое возраженїе, которое можетъ происходить отъ людей весьма привязчивыхъ въ разсужденїи дїалектики. Однакожъ, чтобы нѣсколько удовлетворить ихъ, признаюсь, что когда математическїя науки впадаютъ въ слабыя и надменныя головы, и къ сему недостатку присоединяется еще сухое и холодное сердце, то отвлеченность науки можетъ принести вредъ; что весьма желательно, чтобы Математика была не столь общей и не столь исключительной наукой чтобы, наконецъ, не занимались ею безъ нѣкоторыхъ предосторожностей, могущихъ спасти умъ и сердце отъ погибели.

Съ Франц.

III. ЛИТТЕРАТУРА.

Нещастная Королева Грей передъ ея смертію.

(*Изъ новаго сочиненія Гжи. Сталь.*)

Лади Анна Грей была внука Генриха VIII съ стороны своей бабки Маріи, сестры сего Короля и вдовы Лудовика XII; она была въ супружествѣ съ Лордомъ Гильдфордомъ, сыномъ Герцога Нортумберладскаго. Сей послѣдній преклонилъ Эдуарда VI, Генрикова сына, на то, чтобы онъ отказалъ ей престолъ по завѣщанію 1553 года во вредъ Маріи и Елисаветы; первая имѣла матерью Екатерину Инфантину Испанскую, и нетерпимость ея Католической вѣры приводила въ страхъ Англійскихъ протестантовъ; рожденіе дочери отъ Анны Волейнъ могло быть не признано законами.

Сими причинами убѣдилъ Герцогъ Эдуарда VI. Анна Грей, не находя сама права свои на корону довольно законными, отказалась сперва выполнить завѣщаніе Эдуардово; но

просьба ея супруга, котораго она очень любила и надъ которымъ Герцогъ Нортумберландскій имѣлъ великую власть, заставила Анну Грей согласиться. Она царствовала девять дней, или лучше сказать Герцогъ царствовалъ подъ ея именемъ.

Марія, старшая дочь Генриха VIII, одержала верхъ, не смотря на послѣдователей реформаціи; и въ удовлетвореніе жестокому и мстительному духу опредѣлила казнь Герцогу Нортумберландскому, сыну его Гидфорду и невинной Аннѣ Грей. Ей было только 18 лѣтъ отъ роду, когда она погибла, а ея имя было уже славно по знанію древнихъ и новыхъ языковъ; отъ нее остались письма, писанныя по Латинѣ и по Гречески, и доказывающія рѣдкія по ея лѣтамъ способности. Ея благочестіе было совершенное и теченіе жизни запечатлѣно кротостію и величіемъ. Мать и отецъ ея настояли оба въ томъ, чтобы она взошла на Англійскій престолъ, сколько она ни отговаривалась. Мать сама несла ея мантію въ день коронаціи; а отецъ, Герцогъ Суфолкскій, покушался возбудить заразію Анны Грей, когда она сидѣла въ заключеніи и была уже осуждена на смерть: за то осудили и казнили самаго Герцога Суфолкскаго, немного времени спустя послѣ смерти его дочери.

Слѣдующее письмо вѣроятнымъ образомъ писано въ Февралѣ мѣсяцѣ 2554 года: Анна Грей, изъ темницы своей вела переписку съ друзьями и родственниками; и до послѣдняго часу жизни не измѣнилась ни философическая, ни Христіанская твердость ея.

Анна Грей къ Доктору Айлмерсу.

Тебѣ обязана я, мой достойный другъ, Христіанскимъ ученіемъ, симъ источникомъ вѣры и жизни безконечной. Мои послѣднія мысли къ тебѣ обращаются въ торжественномъ искушеніи, на которое осуждена я. Протекли три мѣсяца съ того времени, какъ Марія Королева подписала смертный приговоръ мнѣ и моему супругу за роковое девятидневное царствованіе, за тотъ вѣнецъ терновый, который голову мою обрекъ на жертву смерти. Признаюсь, я думала, что Королева хочетъ устрашить меня симъ приговоромъ, а не въ самомъ дѣлѣ пролить кровь мою, которая течетъ и въ ея жилахъ. Мнѣ казалось, что молодыя лѣта мои требовали пощады и снисхожденія, естьли бы и не извѣстно было, что я не соглашалась долго принять тотъ великій санъ, который грозилъ мнѣ погибелью, и что въ угожденіе только волѣ моего свекра, Герцога Нортумберландскаго, подверг-

лась я неумышленному преступленїю. Но я пишу къ тебѣ не для обвиненїя враговъ моихъ; они суть орудїя небеснаго Промысла, какъ и всѣ другїя произшествїя сего мїра; и я должна обращать только вниманїе на мои собственныя чувства. Въ сей башнѣ, гдѣ заключена я, жизнь моя состоитъ въ сердечныхъ движенїяхъ, а мои нравственныя и Христїанскїя дѣла во внутреннемъ боренїи съ самой собою.

Вчерась нашъ другъ Ашамъ посѣтилъ меня, и съ начала крайне обрадовалъ своимъ посѣщенїемъ, приведя мнѣ на память тѣ сладкіе и благословенные часы, которые проводила я съ нимъ въ чтенїи древнихъ. Я хотѣла только говорить съ нимъ о тѣхъ знаменитыхъ мужахъ, которыхъ творенїя открыли передо мною обширное поле размышленїя. Ашамъ, какъ тебѣ извѣстно, имѣетъ нравъ тихїй и важный; онъ несетъ бремя жизни, опираясь на старость; въ самомъ дѣлѣ мыслящїй старецъ не есть старецъ ветхїй; его подкрѣпляютъ опыты и вѣра, и когда остается уже путь короткїй, довольно послѣдняго усилїя, чтобы довершить странствїе; сей конецъ ближе ко мнѣ, нежели къ старцамъ; но страданїя послѣднихъ дней моихъ мучительнѣе.

Ашамъ объявилъ мнѣ, что Королева позволяетъ мнѣ дышать чистымъ воздухомъ въ саду темничномъ, и я не умѣю сказать тебѣ, какъ я обрадовалася. Нашъ бѣдный другъ не имѣлъ духа потревожить моей радости. Мы сошли въ садъ; и онъ далъ мнѣ полную волю наслаждаться тою природою, которой такъ давно не утѣшалась. День былъ ясный, какъ бываетъ предъ началомъ весны; не знаю, могло ли бы прекраснѣйшее время года такъ дѣйствовать на мое воображенїе, какъ дѣйствовало предчувствїе скорой весны; древесныя вѣтви, еще безъ листьевъ, обращались къ солнцу, лугъ зеленѣлъ, нѣкоторые раннїе цвѣты благоухали, какъ будто бы являясь предвѣстниками великолѣпїя оживотворенной природы; воздухъ былъ самый теплый: мнѣ казалось, будто я слышу голосъ Божїй въ томъ невидимомъ и всесильномъ дыханїи, которое ежеминутно возвращало мнѣ жизнь; жизнь! какое слово произнесла я! Донынѣ она казалась мнѣ вѣрною собственностїю; а теперь вкушаю послѣднїя блага ея, какъ бесѣду съ другомъ передъ вѣчною разлукою.

Мы сошли на берегъ Темзы и сѣли въ лѣсу, который не одѣлся еще зеленью; рѣка отражала сїянїе небеснаго свѣта; но хотя такое зрѣлище представляетъ тор-

жественное великолѣпїе, есть нѣчто меланхолическое въ теченїи водъ, и не льзя долго смотрѣть на нихъ, не склоняясь въ задумчивости, которая приводитъ насъ въ сладкое забвенїе самихъ себя. Ашамъ замѣтилъ направленїе моихъ мыслей, и вдругъ, схвативъ мою руку и залившися слезами, сказалъ: о моя Государыня! какой жестокой долгъ велитъ твоему вѣрноподданному возвѣстить тебѣ приближенїе грознаго часа! Родитель твой истощилъ послѣднїй способъ для твоего спасенїя, и Королева видя справедливое къ себѣ презрѣнїе, жалуется на любовь, тобой заслуженную . . . — Рыданїе перервало его голосъ. — Договори, о мой другъ! сказала я, и помни тѣхъ мудрецовъ, которые твердымъ окомъ взирали на смерть ихъ друзей; они знали, откуда человѣкъ произошелъ и куда онъ возвращается: этаго довольно.

И такъ, продолжалъ онъ, смертный приговоръ подписанъ; но я принесъ вамъ, чѣмъ освободиться и чѣмъ многїе знаменитые люди освобождались отъ гоненїя тирановъ. — И старецъ, другъ моей юности, съ трепетомъ подалъ мнѣ ядъ, отъ котораго согласился бы конечно избавить меня пролитїемъ крови своей. Я вспомнила, сколько разъ мы удивлялися съ нимъ

древнимъ героямъ, прекращавшимъ дни жизни своей, и погрузилась въ глубокую задумчивость, какъ будто угасли предо мною лучи Христіанскаго ученія; сомнительная нерѣшимость овладѣла мною. Ашамъ сталъ на колѣни передо мною: покрытая сѣдинами голова его склонилась къ землѣ, и закрывъ глаза одною рукою, онъ предлагалъ мнѣ другое бѣдственное спасеніе, имъ изготовленное. Тихонько отдалила я руку его; и подкрѣпя себя молитвою, отвѣчала ему такимъ образомъ:

— Ашамъ, тебѣ извѣстно, съ какимъ восторгомъ читала я съ тобою философовъ и поэтовъ Греческихъ и Римскихъ; мужественное красноречіе и душевныя силы ихъ останутся вѣчно безпримѣрными. Нынѣшній порядокъ общества преклонилъ многіе умы къ суетности и тщеславію; и люди не стыдятся жить безъ размышленія, безъ всякаго вниманія къ чудеснымъ твореніямъ природы, созданнымъ для просвѣщенія смертныхъ. Древніе имѣютъ передъ нами великое превосходство, ибо они сами себя образовали; но что вложено откровеніемъ въ душу Христіанина, то свыше смертнаго человѣка. Отъ изобретенныхъ искусствъ до нравственныхъ правилъ нашихъ, все имѣетъ и должно имѣть отношеніе къ вѣрѣ; и для человѣческой жизни

нѣтъ другаго предмета, кромѣ науки безсмертія. Естьли бы я укрылась отъ великаго удара мнѣ грозящаго, то сей примѣръ не подкрѣпилъ бы надежды людей, тронутыхъ моею участью. Древніе возносились духомъ, обращая взоръ и умъ на свои собственныя силы; Христіане имѣютъ Свидѣтеля - Сердцевѣдца, передъ Которымъ должна быть открыта и жизнь и смерть ихъ. Древніе хотѣли возвеличить природу человѣческую; Христіане почитаютъ себя только посланными на землю отъ Бога. Древніе полагали въ числѣ первыхъ добродѣтелей смерть, укрывающую отъ угнѣтенія земныхъ властелиновъ; а Христіане предпочитаютъ смиреніе предъ волею вышняго Промысла. Дѣятельность и терпѣніе имѣютъ свое время и свою очередь: надобно дѣйствовать волею, пока можемъ обращать ее на пользу другихъ, и приводить себя въ большее совершенство; но когда стоимъ передъ рокомъ, такъ сказать, лицемъ къ лицу, онъ требуетъ бодраго духа, и гораздо величавѣе стоять передъ нимъ съ гордостію, нежели бѣжать отъ лица его съ робостію. Душа заключается тогда въ своихъ собственныхъ таинствахъ: всякое внѣшнее дѣйствіе было бы земное, уступающее Христіанскому смиренію.

— Не буду изслѣдовать, сказалъ мнѣ Ашамъ, тѣхъ мнѣній, которыхъ непоколебимая твердость можетъ быть для васъ полезна; сожалѣю только, что судьба готовитъ вамъ страданіе. Можете ли вы перенесть ихъ, и не свыше ли силъ вашихъ ожиданіе смертельнаго удара опредѣленнаго часа? Не легче ли бы вамъ было, естьли бы вы сами положили конецъ вашему жребію? — Нѣтъ, отвѣчала я; пускай сама божественная Премудрость возьметъ обратно даръ, Ею низпосланный. Безсмертіе начинается прежде гроба, когда мы по собственной волѣ разстаемся съ любовію въ жизни; въ семъ положеніи душа наша блаженствуетъ. Источникъ таинственной радости не имѣетъ сообщенія со внѣшними вокругъ насъ предметами, и Богъ одинъ опредѣляетъ тогда нашъ жребій въ сокровенномъ святилищѣ сердца. — Но для чего, возразилъ Ашамъ, въ угожденіе вашимъ непримиримымъ врагамъ, жестокой Королевѣ, безжалостному народу, выходить вамъ на позорище . . . и старецъ не могъ договорить.

— Добровольная смерть, отвѣчала я, укрывъ меня отъ ярости Королевы, раздражитъ ея гордость и не доведетъ ее до раскаянія. Кто знаетъ, не принесетъ ли казнь моя пользы для будущихъ вѣковъ?

Могу ли судить, какое мѣсто займетъ моя память въ связи историческихъ произшествій? Умертвивъ себя собственною рукою, докажу только отчаяніе, до котораго доводитъ насильственное тиранство, и ту гордость, которая побуждаетъ къ добровольной смерти. Но идя на страшную казнь съ тою твердостію, которою вооружаетъ меня Христіанское ученіе; принесу ввергнутымъ въ бурю, подобно мнѣ, кораблямъ утѣшеніе и довѣренность въ якорю небесной вѣры.

— Народъ, говорилъ Аштамъ, считаетъ виновными тѣхъ, которые погибаютъ смертію преступниковъ. — Ложъ, отвѣчала я, можетъ обмануть нѣкоторыхъ людей на краткое время; но истина торжествуетъ передъ народами и вѣками; во всемъ, что относится къ добродѣтели, есть уже вѣчность, и посвященныя ей дѣла прольются въ необозримый океанъ, какимъ бы слабымъ ручьемъ ни текли дни наши. Нѣтъ, безъ стыда предстану на мѣсто казни, ибо невинность ведетъ меня къ участи преступниковъ; но самая невинность моя пострадаетъ, естьли лишу себя жизни. Не могу на то отважиться, не помрачивъ въ себѣ спокойствія и ясности, которыя съ разверзающимися небесами кротко озаряютъ

душу. — Ахъ! что можетъ быть мучительнѣе, воскликнулъ другъ нашъ, сей кровопролитной смерти? — Кровь, мучениковъ, отвѣчала я, проливаетъ цѣлебный бользамъ на раны страждущихъ. — И какая смерть! возразилъ Ашамъ; та, которую назначаетъ воля людей, которой ударъ совершается варварскою рукою палача! — Другъ мой, сказала я, когда бы послѣднїе часы жизни моей были окружены почтенїемъ, они были бы для меня равно страшны; на блѣдномъ челѣ смерти нѣтъ ни вѣнца, ни украшенїя. Не всегда ли грозитъ она острою косою? Естьли бы смерть увлекала насъ во мракъ ничтожества, стоило ли бы труда сражаться съ тѣнью? Когда же Богъ зоветъ насъ подъ симъ покровомъ мрака, то изъ глубокой ночи возсїяетъ вѣчный день, и передъ райскими небесами изчезнутъ грозныя привидѣнїя.

Какъ, повторилъ еще дрожащимъ голосомъ нашъ другъ, котораго видала я столь покойнымъ въ другое время; знаете ли, что казнь можетъ быть мучительна, страданїе продолжительно, что рука палача можетъ дрогнуть и?... Знаю, перервала я, знаю; но этого не случится. — Кто вселяетъ въ васъ такую надежду? — Моя слабость. Я всегда боялась физическаго страданїя; и никакїя усилїя не могли

принести мнѣ духа твердости. И такъ думаю, что избавлюсь страданія. При томъ же есть всевидящее Око; оно подкрѣпляетъ Христіанина, когда онъ мучится; и что, кажется, свыше силъ его, то облегчается тайнымъ покровительствомъ Неба. Намъ извѣстны только наружныя дѣйствія человѣческаго характера; а что въ немъ самомъ происходитъ, то можетъ быть предметомъ новыхъ наблюденій въ теченіи многихъ вѣковъ. Невѣріе принесло легкомысленность; разумъ смотрѣлъ на все въ одномъ отношеніи въ наружности, къ обстоятельствамъ, ко щастію; но истинныя сокровища, мысли и воображенія, заключаются въ отношеніяхъ человѣческаго сердца ко Творцу своему; тамъ предчувствія, тамъ оракулы, тамъ чудотворенія; и въ природѣ только видѣли древніе отраженіе того, что происходило въ тайнѣ ихъ чувства.

Нѣсколько времени молчали мы, съ Ашамомъ и тайное безпокойство меня тревожило; и я не смѣла выговорить его. — Видѣлся ли ты съ моимъ супругомъ? спросила наконецъ. Видѣлся, отвѣчалъ Ашамъ. — Говорилъ ли съ нимъ о твоемъ намѣреніи въ разсужденіи меня? Говорилъ, отвѣчалъ онъ. — Доскажи, ради Бога! повторила я, есть ли Гильфордъ и совѣсть моя не согласны, то кого изъ обоихъ совѣтниковъ

предпочесть мнѣ? — Лордъ Гильфордъ, сказалъ Ашамъ, не изъяснилъ своего мнѣнія объ васъ, но въ разсужденіи самаго себя: онъ рѣшился твердо идти на эшафотъ. — О другъ мой! воскликнула я, сколько благодарна тебѣ за то, что ты предоставилъ мнѣ достоинство выбора! Естьли бы напередъ знала о рѣшительномъ намѣреніи Гильфорда, то не задумалась бы конечно; и одна любовь безъ вѣры опредѣлила бы мое рѣшеніе. Могу ли я не раздѣлять участи такого супруга? могу ли избавить себя отъ его страданій? и каждый шагъ его къ смерти не указываетъ ли мнѣ пути моего? — Тогда Ашамъ увѣрился, что мое намѣреніе непоколебимо; онъ удалился отъ меня, въ горести и въ задумчивости, но обѣщалъ увидѣться со мною.

Докторъ Фекенгамъ, священникъ Королевы, пришелъ спустя нѣсколько часовъ послѣ него объявить мнѣ, что день моей казни назначенъ въ пятницу, отъ которой пять дней меня еще отдѣляли. Но признаюсь, мнѣ казалось, что я не была ни къ чему готова: такъ поразило меня назначеніе дня. Я старалась сокрыть мое смятеніе; но конечно Фекенгамъ замѣтилъ его, ибо онъ воспользовался симъ мгновеніемъ, чтобъ предложить мнѣ помилованіе,

естьли перемѣню вѣру. Скажу тебѣ, мой достойный другъ, что Богъ подалъ мнѣ помощь на ту минуту; ибо негодованіе возвратило мнѣ силы.

Докторъ Феккенгамъ хотѣлъ завести Богословскія пренія; но я остановила его, сказавъ ему, что какъ теперешнее мое положеніе затемняетъ мой разсудокъ очевиднымъ образомъ, то не приступлю наканунѣ смерти къ разсмотрѣнію тѣхъ истинъ, которымъ вѣрила во всей силѣ моего разума. Онъ хотѣлъ поколебать меня ужасомъ, объявивъ мнѣ, что никогда со мной не увидится, ни въ здѣшнемъ мірѣ, ни въ небесномъ царствѣ, отъ котораго на вѣки удаляетъ меня настоящая моя вѣра. — Ваша рѣчь была бы для меня страшнѣе сѣкиры палача, отвѣчала я, естьли бы вы могли убѣдить меня; но та вѣра, для которой мы жертвуемъ жизнію, есть всегда истинная для нашего сердца вѣра. Такіе важные вопросы темны для слабаго ума нашего; довольно таинства великой жертвы: вотъ чему вѣрю и въ чемъ не сомнѣваюся.

Сей разговоръ съ Докторомъ Феккенгамомъ вывелъ душу мою изъ унынія и слабости; ибо Провидѣнію угодно было даровать мнѣ, чего желалъ другъ мой Ашамъ,

добровольную смерть: я не умертвила себя но отказалась отъ жизни, и волею моею избранный эшафотъ казался мнѣ олтаремъ, украшеннымъ для жертвы. Отвергнуть жизнь, которую не льзя спасти безъ ущерба совѣсти, есть родъ единственнаго самоубійства, позволеннаго добродѣтельному человѣку.

По исполненіи моего долга, я надѣялась болѣе на мою твердость; но скоро любовь къ жизни, которою не рѣдко упрежала себя въ другіе благополучнѣйшіе дни, пробудилась въ моемъ слабомъ сердцѣ. Ашамъ увидѣлся со мною на другой день, и мы сошли опять на берега рѣки Темзы, украшающей страну нашу. Я старалась возвратиться къ моимъ обыкновеннымъ и любимымъ удовольствіямъ: читала наизусть нѣкоторыя мѣста изъ прекрасныхъ поэмъ Гомера и Виргилія, которыми вмѣстѣ мы восхищались; но Поэзія проливаетъ въ душу пламя и радости жизни; прелестное сліяніе картинъ и мыслей, сердца и природы, живописнаго языка и сердечныхъ движеній, приводятъ насъ въ упоеніе чувства; не для меня были сотворены тѣ радости; и я обратила разговоръ на важныя творенія философовъ. Ашамъ почитаетъ Платона мудрецомъ предопредѣленнымъ для Христіанства; но самъ

Платонъ и многіе изъ древнихъ излишнимъ образомъ гордятся силами человѣческаго разума. До того наслаждались они способностію мыслить, что ихъ желанія не простирались за границы земнаго бытія; они предвкушали блага небеснаго міра въ таинственныхъ размышленіяхъ: и нѣкогда и я блаженствовала, созерцая небо, разумъ и природу. И вдругъ безразсудная тоска овладѣла мною; я представила себѣ жизнь въ самой цвѣтущей картинѣ, передъ которою вѣчность показалась мнѣ одной безотрадной пустыней, однимъ холоднымъ мечтаніемъ. Можетъ ли, говорила я сама въ себѣ, безпрерывное теченіе однѣхъ мыслей сравниться съ чувствомъ надежды и страха, которыя такъ пріятно обновляютъ живость сердечныхъ склонностей? Познаніе тайны вселенной сравнится ли съ тою прелестною завѣсою, которая сокрываетъ ее? будетъ ли извѣстность имѣть очарованіе сомнѣнія? Принесетъ ли сіяніе истины ту радость, какую приноситъ ея изслѣдованіе, ея открытіе? что будетъ юность, надежда, память, навыкъ, когда прекратится теченіе времени? Наконецъ, можетъ ли высочайшее Существо, во всемъ своемъ милосердіи даровать твари блаженство, превосходнѣйшее любви?

Такія сомнѣнія были конечно безбожны; смиренно каюсь въ томъ передъ тобою,

мой достойный другъ. Ашамъ, который наканунѣ казался не столь богобоязливымъ какъ я, скоро возъимѣлъ верхъ надъ моею тоскою мятежною. — Нѣтъ, сказалъ онъ мнѣ, нѣтъ, вамъ не должно извлекать изъ благодѣяній сомнѣнія о всемогуществѣ благодѣтельнаго Бога. Кто сотворилъ ту жизнь, о которой вы жалѣете? И естьли неполныя блага ея имѣютъ такую великую цѣну, то почему полагать ихъ невозвратными? Одно воображенїе наше можетъ постигать нѣчто свыше земныхъ удовольствій; но естьли бы оно и не постигало сего таинства, то намъ ли ограничивать силы Божества, и уподоблять его поэту, который не можетъ произвести втораго творенїя, совершеннѣе перваго? — Эта мысль возвратила меня къ разсудку; и я стыдилась того заблужденїя, въ которое ввергла меня тоска по жизни. О мой другъ! какъ дорого стоитъ углубиться въ мысль о смерти! бездны за безднами разверзаются передъ очами!

Черезъ четыре дня меня нестанетъ; парящая въ воздухѣ птица переживетъ меня, — для нее есть нѣсколько дней впереди; самыя бездушныя вещи сохранятъ свою форму; но отъ меня ничего неостанется на землѣ кромѣ памяти моей въ сердцахъ друзей. Непостижимое таинство для разума, не-

торый предвидитъ здѣсь конецъ свой, и не можетъ отвратить удара! рука удерживаетъ бразды несущихъ насъ коней; а мысль не можетъ единаго часа похитить у смерти! Прости слабость мою, о мой отецъ по Христїанскому ученїю! и благослови любимую дочь твою! Мы увидимся на небесахъ; но услышу ли тотъ прїятный голосъ, который возвѣщалъ мнѣ милосердаго Бога? будутъ ли очи мои взирать на почтенное лице твое? О Гильфордъ! о мой супругъ! ты, котораго благородный образъ начертанъ во глубинѣ моего сердца! увижу ли, между Ангелами, тебя имъ подобнаго? Но что говорю? безсильная душа моя умѣетъ только желать за предѣлами гроба возвращенїя теперешней жизни.

(*Четвергъ.*)

Супругъ мой хотѣлъ со мною видѣться сего дня въ послѣднїй разъ. Я отказалась отъ свиданїя, въ которомъ радость и отчаянїе посѣтили бы вмѣстѣ наши сердца. Я боялась не имѣть твердости. Ты видѣлъ, какъ я дорожу благополучїемъ; слѣдственно надлежало мнѣ остеречься отъ прежней слабости. Отецъ мой! одобришь ли ты мое рѣшенїе? Не очистилась ли я сею жертвою? Теперь не страшно, чтобы жизнь была для меня дорога.

(Поутру передъ казнію.)

О мой другъ! я видѣла его! Онъ шелъ на казнь твердымъ шагомъ; казалось, что онъ повелѣвалъ тѣми, которые вели его. Гильфордъ обратилъ глаза на мою темницу; потомъ возвелъ ихъ выше. Я угадала мысль его. Онъ продолжалъ путь свой далѣе. На поворотѣ дороги, ведущей къ тому мѣсту, гдѣ смерть ожидала насъ обоихъ, онъ остановился, чтобы видѣть меня во послѣдній разъ; послѣдніе взоры его благословили ту, которая была вѣрною ему подругой на тронѣ и на эшафотѣ.

(Черезъ часъ послѣ того.)

Тѣло Гильфорда пронесли передъ моими окнами; изъ подъ мрачнаго покрова мелькнулъ образъ страшный... Естьли бы не назначено было сразить меня тѣмъже ударомъ, то могла ли бы земля поднять меня, столь тяжко страждущую? Ахъ! и я могла сожалѣть о дняхъ моихъ! Благословенная смерть! великій даръ, подобный дару жизни, ангелъ покровитель! ты приносишь мнѣ успокоеніе! Вседержавный Владыка небесъ положилъ конецъ моей жизни; но когда сей конецъ не разлучаетъ меня съ другомъ и товарищемъ; то посланное имъ искушеніе не превосходитъ мѣры силъ моихъ; безъ страха и трепета предаю душу мою въ руки Отца небеснаго.

О величайшей на землѣ силѣ.

Сей вопросъ предложили нѣкогда въ моемъ присутствіи. Государственные люди отвѣчали, что первенствующая Держава есть первая сила на землѣ. Физики наименовали огонь, и силу электрическую. Одинъ молодой человѣкъ сказалъ: любовь, другой разумъ, третій наука, иной деньги.

Милостивые государи, отвѣчалъ я въ мою очередь, первенствующая на землѣ сила есть та, которая мятетъ Царства и окровавляетъ лице земли; возноситъ и низпровергаетъ Имперіи; творитъ и разрушаетъ уставы государственные; разсѣеваетъ, какъ стада, Царей и народы: вотъ первенствующая сила. Позвольте изъясниться мнѣ прямо, и назвать ее простымъ именемъ: эта сила есть глупость. Обозрите связь произшествій со времени Французской революціи, взгляните на Европу, и скажите, не вездѣ ли видны ея творенія?

Древность покланялася сей великой царицѣ міра; она воздвигала олтари Зевесу, Валу и Крокодилу. Люди курили фиміамъ передъ животными; по увѣренію превосходныхъ умовъ, есть искра Божества въ безсловесныхъ тваряхъ; имъ обязаны мы многими открытіями.

Сїе мнѣнїе принято; но выводимое изъ того заключенїе оспоривается. Мы соглашаемся удивляться безсмыслїю пчелъ и муравьевъ, а не хотимъ удивляться глупостямъ завоевателей и государственныхъ преобразителей; но послѣдняя кажется достойнѣе удивленїя: она произвела перемѣны вѣка и чудеса нашего времени.

Отвсюду слышу возраженїя: „Безсмыслїе животныхъ удивительно; ибо оно согласно съ ихъ назначенїемъ. У людей напротивъ того глупость противорѣчитъ ихъ понятїю. Руководствуетъ ли она писателей? — являются поэты въ прозѣ, или прозаическїя стихотворенїя. Руководствуются ли ею *великiе* Герои? — она губитъ тѣ народы, которымъ обѣщаетъ спасенїе; спасаетъ тѣ, которыхъ погубить хочетъ; приводитъ Государства къ свободѣ, имѣя въ виду ихъ порабощенїе, и порабощаетъ ихъ, стараясь объ освобожденїи.“ —

Эта истина неоспорима. Мнѣ остается только сожалѣть о семъ роковомъ бѣдствїи; но, Милостивые государи, рѣчь идетъ о силѣ, не о намѣренїи. Я говорилъ о ея чудотворенїяхъ; сколько ихъ было въ глазахъ нашихъ!

Какой корабль идетъ такъ тяжело противъ вѣтра и валовъ? Увы! корабль ума

и генія! съ трудомъ пристанетъ онъ къ берегу. Корабль глупости никогда не достигнетъ до своей цѣли, но за то летитъ на всѣхъ парусахъ. Смотрите, какъ онъ качается легко на хребтѣ бурныхъ волнъ среди клика и плеска корабельныхъ служителей, оживотворенныхъ радостію и надеждою! Скажу, не въ посрамленіе гордости человѣческой, что разумъ кажется мнѣ весьма ничтожнымъ. Иногда онъ творитъ трудное возможнымъ — и только; а глупость творитъ и легкое невозможнымъ. Умный человѣкъ представитъ доказательства — и не убѣдитъ никого; глупость представитъ нелѣпость — и обратитъ людей въ свою пользу.

Другое преимущество глупости передъ разумомъ: она имѣетъ вліянія въ одно время на самыя важныя дѣла, и на самыя мѣлкія бездѣлицы въ жизни. Люди, встрѣчаясь, привѣтствуютъ другъ друга не съ поэзіей, не съ краснорѣчіемъ, не съ умомъ, не съ разсудкомъ; но съ чѣмъ же? Съ глупостію. Естьли на улицѣ встрѣчаю пріятеля въ совершенномъ и цвѣтущемъ здоровьѣ, и то спрашиваю еще, здоровъ ли онъ, и, не дождавшись отвѣта, объявляю себя покорнымъ его слугою; въ то же время отвѣсю ему низкій поклонъ.

Господа ученые! господа Философы! смѣйтесь сему обычаю; почитайте его, естьли угодно, смѣсью лжи и раболѣпства: глупость знаетъ лучше васъ тайныя пружины сердца человѣческаго; ей извѣстно, сколько угождаетъ тщеславїю принесенная ему дань привѣтствїя. Будь уменъ какъ Гомеръ, ученъ какъ Аристотель, силенъ какъ Цезарь; естьли ты немного гордъ и тщеславенъ, тобой повелѣвать будетъ глупецъ. Глупецъ преклонитъ подъ свои законы умъ, дарованїе и красоту. Большая часть людей въ Сенатахъ, въ будуарахъ, въ академїяхъ будутъ всегда управляемы глупцами.

Здравый смыслъ говоритъ, что для сооруженїя хорошихъ зданїй надобно употреблять людей свѣдущихъ въ искусствѣ строенїя; онъ же говоритъ, что для изцѣленїя больнаго надобно прибѣгать къ человѣку свѣдущему въ наукѣ врачебной: глупость опровергаетъ такїя мнѣнїя. Жаловать въ *Маршалы* людей неспособныхъ предводительствовать армїями, въ *Принцы* людей недостойныхъ управлять народами: вотъ ея правила, утверждаемыя *героемъ* нашего времени.

Умные люди, истинные мудрецы, доказывали несправедливость сего мнѣнїя: ихъ

возраженія отвергли, и по общему согласію, изгнали дарованіе какъ вещь безпокойную, науку какъ ничтожную, добродѣтель какъ вредную.

Новая Франція и зависившая отъ нее часть Европы возблистала по сему великому плану множествомъ искусныхъ Министровъ, великихъ полководцевъ, знаменитыхъ Государей; оставалось только глупости вывести ихъ на театръ міра — и явился ихъ достойный предводитель. . . .

Глупость желаетъ нынѣ разпространить далѣе свои подвиги. Не знаю, что воспослѣдуетъ. Не хочу заглядывать подъ завѣсу будущаго; довольно, что я оправдалъ мое мнѣніе. Естьли величайшая на землѣ сила, та, которая производитъ всего болѣе шуму, движенія и безпорядка, то глупость есть конечно эта самая сила.

Изъ Фр. Жур. —

IV. СМѢСЬ.

Достопамятности.

— Въ концѣ 1812 года отпечатано въ Англіи новое сочиненіе госпожи Сталь о *Германіи*. Сія любопытная книга, которой *таинственная* участь давно возбуждала любопытство Европы, содержитъ въ себѣ примѣчанія Госпожи Сталь о *нравахъ*, *обществѣ*, *литтературѣ* и *философіи* Нѣмцовъ. Въ Парижѣ напечатано было до 10,000 экземпляровъ сего сочиненія въ 1810 году; и хотя во время печатанія Французская цензура, которую въ Англійскихъ Вѣдомостяхъ называютъ *литтературной полиціей*, разсматривала книгу; все изданіе было неожиданнымъ образомъ предано разрушенію по непосредственному повелѣнію Наполеона. Къ щастію спасли одинъ экземпляръ, съ котораго и напечатано въ Англіи другое изданіе. Онъ заключаетъ въ себѣ всѣ мѣста запрещенныя цензорами Парижскими, и новое пространное предувѣдомленіе, въ которомъ авторъ сообщаетъ всѣ подробности сего любопытнаго, безпримѣрнаго, ученаго гоненія. Кромѣ того, сочиненіе имѣетъ ве-

ликую цѣну по многимъ тонкимъ и глубокомысленнымъ замѣчанїямъ о такомъ народѣ, котораго нравы и леттература достойны быть извѣстны, который особливо въ нынѣшнее время обращаетъ на себя взоры свѣта внимательнаго къ великой ролѣ, играемой имъ на театрѣ Европейской политики. Извѣстно, что сїя книга почитается лучшимъ творенїемъ госпожи Сталь, которая, безъ всякаго сравненїя, есть *первая женщина-авторъ своего вѣка.* (Courier de Londres.) —

— Въ Ноябрѣ прошедшаго года привезли въ Парижъ живаго тюленя, найденнаго на берегахъ Далмацїи. Онъ имѣетъ девять футовъ длины; у него голова круглая, какъ у человѣка, глаза большїе, а взглядъ тихїй, усы подобные усамъ тигра; шея красивая, и съ головы имѣетъ онъ станъ гордую львиную. Двѣ маленькїя руки безъ локтей служатъ ему вмѣсто плавательныхъ перьевъ; на каждой рукѣ пять пальцовъ связанныхъ перепоночкою, и съ пятью ногтями; каждый палецъ, какъ у человѣка, имѣетъ свой ярусъ костей. Продолговатое туловище подобно рыбьему, съ тремя разными хвостами. Онъ смиренъ и послушливъ; подаетъ обѣ руки; даже цѣлуется, когда его просятъ; оборачивается на всѣ стороны, чтобы показать себя, и дѣлаетъ

многія чудныя штуки. Это рѣдкое животное назначено для звѣринца ботаническаго сада.

— Торговая компанія, учрежденная въ новомъ Іоркѣ для мягкой рухляди, расположилася основать Американскую колонію на берегахъ рѣки Колумбіи. Уже крѣпостца Асторіа можетъ противиться дикимъ и служить мѣстомъ складки для товаровъ, привозимыхъ судами сей компаніи. Стараются всячески открыть покойную дорогу черезъ сушу отъ рѣки Колумбіи до Американскихъ постовъ на рѣкахъ Миссури и Мисиссиппи. Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1811 общество Американцевъ, состоящее изъ 60 человѣкъ, подъ начальствомъ Гг. Гунта, Миллера и Крукса, отправилось изъ Св. Лудовика; добравшись до селенія Аррикорасъ, оно уклонилось въ сторону отъ того пути, по которому слѣдовалъ Капитанъ Левисъ, поднялось вверхъ по рѣкѣ Бигѣ до горы Биггорнъ, переплыло источники рѣки Колорадо, впадающей въ заливъ Калифорнійскій, и спустясь по рѣкѣ Шошонѣ, достигло до Асторіи въ Январѣ мѣсяцѣ. Часть походнаго общества, слѣдуя за теченіемъ одной излучистой рѣки въ горахъ, заблудилось на пути, и послѣ многихъ претерпѣнныхъ бѣдствій, воз-

вратилось только въ Маѣ мѣсяцѣ. Другое общество, отправясь изъ Асторіи 29 Іюня 1812 года подъ начальствомъ Г. Стеварда, направляло путь свой постоянно къ востоку-юго-востоку на пространствѣ 900 миль. Симъ путемъ достигли они до источниковъ большаго рукава рѣки Колумбіи и рѣки Колорадо. Они перешли безъ труда хребетъ каменистыхъ горъ, которыя подъ сею широтою составляютъ только рядъ холмовъ. Тутъ они плыли рѣкою Платою очень свободно около 300 миль; но сія рѣка къ низу не имѣетъ столько воды, чтобы могъ плыть по ней челнокъ. Они пристали къ Св. Людовику 30 Мая 1813 года. По ихъ утвержденію, можно легко ѣхать симъ путемъ на колесахъ; ибо нѣтъ чувствительнаго возвышенія, которое могло бы назваться горою. Между тѣмъ, дорога отправившагося изъ Св. Лудовика общества въ 1811 году идетъ только около одного или двухъ градусовъ далѣе къ сѣверу; и по сей дорогѣ на рѣкахъ впадающихъ въ Миссури встрѣчаются пропасти и пороги страшные, и такъ кажется, что цѣпь каменистыхъ горъ перерывается у источника рѣки Колорадо. На обоихъ путяхъ есть множество буйволовъ и бобровъ, но встрѣчаются нѣкоторые дикіе, весьма безпокойные и опасные. —

— Шевалье де-Дадъ, бывшїй при Короляхъ Офицеромъ морской службы во Францїи, недавно издалъ въ Лондонѣ сочиненїе, которое заключаетъ въ себѣ, кромѣ весьма любопытныхъ подробностей о происхожденїи революцїи, основательныя и даже пророческїя разсужденїя о войнѣ Испанской, и о нынѣшнемъ положенїи Францїи. Отпаденїе Наполеоновыхъ союзниковъ предсказано Авторомъ на страницѣ 589 во 2 Томѣ. Говоря о великой силѣ Бонапарта за два года передъ симъ, Сочинитель заключаетъ сими словами: „Сїя Монархїя можетъ нѣсколько времени изумлять успѣхами воинскими, блестящими и разорительными; но скоро умъ деспота ослабѣетъ, способы его истощатся, и враги его возрастутъ по соразмѣрности."

V. ПОЛИТИКА.

Историческое извѣстіе о Моро, извлеченное изъ новаго сочиненія (*).

Жанъ Викторъ Моро, занимавшись нѣсколько времени мирною должностію судейскою, вступилъ на поле военныхъ браней; внутреннія безпокойства Франціи пробудили воинскій духъ его; и сія достопамятная эпоха скоро вознесла его на степень Французскаго военачальника. . . . Белгика была первымъ театромъ его славы. Подъ его руководствомъ овладѣли Французскія воинства Мениномъ, Иперномъ, Остендой и Нипортомъ. Варварскій и безразсудный законъ повелѣвалъ убивать всѣхъ подданныхъ Англіи. Моро пощадилъ въ Нипортѣ горнизонъ, состоявшій изъ Гановерцевъ, и сей подвигъ мужественнаго человѣколюбія стоилъ бы ему жизни, естьли бы мятежные притѣснители Франціи не были испровергнуты другими; новые тираны продолжали свирѣпствовать; и въ тотъ самый день, въ которой Моро съ от-

(*) Eloge funebre de Moreau, St. Petersbourg, 1813.

важнымЪ духомЪ и съ храбрыми своими воинами кинулся на Катсандской островЪ подЪ ружейными выстрѣлами съ крѣпости непрiятельской, отецЪ его кончалЪ жизнь на эшафотѣ. Моро въ отчаянiи хотѣлЪ удалиться изЪ отечества. Друзья удержали его. ТакЪ, на жертву обреченный, не могЪ онЪ уклониться отЪ грознаго рока, котораго всѣ превратности испытать ему надлежало.

ВЪ первую кампанiю на Рейнѣ, переходилЪ онЪ нѣсколько разЪ черезЪ сiю рѣку сЪ неустрашимостiю рядоваго воина и сЪ искусствомЪ великаго полководца. Переступивъ за РейнЪ, онЪ шествовалЪ отЪ побѣдЪ кЪ побѣдамЪ; но войска, назначенныя ему на помощь, претерпѣли пораженiе, и Моро, сЪ одною своею силою, былЪ со всѣхЪ сторонЪ стѣсненЪ непрiятелемЪ, превосходнымЪ вЪ силахЪ, страшнымЪ храбростiю. ТамЪ новый КсенофонтЪ произвелЪ вЪ дѣйствiе славное отступленiе; тамЪ показалЪ онЪ великiя дарованiя воинскiя. ВЪ тѣсныхЪ ущелинахЪ, безЪ всякаго способа кЪ выходу, онЪ выбрался кЪ берегамЪ Рейна сЪ помощiю искусства и храбрости, сЪ именемЪ побѣдителя, изпровергнувЪ всѣ преграды передЪ собою. ТакЪ учеными соображенiями полководца спасена была армiя, гото-

вая, казалось, отдаться въ руки непріятеля. Такъ совершилось знаменитое отступленіе, которое почитается въ Европѣ *классическимъ* и которому отдаютъ справедливость самые враги Франціи.

Шлингенская баталія и осада Кельской крѣпости заключили сію кампанію, которая поставила его на первомъ ряду между полководцами того времени. Вторая кампанія открылась смѣлымъ и безпримѣрнымъ переходомъ черезъ Рейнъ. Ему надлежало еще пожать новые лавры, когда предварительныя условія мира, въ Леобенѣ подписанныя, прекратили теченіе его подвиговъ.

Послѣ двухъ блестящихъ кампаній Моро былъ отозванъ отъ арміи тогдашнимъ правительствомъ Французскимъ; и естьли правосудное потомство съ прискорбіемъ воззритъ на память сего мужа, замѣшаннаго въ дѣлахъ смутныхъ и безславныхъ, оно не осудитъ его строго за то, что увлеченный силою обстоятельствъ и великодушія, благородный духъ его не умѣлъ быть недовѣрчивымъ, подобно врагамъ его; и та единственная черта, которую оно захочетъ можетъ быть вычеркнуть изъ исторіи его жизни, не предосудительна ни для его славы, ни для его добродѣтели.

Моро заключился въ уединеніи, и за нимъ слѣдовало общее почтеніе. Но состояніе дѣлъ въ Италіи скоро принудило Директорію возвратить ему начальство надъ арміями, какъ единственному мужу, достойному сразиться съ безсмертнымъ Суворовымъ. Моро принялъ послѣ Шерера главное начальство надъ Италіянской арміей. Ни усилія, ни искусство не могли обратить его къ выгодамъ наступательной войны; и въ то немногое время, которое протекло между отрѣшеніемъ Шерера и опредѣленіемъ Жуберта, Моро произвелъ въ дѣйство тѣ ученыя отступленія, которыя спасли часть Французской арміи, или справедливѣе отсрочили ея погибель. Самъ полководецъ предпочиталъ свое второе отступленіе первому черезъ Шварцвалдъ. Суворовъ выигралъ при Нови сраженіе, на которомъ Жубертъ былъ убитъ. Тогда всѣ главные чиновники поручили начальство Моро, который оставался простымъ зрителемъ, и который сберегъ въ другой разъ остатки сего воинства.

Между тѣмъ Франція приближалась къ низверженію начальства; и давно Директорія стояла на краю погибели. Моро, подкрѣпленный общимъ мнѣніемъ, добродѣтелью и славою, отрекся отъ верховной власти, ему предложенной; она перешла въ другія руки, и перемѣна 18 брюмера совершилась.

Моро, отказавшись управлять своимъ отечествомъ, былъ всегда готовъ служить ему. Въ прекрасной рѣчи, произнесенной имъ къ судїямъ, и которой внимали сограждане безъ рабскаго передъ нимъ поклоненїя, онъ сказалъ: „Мнѣ казалось всегда, что предводительствовать армїями, есть мое дѣло; но моего желанїя „не было повелѣвать республикою.“ Принявъ главное начальство надъ Рейнскою армїею, въ теченїе двухъ кампанїй увѣнчалъ онъ себя безсмертною славою. Первая кампанїя ознаменовалась рядомъ безпрерывныхъ побѣдъ, переходомъ черезъ Рейнъ, переправою черезъ Дунай и заключенїемъ перемирїя, которое казалось предвѣстникомъ скораго мира. Но по разрывѣ сего перемирїя открылась вторая кампанїя побѣдою Гоганлинденскою, которой слѣдствїемъ былъ переходъ черезъ рѣку Инъ. Подписанные условїя въ Стейерѣ прекратили теченїе его побѣдъ, и положили начало Люневильскаго мира.

Здѣсь заключается исторїя кампанїи сего полководца. Прекрасныя воинскїя дѣла его относятся ко славѣ Францїи; и когда умолкнутъ страсти, когда возсїяетъ надъ сею злополучною страною другое кроткое свѣтило, тогда вокругъ пустыннаго гроба Моро раздастся общїй гласъ хвалы и сѣтованїя Французскаго народа;

тогда Францїя возжелаетъ можетъ быть имѣть бренные остатки сего великаго мужа, который могъ бы свергнуть съ нее узы, и съ древнею славою возвратить ей нравы, искусства и законы, которые скоро будутъ ей только извѣстны по однѣмъ преданїямъ и развалинамъ.

Теперь представимъ въ нѣсколькихъ словахъ вѣрную картину его гоненїя, ту мрачную эпоху, въ которую Генералъ Моро принялъ заточенїе Аристида, какъ принялъ бы равно чашу Сократову. Онъ былъ другомъ и сотоварищемъ Пишегрю, и заступилъ его мѣсто въ начальствѣ надъ армїями. Прежде 18 Фрюктидора доставилъ ему случай тайную переписку, которая имѣла въ предметѣ произвесть контръ-революцїю во Францїи. Пишегрю замѣшали въ семъ дѣлѣ безъ всякаго судебнаго доказательства. Великодушный Моро ужаснулся мысли быть доносщикомъ на своего стараго начальника, который давно пересталъ уже быть его другомъ. Годъ прошелъ съ того времени, какъ назначено было обнаружить заговоръ; и подъ начальствомъ Моро выиграла двадцать сраженїй та армїя, которую Пишегрю имѣлъ намѣренїе предать, какъ говорили. Въ такомъ состоянїи были вещи, когда Моро, извѣстясь о гласности сего дѣла, рѣшился написать 19 Фрюктидора, на другой день послѣ тогдаш-

нято случая, письмо къ Бартелеми, осужденному вмѣстѣ съ Пишегрю. Когда письмо дошло въ Парижъ, Бартелеми былъ уже задержанъ; Директорія захватила бумагу, и Моро получилъ повелѣніе выдать всѣ другія бумаги, и обнародовать въ арміи извѣстіе, сходственное съ тѣмъ оборотомъ, который хотѣли дать сему дѣлу.

Оно возбудило, въ началѣ, всю Францію противъ Генерала Моро. Его осуждали за то, что онъ донесъ на стараго своего начальника, только для спасенія себя отъ мести правительства. Моро отвѣчалъ побѣдами. Но когда въ 1804 скрытно явился Пишегрю во Франціи, и вмѣстѣ съ нимъ Жоржъ, когда оба они были задержаны, тогда съ намѣреніемъ возобновили память дружественныхъ сношеній Моро съ Пишегрю. Съ вѣроломнымъ искуcствомъ замѣшали Моро въ семъ дѣлѣ; и наконецъ имя Гогенлинденскаго побѣдителя внесли въ списокъ *злодѣевъ* и *заговорщиковъ*.

Во время суда правительство невольно изъявляло уваженіе къ Моро. Въ произнесенной имъ рѣчи передъ Судьями дышетъ духъ величавый. Всеобщій энтузіазмъ, произведенный сею рѣчью, и память заслугъ, оказанныхъ имъ отечеству, были таковы, что одно слово его могло испровергнуть правительство и перемѣнить состояніе дѣлъ въ Европѣ; но Моро бе-

молвствовалъ, съ гордымъ спокойствіемъ покорился осужденію на двухлѣтнее заключеніе, которое перемѣнили въ изгнаніе вѣчное, и наконецъ сѣлъ на корабль въ Испаніи, чтобы отправиться съ семействомъ своимъ въ Америку.

Моро, переселясь въ пустыни Американскія, услаждалъ дни свои любовію къ наукѣ, нѣжными попеченіями о семействѣ, мирною склонностію къ тѣмъ безпорочнымъ удовольствіямъ, которыхъ память была для него всегда пріятна. Скромное и уединенное жилище на берегахъ Делавары (*) принимало его подъ свой покровъ съ наступленіемъ весны. Онъ любилъ заниматься садоводствомъ, даже звѣриною и рыбною ловлею. Среди миролюбивыхъ сосѣдей, которые уважали и любили его, казалось, что онъ укрывается отъ славы. Тамъ Гогенлинденскій побѣдитель былъ многимъ только извѣстенъ по его домашнимъ добродѣтелямъ; и они приносили ему дань пріязни и довѣренности, которая примиряла его съ человѣческою несправедливостію, утѣшала въ потерѣ неблагодарнаго отечества. Его сельская жизнь разливала во-

(*) Морисвилъ, въ Пенсилваніи, на рѣкѣ Делаварѣ, близь Трентона, въ 30 миляхъ отъ Филадельфіи и въ 80 отъ новаго Іорка. Домъ Моро былъ всѣхъ красивѣе въ семъ мѣстечкѣ.

кругъ необыкновенную живость, а труды его воскриляли духъ промышлености во всѣхъ жителяхъ окрестныхъ странъ. Между тѣмъ какъ онъ размышлялъ, или работалъ въ саду, супруга его занималась воспитанїемъ дочери, которая была единственнымъ предметомъ ихъ общей горячности. Небольшое число прїятелей дѣлило съ ними уединенїе. Такъ протекали безмятежные дни ихъ, за которыми надлежало слѣдовать вѣчной горести и жестокой перемѣнѣ.

Какъ не драгоцѣнны сїи подробности, онѣ сообщаютъ одно несовершенное понятїе о дняхъ, проведенныхъ Генераломъ Моро въ Америкѣ. Но взоръ нашъ не можетъ проникнуть таинственнаго покрова, которымъ онъ окружалъ себя въ уединенїи. Сколько различныхъ мыслей посѣщало его, когда молва приносила на берега Американскаго океана стонъ порабощенной Европы, и замирала на пескахъ его! какое негодованїе пробуждалось во глубинѣ великой души его, когда представлялась ему картина страждущаго отечества! сколько надлежало ему сражаться съ самимъ собою!

(*Оконч. въ слѣдующей книжкѣ.*)

ИЗВѢСТІЯ

о послѣднихъ произшествіяхъ.

Обтекая взоромъ политическій горизонтъ Европы, наблюдатель открываетъ повсюду виды, успѣхи и надежды, которыхъ общая картина утѣшительна для мудраго, благопріятна для человѣчества.

Начиная съ нашего отечества, мы видѣли въ немъ недавно прекраснѣйшее торжество любви и признательности народной. Подданные разставались съ ихъ Монархиней, какъ дѣти разстаются съ матерью; сердечныя благословенія провожали Императрицу изъ ея Столицы, и вся Россія слѣдуетъ взорами за Высокой Путешественницей на пути Ея къ Германіи, къ тѣмъ странамъ, гдѣ должны встрѣтить Государыню торжественныя восклицанія народовъ, благодарныхъ Ея Августѣйшему Супругу за ихъ освобожденіе. Вѣрноподданные имѣютъ право завидовать тѣмъ утѣшеніямъ, которыя принесутъ Ей другія страны, и которыми другіе народы въ Ея присутствіи насладятся.

Отъ сей пріятной любви подданныхъ къ ихъ Монархамъ обращаются взоры на величественный театръ войны. Между Россіей и Франціей, на семъ обширномъ пространствѣ земли, очищенномъ отъ вліянія деспота, оставалась одна непріязненная

для насъ Держава; но и та примирилась со здравою политикою союзныхъ Государей, Которые нынѣ желаютъ не пріобрѣтеній, но равновѣсія силъ въ Европѣ. 23 Декабря, н. с., начались между Швеціей и Даніей мирные переговоры въ Килѣ, гдѣ Наслѣдный Принцъ Шведскій имѣетъ главную свою квартиру. Между тѣмъ пишутъ изъ Киля отъ 8 Января, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ самъ Король Датскій прибылъ на твердую землю, вѣроятно для рѣшительнаго окончанія мира.

Графъ Бенигсенъ стоитъ передъ Гамбургомъ и присоединяетъ къ своей арміи бѣдныхъ Гамбургскихъ жителей, безъ пощады изгнанныхъ Принцемъ Экмюльскимъ. Генералъ Тауенцинъ открылъ параллель передъ Виттенбергомъ. Эрфуртъ и Торгау готовы здаться. Такимъ образомъ военныя дѣла въ Германіи приближаются къ рѣшительному концу своему.

Послѣ того Манифеста, который съ радостнымъ удивленіемъ читала Европа и въ которомъ миролюбивые Монархи торжественно объявили Ихъ великодушныя намѣренія въ разсужденіи Франціи и Европы, союзники ступили на границы Франціи и Швейцаріи, какъ друзья древняго Гельветическаго народа, какъ освободители Нѣмецкихъ жителей лѣваго берега Рейна. Большая армія перешла черезъ сію рѣку

21 Декабря, н. с., у Гинингена, Лёрраха и стараго Бризаха. Силезская армія переправилась 1 Января, н. с., при Каубѣ между Бахарахомъ и Кобленцомъ. Корпусъ Генерала Гюлая съ половиною корпуса Генерала Вреде перешелъ 20 Декабря, н. с., при Ротенгаузѣ.

Швейцары оказались достойными ихъ древней славы. Бернъ присоединился къ общему союзу; изъ Женевы присланы городскіе ключи Князю Шварценбергу; и по заключеніи условія между Генераломъ Ваттевилемъ и союзниками, Швейцарскія войска, назначенныя для защищенія неутралитета, распущены и отосланы въ ихъ Кантоны.

Непріятельская армія расположена около Меца, Кельна, Клеве, Страсбурга и Келя. Уже при Колмарѣ, гдѣ Генералъ Вреде занялъ главную квартиру, было удачное для союзниковъ сраженіе. Но во всѣхъ другихъ мѣстахъ Французскія войска отступаютъ безъ малѣйшаго сопротивленія.

Въ Голландіи, между тѣмъ какъ владѣтельный Принцъ Оранскій снаряжаетъ всеобщее ополченіе, дѣйствующая армія идетъ впередъ черезъ Голландскій Брабантъ къ Австрійскому Брабанту. Главная квартира Генерала Бюлова находилась 19 Декабря, н. с., въ Віаненѣ; непріятель послѣ неудачнаго покушенія на Бреду отступилъ

къ Антверпену 27 Декабря, н. ст., и 1600 Англичанъ, изъ высаженныхъ войскъ въ Голландію, двинулись къ Бергопсому.

Великобританія не перестаетъ удивлять насъ чрезвычайными усиліями и жертвами для успѣховъ общаго дѣла, на зло врагамъ, укоряющимъ ее корыстолюбивой политикой. Нынѣшняя эпоха доказываетъ, что сія морская Держава есть вѣрная, дѣятельная и сильная союзница. Изъ напечатаннаго въ Лондонскихъ вѣдомостяхъ дополнительнаго условія къ дружественному и вспомогательному трактату между Всероссійскимъ Императоромъ и Великобританскимъ Королемъ, видимъ, что Англійское правительство обязалось не только выдать на 1813 годъ въ расположеніи своего союзника милліонъ триста тридцать три тысячи триста тридцать четыре фунтовъ стерлинговъ, не только содержать флотъ его, находящійся въ портахъ Великобританіи (котораго содержаніе должно стоить около пятисотъ тысячь фунтовъ стерлинговъ); но и условиться на другой годъ о взаимныхъ обязанностяхъ въ отношеніи къ общей войнѣ, естьли она продлжится на 1814. За то Императоръ предоставляетъ Англіи право располагать по ея волѣ и разсмотрѣнію флотомъ, принятымъ ею на свое содержаніе и Самъ обязывается всегда имѣть сто шестьдесятъ

тысячь человѣкъ, готовыхъ дѣйствовать противъ общаго непрїятеля. По условїю обѣихъ союзныхъ Державъ, онѣ не могутъ ни вступать въ переговоры одна безъ другой, ни заключать мира, или перемирїя, безъ общаго сношенїя и согласїя. Кромѣ сего трактата, Англїя заключила другой съ Королемъ Прусскимъ, по которому равномѣрно обязалась выплатить на 1813 годъ своему Союзнику шестьсотъ шестьдесятъ шесть тысячь шестьсотъ шестьдесятъ шесть фунтовъ стерлинговъ, получивъ отъ Короля Прусскаго обѣщанїе, содержать въ полѣ восемьдесатъ тысячь человѣкъ всегда готовыхъ. Предметъ войны, какъ сказано въ обоихъ трактатахъ, есть тотъ, чтобы возстановить независимость Государствъ, стѣсненныхъ Францїей.

О сихъ великихъ мѣрахъ, принятыхъ Англїйскимъ правительствомъ, извѣстилъ Членовъ Нижняго Перламента Лордъ Кастельрегъ въ засѣданїи 10 Ноября, н. ст. Онъ представилъ потомъ (11 Ноября) настоящее состоянїе военныхъ силъ Англїйскихъ. „Со времени четырехъ лѣтъ, сказалъ онъ, сила армїи, въ средней мѣрѣ, „простирается отъ 230 до 233,000 человѣкъ. Потеря или убыль ежегодная полагается около 25,000 ч., а нынѣшнїй годъ „только около 30,000, не взирая на великїе „уроны въ разныхъ осадахъ и сраженїяхъ,

„что можетъ назваться чудомъ въ раз„суждении обширныхъ нашихъ дѣйствій „какъ въ Европѣ, такъ и въ другихъ „частяхъ свѣта. Обыкновенный наборъ „доставилъ въ прошедшемъ году отъ „14 до 15,000 ч., а милиція надѣлила ар„мію около 12,000 ч., къ чему надобно при„бавить наборы иностранныхъ войскъ" — Говоря о милиціи, Лордъ сказалъ: „Какое „было бы нынѣ положеніе наше и положе„ніе Европы, естьли бы наша милиція не „содѣйствовала къ защитѣ отечества и „къ пользѣ общаго дѣла. По крайней мѣрѣ „100,000 ч. милиціи стояли въ рядахъ „нашего воинства, которое оказало такія „услуги отечеству; и естьли бы не умолкъ „предразсудокъ противъ сего рода службы, „то Держава наша не могла бы ни прибѣг„нуть къ тѣмъ усиліямъ, которыя имѣли „столь великія послѣдствія, ни участвовать „въ общихъ подвигахъ Европы." — Потомъ Лордъ предложилъ о намѣреніи правительства ввести милиціонныхъ воиновъ въ охоту служить во всѣхъ частяхъ Европы, прибавивъ имъ по двѣ гинеи награжденія, и присвоивъ имъ тѣ же преимущества, которыми они пользуются въ своемъ отечествѣ. — Г. Витбридъ одобрилъ предложеніе Лорда, въ надеждѣ, сказалъ онъ, что сей новый *добавокъ* обращенъ будетъ не законное дѣло, и что никакое честолю-

бивое предпріятіе, какъ со стороны Англіи, такъ и со стороны Союзниковъ ея, не удалитъ правительство отъ главной цѣли войны, которая состоитъ въ достиженіи скораго и выгоднаго мира. Лордъ Кастельрегъ отвѣчалъ: „Съ удовольствіемъ „пріемлю опору почтеннаго Лорда на его „условіяхъ, для меня равномѣрно пріятныхъ. Изъявляю надежду, что Парламентъ, не взирая на общее единодушное „мнѣніе, разсмотритъ предложеніе съ обыкновенною своею бдительностію, и не положится безъ разсужденія на власть исполнительную.“ — Сіи послѣднія слова достойны примѣчанія. Положимъ ли, что искренно требовалъ Министръ строгаго суда надъ мѣрами и дѣйствіями правительства, или что онъ хотѣлъ сею рѣчью угодить націи, ревнующей къ ея правамъ и свободѣ, въ обоихъ случаяхъ видимъ доказательство, что законы и конституція торжествуютъ въ Англіи. Гордые островитяне, цари океана и друзья умѣренной свободы! вы будете всегда въ глазахъ мудреца достойнѣе легкомысленныхъ сосѣдей, которымъ также хочется быть царями на твердой землѣ, но которые только умѣютъ быть невольниками повелѣвающаго ими деспота!

Обратясь отъ Англіи къ Испаніи, видимъ, что Министръ иностранныхъ

дѣлъ поднесъ Кортесамъ 2 Октября (н. с.) представленіе о внѣшнихъ сношеніяхъ Испаніи, которое доказываетъ, что ея политическое бытіе утверждается на прочномъ основаніи и признается почти всѣми Европейскими Державами. Англія, Россія, Сардинія и Сицилія находятся въ мірѣ и согласіи съ Испаніею. Англія обязалась выдать съѣстныхъ припасовъ, оружія и платья на 100,000 человѣкъ. Порта оставаясь неутральной, согласилась имѣть Испанскаго посланника. Американское правительство соединенныхъ областей хотя и не признало Фердинанда VII, позволило однакожъ Испанскому Министру имѣть при себѣ пребываніе. Достойно примѣчанія, что Морокской владѣлецъ не призналъ Короля Фердинанда, что Сицилія протестовала противъ той статьи Испанской Конституціи, которая опредѣляетъ наслѣдственныя права на корону, и что Нунцій Его Святѣйшества объявилъ недѣйствительными всѣ тѣ учрежденія, которыя введетъ Испанское правительство въ разсужденіи духовныхъ дѣлъ.

Англо-Испанская армія остановилась на кантонирѣ квартирахъ при Сен-Жан-Делюцѣ; ибо, по донесенію Лорда Веллингтона къ Англійскому правительству отъ 5 Декабря, дѣйствія наступательной войны могутъ возобновиться не прежде Марта мѣсяца.

Естьли перенесемся теперь на театрѣ войны въ Италіи, то увидимъ, что прибытіе опытнаго военачальника къ главной квартирѣ въ Виченцѣ 15 Декабря, н. с., обѣщаетъ новые успѣхи Австрійской арміи, которой удалось уже отразить Французскаго Генерала отъ будріо, и черезъ то обезпечить сообщеніе между Генераломъ Нугентономъ, стоящимъ въ Комачхіо, и его передовыми отрядами въ Равеннѣ. По новѣйшимъ извѣстіямъ, Австрійская армія двинулась уже къ Веронѣ.

Сообразивъ такимъ образомъ всѣ происшествія союзныхъ армій, кажется, что положеніе Франціи оправдываетъ слово, сказанное за нѣсколько лѣтъ передъ симъ однимъ Нѣмецкимъ журналистомъ о возвышеніи сего Государства подъ управленіемъ Наполеона: *Всевышній Строитель не позволяетъ людямъ воздвигнуть столпа Вавилонскаго.* Гигантскіе виды Французскаго правительства рушатся одни за другими. Новая конскрипція, которая требовала строгихъ мѣръ, Императорскій декретъ отъ 21 Ноября (н. с.) о новыхъ податяхъ и сборахъ, присвоенное себѣ Императоромъ право избирать Президента Законодательнаго корпуса, вопреки Государственному уставу, возбуждаютъ общій ропотъ, какъ пишутъ изъ многихъ мѣстъ. Между тѣмъ по 8 Декабря (н. с.) Париж-

сія газеты не говорили еще ни о происшествіяхъ въ Голландіи, ни о Дрезденской капитуляціи, и можетъ быть никогда говорить не будутъ. Но скоро ударитъ для Франціи тотъ рѣшительный часъ, котораго ожидаетъ Европа для блага человѣчества.

Отъ сего всеобщаго обозрѣнія возвращаемся къ Россіи, съ которой мы начали, и заключаемъ взглядомъ на славный миръ съ Персіей, по которому Россійская Держава пріобрѣтаетъ, какъ слышно, восемь Ханствъ, весь Дагестанъ, право имѣть только свой военный флагъ на Каспійскомъ морѣ, свободную торговлю въ Персіи, и далѣе Персіи, наконецъ, принадлежащую ей Грузію въ неоспориваемое и вѣчное подданство.

Москва. 16 *Января.*

ОПЕЧАТКИ

въ No 1 *Вѣстника Европы* 1814 года.

Напечатано :			*читай :*
Стран.	Стр.		
21	4	*добро*	добробы
48	12	*Ахтіоною*	Антіопою
83	5	*Манко-Капанъ*	Манко-Канакъ.

На стран. 51, въ отдѣленіи Изящныхъ Искусствъ, послѣ словъ *описаніе нѣкоторыхъ отличныхъ произведеній живописи и скульптуры* надлежитъ: *которыя въ 1808 году были выставлены въ Парижѣ, въ такъ называемомъ salon de peinture.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ФЕВРАЛЬ 1814.

№ 3.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

ОБѢ ШКОЛЫ,
или
свѣтъ и уединенiе,
повѣсть.

(*Продолженiе.*)

Милодаровъ видѣлъ отчасти, какъ Ириса окружала сѣтями Пальмиру, и какъ Пальмира ввѣрялась обманамъ Графа; но такова любовь, такова сила страсти, что онъ рѣшился объявить свое желанiе отцу Пальмиры, надѣясь на его согласiе и по-

мощь. Человѣкъ, коротко знакомый г. Нолину, прїѣхалъ съ предложенїемъ отъ Милодарова, и тотъ ослѣпленный богатствомъ жениха, изъявилъ свое согласїе и едва не далъ вѣрнаго слова выдать дочь свою. Но посланный упредилъ его, что Ипполитъ Милодаровъ проситъ чрезъ него позволенїя объясниться самому о семъ важномъ дѣлѣ. Нолинъ назначилъ свиданїе на другой день у себя въ домѣ, не сомнѣваясь ни мало въ согласїи Пальмиры и ея покровительницы, и отблагодаривъ за честь, оказанную дочери, прискакалъ съ веселымъ лицемъ въ кабинетъ Модолюбской объявить ей радостное извѣстїе. — „Удивляюсь вамъ и ему!" возклицкнула Модолюбская съ такимъ жаромъ и лицемъ, которые противорѣчили ожиданїю г. Нолина. „Не къ вамъ, но ко мнѣ должно было ему отнестися, и вамъ не льзя было не отослать ко мнѣ этаго дѣла, когда вы мнѣ ввѣрили дочь вашу. Надѣюсь, что вы загладите вину по крайней мѣрѣ тѣмъ, что перемѣните мѣсто свиданїя, назначивъ его не у васъ, но у меня въ домѣ." — Согласенъ мой другъ, когда тебѣ такъ угодно; но позволь мнѣ, или хочешь ты сама приготовить Пальмиру къ перемѣнѣ судьбы ея? — „Ни того, ни другаго; а посмотримъ прежде, что скажетъ намъ, и на кого изъ насъ положится болѣе въ успѣхѣ сво-

его дѣла этотъ гордый женихъ и важный мудрецъ." Видно было, что сердце Модолюбской кипѣло досадою на Милодарова: какъ стерпѣть въ самомъ дѣлѣ, чтобъ молодой человѣкъ, неизвѣстный въ мірѣ, присвоивалъ себѣ дерзское самовластіе на театрѣ ея славы и любовной тактики; когда ни одно любовное дѣло, ни одно свадебное условіе въ городѣ не миновало никогда ея скрѣпы и печати! —

На другой день по новому приглашенію пріѣхалъ Ипполитъ къ Модолюбской и былъ введенъ въ кабинетъ Г. Нолиномъ. Она приняла его вѣжливо, но холодно, съ явнымъ намѣреніемъ показать ему свое неудовольствіе; но человѣкъ въ страсти есть самый худый набиюдатель, и Милодаровъ, увлеченный другимъ сильнымъ чувствомъ, забывалъ всѣ другія движенія, столь слабыя для человѣка, который ожидаетъ жизни, или смерти.

Черезъ нѣсколько минутъ молчанія Нолинъ началъ говорить первый по знаку Модолюбской: „Вы оказываете великую честь моей дочери" сказалъ онъ „и вы желали по сему случаю объясниться съ нами?" — Такъ — отвѣчалъ съ жаромъ влюбленный Ипполитъ — и почелъ

бы себя щастливѣйшимъ изъ смертныхъ, получивъ руку Пальмиры; но сею рукою хочу быть обязанъ не принужденію родителя, но согласію ея сердца, или по крайней мѣрѣ разсудка. Естьли и не любовь рѣшитъ на первый разъ ея выборъ, то можетъ быть свычка обратится наконецъ въ склонность сердца. Надѣюсь, что всегдашнее стараніе угождать волѣ, упреждать желанія, предвидѣть мысли любимаго человѣка, что ежедневные опыты любви кроткой, великодушной могутъ наконецъ привязать чувствительную душу, и ея ангельскую душу скорѣе нежели другую. Ахъ! для чего не могу уже щастливый взаимною любовію видѣть прекрасную на ея мѣстѣ, въ убѣжищѣ ея достойномъ, и далеко, далеко отъ сѣтей коварнаго свѣта. — Послѣднія слова невольно вырвались изъ устъ откровеннаго юноши. Но благородное негодованіе добродѣтели, столь явнымъ образомъ излитое передъ лицемъ царствующаго порока, могло ли не раздражить Модолюбской? и она вступилась за свои права, обратясь тотчасъ къ Милодарову. „Не льзя отзываться вѣжливѣе о тѣхъ людяхъ, которыхъ отецъ вашей, а можетъ быть и не вашей еще, невѣсты считаетъ своими пріятелями, и не льзя сомнѣваться благороднѣе въ чистотѣ ихъ поступковъ, нравовъ и намѣреній! Но позвольте

сказать, что это достойно вашей философіи." — Я не касался личностей, и говорилъ только вообще — продолжалъ молодой человѣкъ съ твердостію; — но смѣю утверждать, что достойная Пальмира сотворена не для тѣхъ обществъ, въ которыхъ она проводитъ жизнь свою. Передъ нами ея родитель; щастіе дочери для него конечно дорого: говорю по внутреннему убѣжденію, что добродѣтельная красавица погибнетъ, естьли никто не остережетъ ее отъ заблужденія. — . . „Вы предназначены безъ сомнѣнія" перервала Модолюбская съ явною досадою „совершить такое важное и прекрасное дѣло; но въ гордомъ ожиданіи вашихъ собственныхъ правъ не позволите ли намъ смиренно пользоваться нашими, безъ совѣтовъ чужаго посредника?" — Чѣмъ споръ кончится — воскликнулъ г. Нолинъ, зѣвая отъ скуки и нетерпѣнія — и рѣшится ли наконецъ наше дѣло? — Вы отецъ повторилъ Ипполитъ Милодаровъ. — Конечно сказалъ Нолинъ; будемъ теперь просить у хозяйки позволенія видѣть Пальмиру, чтобы узнать ея расположеніе. — „Нѣтъ" сказала Модолюбская „у меня жестокой мигрень; это остается до завтрашняго дня."

Молодой человѣкъ удалился съ отчаяніемъ въ сердцѣ, предвидя слѣдствія сво-

ей откровенности, но имѣя столько силы, чтобы не отступать отъ истины. — „Пальмира! — говорилъ онъ самъ себѣ — Пальмира! нѣтъ для меня въ свѣтѣ ничего тебя дороже. Но честь и достоинство человѣка не свыше ли всѣхъ благъ любви и жизни? Имѣю только въ виду возвысить жизнь мою передъ тобою. Знаю, что покорная уступчивость передъ гордой Мессалиной могла бы возвратить мнѣ надежду щастія; но тому ли владѣть тобою, кто униженъ душею и сердцемъ? и можетъ ли тотъ достойно любить тебя, кто не имѣетъ въ душѣ чувства истинныя добродѣтели?“ —

Какъ скоро Ипполитъ уѣхалъ, Модолюбская подъ видомъ болѣзни удалила Нолина изъ дому, и съ дочерью своею заперлась въ кабинетъ. Разсказавъ ей дѣло, „Ириса! помоги мнѣ“ продолжала она, „будь мнѣ другомъ; отговори Пальмирѣ идти за безумца.“ — Маминька! — съ улыбкою отвѣчала Ириса — вы можете на меня надѣяться; ибо въ семъ дѣлѣ польза наша общая. Но только за снисхожденіе заплатите снисхожденіемъ, и за услугу услугою. — И тотчасъ догадливая Ириса, прыгнувъ на шею къ матери, съ ласкою открыла ей тайну другаго заговора противъ Софіи Линаровой, прося въ свою оче-

родъ опоры и помоги. Машь подумала и ошвѣчала: „Хорошо, подписываю условіе.“ —

Отъ договора приступили къ исполненію. Ириса бѣжитъ, летитъ къ Пальмирѣ и съ видомъ отчаянія бросаясь въ ея объятія, говоритъ: „Ахъ! ты ничего не знаешь — Боже мой! ты сидишь покойно, когда тебѣ грозитъ нещастіе!“ — Ириса! что такое? скажи ради Бага! — „Варваръ, тиранъ, врагъ нашего пола, словомъ Ипполитъ Милодаровъ хочетъ на тебѣ жениться, и отецъ твой согласенъ, и день свадьбы едва ли не назначенъ, и суровый человѣкъ, изъявляя намѣреніе соединиться съ тобою безъ твоей воли, смѣетъ уже ручаться, что обреченная его супруга скоро передъ нимъ смирится, но конечно такъ, какъ агница смиряется подъ когтями тигра!“ Чего еще не насказала Ириса! — Бѣдная Пальмира! она испугалась, всему повѣрила, и не знала, къ чему прибѣгнуть, со слезами требовала руки помощи и совѣта дружбы. Совѣтъ былъ тотъ, чтобы всѣми силами противиться волѣ жестокаго и несправедливаго родителя. Но какъ противиться власти отеческой? это приводило ученицу въ сомнѣніе. Къ щастію наставница имѣла въ запасѣ все, что можетъ въ подобныхъ случаяхъ успокоить боязливую совѣсть. И

takъ рѣшено было Ирисою говорить противъ отца съ твердостію, на всякой случай грозить ему побѣгомъ изъ родительскаго дома (ибо домъ Модолюбской могъ отчасти почитаться родительскимъ) и въ крайности исполнить угрозу, ввѣривъ честь и жизнь свою достойному герою Графу Изумрудову. Какъ ни рѣшительны были такія мѣры, однакожъ Пальмира проплакала во весь томъ вечеръ и всю ночь отъ сомнѣнія и отъ совѣсти, которая непозволяла ей ожесточить противъ себя родителя, какъ ни старались погасить въ ней послѣднюю искру добродѣтели.

На другой день, когда Ириса вооружала свою подругу всѣми правилами независимости для смѣлаго приступа и мужественнаго боя противъ отца, приходятъ сказать, что сей отецъ зоветъ ее въ кабинетъ Модолюбской. Она не смѣетъ идти; услужливая Ириса ей подаетъ руку, съ нравоученіемъ провожаетъ, твердитъ: *будь смѣлѣе*; и подкрѣпленная Пальмира является на аудіенцію. Но передъ отцемъ, который объявилъ ей волю свою, на сей разъ не очень слабую, твердость ея изчезла: молчаніе было ея отвѣтомъ. Для человѣка, не холоднаго душею къ связямъ крови и свычкамъ младенчества, родительской голосъ, родительское лице, родитель-

ское слово представляетъ образъ Божества, напечатлѣннаго въ душѣ кроткою любовію и священнымъ ужасомъ. Пальмира безмолвствовала; но ободренная вызовомъ маминьки, объявила, что имѣетъ непобѣдимое отвращеніе къ Ипполиту, чего не было совсѣмъ въ душѣ ея, и на колѣняхъ просила отца не погубить ее симъ замужствомъ. Едва выговорила признаніе, какъ Модолюбская воскликнула: „Будь покойна; беру тебя подъ мою защиту; ты не будешь никогда за Милодаровымъ!" — Напрасно изумленный Нолинъ хотѣлъ противорѣчить; ему отвѣчали, что дѣло рѣшено, и что не позволятъ ему переступить за границы отеческой власти.

Когда Милодаровъ пріѣхалъ, ему отказали отъ дому; онъ понялъ отвѣтъ, и приготовился къ отъѣзду изъ Москвы; но черезъ нѣсколько дней по какому-то невольному влеченію, или по желанію удостовѣриться въ томъ, чему не хотѣло вѣрить сердце, онъ пріѣхалъ проститься съ Нолиномъ въ собственный домъ его, и неосторожно введенный слугою, засталъ у него дочь съ утреннимъ посѣщеніемъ. Хозяинъ смѣшался; Пальмира хотѣла удалиться; но молодый человѣкъ, приближась къ ней съ почтеніемъ: „Ради Бога!" сказалъ ей „не бѣгайте отъ меня, пре-

красная Пальмира! на минуту огорчаю васъ моимъ присутствїемъ; сего дня и навсегда разстаюсь съ Москвою и съ надеждою быть щастливымъ." — Сказавъ, онъ обратился къ отцу ея, изъявилъ ему благодарность за его ласки, за любовь къ покойному отцу его, за первый лестный отзывъ на его предложенїе, простился съ нимъ; и когда наконецъ надлежало откланяться дочери, онъ измѣнился въ лицѣ страшнымъ образомъ, но имѣлъ силу сказать ей изъ глубины сердца: „Будьте щастливы, Пальмира! будьте щастливы, сколько вы того достойны! Гдѣ бы ни проводилъ дни мои, какая бы участь меня ни ожидала, никогда не перестану брать участи въ судьбѣ и жизни вашей." Слезы лились изъ глазъ чувствительнаго юноши, когда онъ удалялся изъ дому. Черезъ нѣсколько часовъ его уже не было въ Москвѣ.

Всѣ были довольны и радовались его отъѣздомъ, кромѣ Пальмиры, которая противъ воли сожалѣла о молодомъ человѣкѣ. Можетъ быть истинно-чувствительная женщина не можетъ безъ сердечнаго участїя видѣть человѣка, искренно въ нее влюбленнаго; и чѣмъ терпѣливѣе любовь его, а поступки скромнѣе, чѣмъ далѣе отъ него надежда, тѣмъ уступаетъ скорѣе сердце ея силѣ воображенїя, любопыт-

ства, самолюбія, сожалѣнія, которыя всѣ въ одинъ голосъ говорятъ за безвиннаго страдальца. А самолюбіе, особливо самолюбіе, такъ близко граничитъ съ любовію! „Бѣдный человѣкъ!" разсуждала Пальмира сама съ собою „онъ любитъ меня такъ искренно, цѣнитъ мои достоинства такъ дорого, терпитъ, можетъ быть, такъ много отъ любви и чувствительности! . . . . Но странно, что при такой сердечной нѣжности онъ имѣетъ нравъ суровый и хочетъ быть деспотомъ въ любви и бракѣ! . . . Можетъ быть одно заблужденіе ума и ничего болѣе!" . . . Пальмира! ты оплакиваешь его заблужденія; нѣкогда оплачешь свои!

Со времени Милодаровой исторіи, о которой трубила городская молва отъ намѣренныхъ перешептовъ Ирисы съ друзьями ея, Графъ Изумрудовъ не имѣя болѣе способа скрывать отъ Линаровой свое новое волокитство, и чтобы показать себя передъ другими щастливымъ побѣдителемъ соперника, будто бы для него изгнаннаго, слѣдовалъ за Пальмирою на балы, въ спектакли, на катанье и въ другія собранія. Онъ часто говорилъ ей на ухо: „Любезная моя Пальмира! скоро тайное подозрѣніе публики обратится въ торжественное для насъ поз-

дравленїе; ожидаю только писемъ изъ Петербурга. . . . Вы чувствуете, что мнѣ должно было для этикета увѣдомить о томъ отца моего. Но можетъ ли власть его разполагать моей къ тебѣ любовїю?" — Пальмира также извѣстила отца о скоромъ ея замужствѣ, и обрадованный отецъ обнялъ ее, такъ какъ бы онъ обнялъ фортуну, передъ нимъ стоящую; ибо дочерняя свадьба представляла ему только щастливый приливъ богатства; сама Пальмира была внѣ себя отъ радости, видя удовольствїе отца, принимая тайныя поздравленїя другихъ и встрѣчая множество дѣвушекъ, завидующихъ ея щастїю.

При сей общей радости Пальмира встрѣтилась въ одномъ домѣ съ Линаровой, и ничего не зная о ея связи съ Графомъ Изумрудовымъ, такъ ласково обошлась съ ней, говорила такъ искренно, что рѣдкое добродушїе, видное на лицѣ и въ словахъ ея, подало мысль нещастной сопернницѣ прибѣгнуть къ ея великодушїю. Она ожидала способной для того минуты; какъ вдругъ прозорливая Ириса, которая ничего не упускала изъ виду, увела ее отъ новой знакомки, и перешепнувшись съ матерью, увезла совсѣмъ изъ дому.

На другой день послѣ сей встрѣчи служанка тайно вручила Пальмирѣ письмо слѣдующаго содержанїя:

— „Не знаю васъ коротко, но знаю „право нещастныхъ на сожалѣнїе благо- „родныхъ душъ, и пользуюсь имъ со всею „довѣренностїю, васъ конечно достойною. „Троньтесь судьбою отчаянной любовницы, „которая имѣетъ въ васъ опасную, но „можетъ быть великодушную соперницу; „воспользуйтесь побѣдою красоты для ис- „полненїя святѣйшихъ обязанностей добро- „дѣтели; усовѣстите Графа Изумрудова, „который передъ заключенїемъ вѣчнаго со „мною союза вѣроломнымъ образомъ измѣ- „няетъ своему слову; возвратите мнѣ „жизнь, возвратя его къ долгу, къ чести, „къ любви той, которая еще дорожитъ „взоромъ неблагодарнаго измѣнника. Судьба „моя въ рукахъ вашихъ! Вашъ отвѣтъ „спасетъ, или погубитъ слабую женщину, „доведенную до послѣдней крайности, до „стыда признаваться въ ея слабости. Но „въ томъ, или въ другомъ случаѣ сохра- „ните ввѣренную вамъ тайну.

Софія Линарова."

Первыя движенїя чувствительныхъ бываютъ всегда порывами высокой добродѣтели. Едва прочитала Пальмира письмо, и схватила перо, чтобы начертить отвѣтъ прекрасной души своей. Надъ перомъ она задумалась, сомнѣнїя поколебали ея руку и душу. Какъ отказаться добровольно

отъ такого щастія, которое другія оплакиваютъ! И вдругъ отъ самаго блестящаго жребія обратиться къ долѣ простой и незавидной! Какъ огорчатся домашніе! что скажетъ свѣтъ? Какое печальное молчаніе послѣ такихъ громкихъ поздравленій! и не подвергнется ли этотъ поступокъ многимъ обиднымъ толкамъ, и, что всего тяжелѣе, насмѣшкамъ подругъ, а особливо Ирисы? Наконецъ, не безразсудна ли эта жертва и нѣтъ ли въ ней того излишества, черезъ которое добросердіе обращается въ слабость, а мудрость въ упрямство? Однимъ словомъ, ей представились всѣ тѣ возраженія, которыми низкая личность оспориваетъ благородное безкорыстіе и противъ которыхъ такъ трудно идти самолюбію, какъ человѣку противъ теченія вѣтра. — Нѣсколько минутъ Пальмира не рѣшалась, рвала письмо, снова писать начинала, скорыми шагами ходила по комнатѣ отъ внутренняго безпокойства; но побѣдивъ наконецъ самую себя, твердою, недрожащею рукою написала сіи строки: „Обязываюсь передъ самимъ Не„бомъ исполнить священную волю вашу. „Будьте щастливы любовію, а я буду ща„стлива совѣстію." — Какъ въ сію минуту оживлялась кровь и пылали глаза нашей героини отъ умиленія и радости сердца! Когда мы рѣшимся при-

нести великую жертву изъ чистой любви къ добродѣтели, какая-то струна, тронутая, кажется, у сердца производитъ въ немъ гораздо скорѣйшее біеніе, которое отъ него сообщается во всѣ жилы съ чувствительною сладостію. Кто изъ добрыхъ не испыталъ въ жизни сего движенія, восхищающаго человѣка до небесъ? Пальмира чувствовала его, запечатывая письмо, размышляя о своемъ дѣлѣ и готовясь, можетъ быть, изумить людей ея великодушіемъ; ибо самая кроткая добродѣтель имѣетъ свое самолюбіе. Впрочемъ, могъ ли бы сей поступокъ стоить такихъ великихъ усилій, естьли бы ослѣпленіе ума, до котораго довели неопытную, не мѣшало ей видѣть всю черноту того человѣка, который перемѣнялъ предметы любви и переносилъ клятвы сердца, какъ мѣняются знакомствами и дарятся привѣтствіями.

Въ ту минуту, когда Пальмира надписывала письмо, вошла Ириса, и видя ее съ перомъ въ рукѣ, подкралась на цыпочкахъ. Та оглянулась, но поздно: любопытная прочитала адрессъ. „Извини, что тебѣ „помѣшала“ сказала Ириса. — Извини меня — отвѣчала Пальмира — что скрою отъ тебя бумагу; это чужая тайна, мнѣ за словомъ ввѣренная. — Ириса съ досадою удалилась; но вы угадываете, что она ис-

жала и нашла способъ узнать, кому поручено отнести отвѣтъ къ Софіи Линаровой. Человѣкъ подкупленъ, прочитанное письмо изорвано, а на мѣсто его отправлено другое съ рѣшительнымъ отказомъ отъ Пальмиры и съ колкими насмѣшками отъ имени Графа, которому передали о томъ извѣстіе.

Нѣсколько дней сряду Графъ не показывался у Модолюбской, такъ что напрасно Пальмира сочиняла въ головѣ своей краснорѣчивое нравоученіе для обращенія сего преступника вѣрности; и вдругъ разнесся слухъ о бывшемъ поединкѣ. Иные угадывали имена соперниковъ, но молчали; когда праздные люди, какихъ довольно въ свѣтѣ, нарочно прискакали къ Модолюбской съ извѣстіемъ: „вчера стрѣлялись на пистолетахъ Графъ Изумрудовъ и братъ Софіи Линаровой. . . . Первый легко раненъ въ руку, а послѣдній убитъ!“ — — При семъ послѣднемъ словѣ Пальмира поблѣднѣла. Первое ея движеніе было схватить за руку сидящую подлѣ нее Ирису, какъ будто сообщая ей внутреннее свое безпокойство; но та бѣжала отъ нее развѣдать о подробностяхъ сего происшествія.

Черезъ полчаса времени Пальмира вывела ее въ другую комнату и спросила съ робостію: „Скажи ради Бога! какимъ об-

„разомъ это случилось?" — Самымъ обыкновеннымъ — отвѣчала хладнокровно Ириса. Братъ Софїи Линаровой молодый, горячїй человѣкъ, безъ дѣла поссорившїйся съ Графомъ за сестру свою, вызвалъ его на поединокъ и погибъ жертвою предразсудка, или великодушїя, естьли тебѣ угодно. — „И такъ я была виновницею смер„ти одного человѣка! ахъ!.. Ириса!" — Ты смѣшна мнѣ! Естьли намъ винить себя въ поступкахъ мущинъ, которые за насъ ссорятся, или дерутся, то не достанетъ совѣсти всѣхъ женщинъ въ мїрѣ на число жертвъ и раскаянїй! — „Но Софїя, бѣдная Софїя! она лишается въ одно время жениха и брата!... И я не могу простить Графу, что онъ сдѣлался убїйцею человѣка, столь близкаго къ Софїи, и можетъ быть убїйцею женщины, имъ нѣкогда любимой!" — — Ириса неотвѣчала; ибо послѣ того случая, который увѣнчалъ ея злодѣйское мщенїе и полагалъ вѣчную преграду къ союзу Линаровой съ Графомъ Изумрудовымъ, она не очень заботилась о дальнѣйшихъ слѣдствїяхъ заговора. Но гдѣ успокоилась дочь отъ геройскихъ подвиговъ своихъ, тамъ принялась за трудъ достойная мать ея, какъ мы тотчасъ увидимъ.

Въ вечеру, послѣ сего произшествїя, составили совѣтъ. Пальмира изъявила со-

мнѣнїе, идти ли ей за Графа, и спрашивала, можетъ ли его поступокъ съ Линаровымъ не почесться безчестнымъ? Но Модолюбская, чтобы не уронить дочерней славы и при томъ вознаградить своего друга за потерянную имъ фортуну отъ разрыва съ Милодаровымъ, предложила мнѣнїе совсѣмъ противное. Къ голосу Модолюбской присталъ Нолинъ. Ириса молчала, почитая уже себя постороннею въ семъ дѣлѣ; а Пальмира, не убѣжденная, но замученная привязчивыми приступами благодѣтельницы отца своего, согласилась съ нею. И какъ было не согласиться? Ей представили ея нисченское состоянїе, долги отцовскїе, единственное убѣжище, которымъ она была обязана великодушїю Модолюбской, но котораго могла лишиться вмѣстѣ съ ея жизнїю, гласность дѣла, въ которомъ была замѣшана, наконецъ славу носить имя Графини Изумрудовой и въ собственности имѣть можетъ быть полмилїона душъ! Однакожъ нѣкоторые знаки сомнѣнїя на лицѣ Пальмиры подали Модолюбской щастливую мысль разорвать, или справедливѣе затянуть Гордїевъ узелъ вдвое сильнѣе. Но, въ неизвѣстности успѣха, она не открыла никому сего тайнаго намѣренїя.

Черезъ нѣсколько дней явился герой съ перевязанною рукою, симъ знакомъ любви,

храбрости и славы, которая въ глазахъ нѣкоторыхъ женщинъ стоитъ лавровъ всѣхъ побѣдителей въ мірѣ. Кто же могъ болѣе имѣть права на побѣды любви и ласки красоты? Глаза его искали Пальмиры и требовали тайной награды; но его ожидала награда самая торжественная и нечаянная. Хозяйка дома, подведя къ нему Пальмиру въ присутствіи многихъ гостей, сказала громко: „Примите руку „ея съ общаго согласія отца и ближ„нихъ; тайна любви вашей открылась: вы „достойны другъ друга." Изумленный такою скорою развязкою, не совсѣмъ согласною съ его тайными намѣреніями, Графъ умѣлъ однакожъ принять руку невѣсты ловко, непринужденно, безъ всякаго замѣшательства: искусство свѣтскихъ людей, которое ни съ чѣмъ не равняется! Но естьли сожалѣлъ Графъ Изумрудовъ о томъ, что не удалось ему испытать женской слабости въ таинственной любовной связи, то онъ и радовался въ то же время, что имѣлъ по крайней мѣрѣ новую красавицу, которая освободила его отъ другой, для него обыкновенной. А Пальмира не очень радуясь и не очень огорчаясь рѣшеніемъ своего жребія, какъ человѣкъ, которому указанъ одинъ путь и не позволяется другаго, съ благодарностію принимала ласки жениха и поздравленія гостей.

Уже невѣста съ женихомъ являлись передъ взорами публики; толпы встрѣчали и провожали ихъ; любезные вѣтренники, еще любезнѣйшія вѣтренницы едва не лежали у ногъ ихъ: ибо прекрасная чета сидѣла на торжественной колесницѣ подъ трофеями и пальмами моды. Суетное тщеславіе, несправедливо смѣшанное съ истиннымъ самолюбіемъ, заводитъ далеко мущинъ и женщинъ. Сперва хотѣлось нашей красавицѣ показать себя достойною общаго вниманія; но скоро стало для нее весело удивлять другихъ смѣлостію поступковъ и пренебреженіемъ своихъ обязанностей; скоро съ откровенностію, достойною школы Модолюбскихъ, она признавалась домашнимъ и чужимъ, что выходитъ за Графа не по любви, но по разсчету. Такое признаніе сдѣлало мущинъ смѣлѣе; она сама сдѣлалась съ ними свободнѣе, и нечувствительнымъ образомъ позволяла себя окружать рою молодыхъ ласкателей, которые передъ нею летали Сильфами и по слѣдамъ ея курили фиміамъ, достойный только жрицъ Венериныхъ. Но была ли довольна и щастлива Пальмира? Нѣтъ; истощая забавы и побѣды, она не вкушала ни одного сердечнаго удовольствія, ни одной сердечной нѣжности; отъ разсѣянія бѣжала къ разсѣянію, отъ одного удовольствія обращалась къ другому, переносясь

нѣкоторымъ образомъ внѣ бытія своего, и только къ концу дня возвращаясь въ самую себя съ пустымъ сердцемъ, съ празднымъ умомъ, утомленная шумомъ и вихремъ; словомъ, была невольницей свѣта, страдалицей мнѣнія, въ то время, когда другіе искренно называли ее чудомъ щастія и завистію людей. Сама Пальмира, вопреки душевной пустоты своей, думала наконецъ, что нѣтъ другаго дѣла въ свѣтѣ кромѣ романа и туалета, другихъ удовольствій кромѣ забавъ многолюднаго общества, другаго порядка вещей кромѣ того, который ежедневно видѣла, и къ которому нечувствительнымъ оброзомъ привыкла. Такова была наша героиня черезъ нѣсколько мѣсяцовъ ея знакомства съ лучшими обществами въ городѣ.

Естьли бы Пальмира произнесла уже тотъ торжественный обѣтъ, который обязываетъ по церкви, но отъ всего увольняетъ по мнѣнію свѣта, то мы положили бы перо свое; ибо всякой можетъ тогда дописать ея исторію, справясь только съ тайною хроникою городскихъ браковъ. Но Пальмира не была еще за мужемъ; еще заблужденія ума не довели сердца до преступленія; добродѣтели ея не угасли, но безъ порыва, безъ пищи слабѣли и томились въ мѣстѣ для нихъ чуждомъ, какъ заро-

ненная на землю искра гаснетъ въ отсутствіи теплоты, и только ожидаетъ усилія вѣтра, чтобы возгорѣться огнемъ яркимъ и чистымъ.

Среди торжества и веселости прискакалъ къ Графу курьеръ съ Имяннымъ повелѣніемъ выѣхать изъ Москвы въ 24 часа. Извѣстіе о поединкѣ дошло до Правительства и, не смотря на просьбу отца, сильнаго у Двора, ему опредѣлили мѣсто ссылки въ самыхъ отдаленныхъ помѣстьяхъ, не назначая и сроку для возвращенія; но отецъ обнадеживалъ своего сына, что заточеніе долго не продолжится. И такъ женихъ простился съ невѣстою. Въ часъ разлуки тотъ жаловался въ элегіяхъ и плакалъ въ стихахъ; а эта роптала на Небо, что сердце ея не терзается какъ Дидонино, и что слезы не хотятъ повиноваться и бѣлому платку, которымъ она отирала сухія глаза свои.

Первая почта привезла отъ Графа къ Пальмирѣ груду эротическихъ посланій въ стихахъ и прозѣ. Въ одномъ краснорѣчивомъ и любопытномъ письмѣ влюбленный Графъ говорилъ ей: — „Не скучай, прекрасная Пальмира, но веселись и наслаждайся! Не такъ пріятны для меня твои „слезы, какъ лестны твои успѣхи и по-

„бѣды въ свѣтѣ. Любезность ума, лов„кость поступковъ, превосходное искус„ство заманивать гордыхъ Нарциссовъ: этѣ „достоинства въ женѣ проливаютъ на му„жа блескъ, подобный солнечному. Повѣрь, „красавица, любовь безъ всякаго принуж„денія украситъ дни союза нашего. Уже „горю нетерпѣніемъ принять даръ цвѣ„тущей красоты твоей. Наступаетъ пре„краснѣйшее время года – весна, сама весна „зоветъ человѣка въ таинственныя ея „убѣжища къ утѣхамъ, достойнымъ анге„ловъ. Скоро подъ вліяніемъ звѣзды вечер„ней вкусимъ и мы первые восторги люб„ви, первыя наслажденія брака; но въ сихъ „райскихъ наслажденіяхъ не истощится „ли наконецъ любовь и ея восторги? не „завянутъ ли удовольствія, какъ нѣжный „цвѣтъ, не вспрыснутый чистѣйшею ро„сою? Такъ, мой другъ! чувство щастли„вой любви не можетъ быть всегда равно; и „по заключеніи брака мы возвратимъ другъ „другу несомнительное право обновлять „жизнь новою остротою любви и вкуса: „пусть кричатъ моралисты; мы будемъ мол„чать и наслаждаться. Скажи, Пальмира, „естьли ключевая вода, давно налитая въ „сосудъ, не льститъ моему вкусу, то не „могу ли безъ всякаго преступленія зачерп„нуть свѣжей у самаго ея источника, чтобы

„утолить жажду и насытить мое чув-
„ство? Любовь есть тотъ же источникъ;
„чувства, для нее сотворенныя, имѣютъ
„свою жажду, свои прихоти, свои потреб-
„ности, и кто очищаетъ капли нектара,
„не виновнѣе того, кто пьетъ свѣжую а
„не стоячую воду.“ — Пальмира читала
письма съ любопытствомъ. Такая фило-
софія казалась для нее новою, невсегда по-
нятною, и до того сомнительною, что не
смѣя отвѣчать ни да, ни нѣтъ, она мол-
чала отъ замѣшательства, и чтобы рѣ-
шиться, ожидала опыта.

Но съ наступающею весною госпожа Модолюбская принесла модѣ послѣднюю дань, заплатя жизнію за прогулку на бульварѣ въ легкомъ платьѣ. Эта поздняя слава не утѣшала ни ее, ни Пальмиру, ни отца Пальмиры. Еще при жизни Модолюбской домъ Нолина былъ описанъ и проданъ. Преждевременная смерть не позволила богатой дамѣ ничего сдѣлать въ пользу ея любимца. Онъ оставался почти безъ пропитанія, безъ крова: ибо Ириса черезъ нѣсколько дней послѣ кончины матери продала ея домъ и уѣхала въ Петербургъ съ любовникомъ. Новый хозяинъ дому позволилъ Нолину прожить у себя только недѣлю. Между тѣмъ Пальмира летѣла къ

друзьямъ своимъ, надѣясь на вѣрное убѣжище и на прiятельское приглашенiе. Всѣ приняли ее очень хорошо; никто не предложилъ ей своего дому. Къ сему опыту, для нее чувствительному, присоединилися нѣсколько другихъ гораздо важнѣйшихъ: тѣ, которые наканунѣ гордились знакомствомъ Модолюбской, теперь злословили ея память не только подлинными ея пороками и слабостями, но и вымышленными злодѣйствами; стоязычная клевета не щадила ни мертваго человѣка, ни отсутствующей Ирисы, ни безвинной Пальмиры; изъ устъ въ уста передаваемые тайные анекдоты довели до общаго свѣдѣнiя и до свѣдѣнiя самой Пальмиры, какимъ образомъ Ириса обратила ее въ орудiе своего мщенiя и какъ подмѣнила письмо ея къ Линаровой. Она хотѣла видѣть Софiю, чтобы по крайней мѣрѣ оправдаться передъ нею; но узнала, къ сожалѣнiю, что смерть брата и слѣпая любовь къ его убiйцѣ стоили ей жизни. Обманутая недостойнымъ обр[illegible]омъ, оскорбленная въ чувствѣ спра[illegible]й гордости, тронутая до сердца к[illegible]свѣта, измѣною дружбы, Пальми[illegible] отца ѣхать въ маленькую да[illegible]еньку, еще у нихъ неописанную [illegible]ми, чтобы дать умолкнуть [illegible]славiя, и чтобы тамъ

дождаться возвращенія жениха, сего единственнаго человѣка, котораго имя и знатность могли защитить ее отъ стрѣлъ злословія. Отецъ не видя ни повода къ жалобѣ, ни причинъ ѣхать на скуку въ деревню, убѣждалъ ее только написать къ Графу объ ихъ разстроенномъ состояніи и просить о домѣ и помощи; но гордая Пальмира, нѣсколько просвѣщенная опытомъ, не хотѣла о томъ и слышать. „Скорѣе" говорила она „скорѣе буду жить въ Москвѣ подъ соломенною кровлею, нежели просить милости у жениха, у будущаго мужа, который, въ случаѣ ссоры, можетъ мнѣ припомнить его благодѣянія, чтобы имѣть удовольствіе унизить, или поработить меня своей волѣ." — Наконецъ рѣшено было ѣхать. Нѣсколько строкъ, написанныхъ къ жениху, увѣдомляли его о смерти Модолюбской, и объ отъѣздѣ въ деревню, — и въ нѣсколько часовъ все было готово къ отъѣзду: такъ спѣшила Пальмира. У заставы она оглянулась на Москву, но безъ всякаго сожалѣнія; ибо не оставляла въ ней ничего пріятнаго.

За городомъ встрѣтили ихъ первые цвѣты луговъ. Начало весны украшало поля и рощи. Часто Пальмира задумывалась, смотря на цвѣтущіе холмы и доли-

ны, на веселыя стада, на мирныя селы, черезъ которыя проѣзжала. Эти чувства для нее были новы. Давно не посѣщала она сельскаго уединенія такъ свободно, такъ непринужденно, такъ безпечно. Ей случалось только проводить на поляхъ, окружающихъ Москву, нѣсколько часовъ лѣтняго вечера за богатымъ пикникомъ, со всею свитою городской пышности, чтобы возвратиться въ полночь съ отягченнымъ желудкомъ, и на другой день проснуться въ часъ обѣда съ больною головою. Какая разница! Теперь во время дальней дороги она просыпается на зарѣ вмѣстѣ съ утренними пѣвцами, вмѣстѣ съ ними засыпаетъ подъ открытымъ небомъ у подошвы простыхъ, но мирныхъ хижинъ, на соломѣ принесенной для нее услужливой крестьянкой, и отъ восхода до заката солнца встрѣчаетъ на дорогѣ людей прямо веселыхъ, всегда трудолюбивыхъ, довольныхъ безъ излишества, щастливыхъ безъ усилія. И какія быстрыя движенія пробуждались однѣ за другими въ ея нѣжныхъ чувствахъ, ласкаемыхъ весною и природою! какъ она любила прислушиваться къ журчанію рѣчки, къ шуму вѣтерка, къ громкимъ голосамъ птичекъ въ молчаніи обширныхъ полей, въ спокойствіи своего сердца, въ какомъ-то строй-

номъ теченіи всѣхъ мыслей къ темной и отдаленной, но восхитительной надеждѣ. Весна и сельская природа имѣютъ неизъяснимую для человѣка прелесть; и естьли къ сему прекрасному времени года присоединятся мечты пылкаго воображенія, глубокой чувствительности и щастливой молодости, то дѣйствія ихъ на душу бываютъ тѣмъ сильнѣе и разительнѣе. Пальмира забывъ городскія общества, всѣ неудовольствія, радовалась только весною и деревнею; и разговаривая съ крестьянами, спрашивала ихъ въ восторгѣ радости: не скорѣе ли бьется сердце съ начала весны? и не плачутъ ли пастухи ея отъ умиленія, наигрывая пѣсни на свирѣляхъ и пася стада свои на берегу свѣтлыхъ рѣчекъ? — Добрые крестьяне отъ сердца смѣялись и не понимали ея Идиллій.

Путешественники наши, отъѣхавъ около трехъсотъ верстъ отъ Москвы, увидѣли за собою человѣка, скачущаго верхомъ. Онъ догонялъ ихъ; они остановились. Человѣкъ вручилъ имъ письмо изъ Москвы; повѣренный дѣлъ увѣдомлялъ г. Нолина, что всѣ заимодавцы его удовлетворены и сто тысячь долгу заплачено; но кѣмъ, не извѣстно: благодѣтель скрылъ свое имя. „Кто сей великодушный

незнакомецъ!“ воскликнулъ Нолинъ: кто другой кромѣ Графа Изумрудова? — „Безъ сомнѣнія, отвѣчала Пальмира; — но эта черта удивляетъ меня. Признаюсь, я не такъ хорошо думала о его характерѣ. Но, папинька, не уже ли мы возвратимся въ Москву? . . . — „Не ѣхать ли намъ“ сказалъ Нолинъ „къ благодѣтелю нашему? — и прибавилъ въ полголоса: только не будетъ ли противъ политики прожить нѣсколько дней у такого человѣка, который въ ссылкѣ и подъ гнѣвомъ Государя? Какъ ты думаешь, Пальмира?“ — Естьли повиноваться долгу благодарности, то не льзя и задуматься; но какъ согласить политику, или осторожность людей съ чувствительностію благодарнаго сердца? — „Такъ лучше поѣдемъ въ Москву.“ — Нѣтъ, ради Бога проживемъ въ деревнѣ до возвращенія Графа! — — Такъ отпустили повѣреннаго, и отправились далѣе.

Въ вечеру, пробираясь проселками, они сбились съ дороги. Въ незнакомомъ лѣсу застала ихъ темная ночь и жестокая гроза; но скоро буря утихла, небо очистилось и за лѣсомъ сквозь легкій туманъ сверкнулъ огонь въ селеніи. Отъ сего ли живописнаго смѣшенія ночной темноты съ

разсыпанными вдали искрами огня, отъ простаго ли ожиданія укрыться на скоромъ ночлегѣ отъ бури и ночи, отъ тайнаго ли наконецъ расположенія сердца, иногда безъ причины тоскующаго, или веселящагося, только Пальмира говорила отцу, — чему онъ не хотѣлъ вѣрить, — что въ душѣ ея происходятъ необыкновенныя движенія радости: Свѣтлая луна восходила на безоблачное небо, когда они приближились къ селенію. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дороги, на берегу обширной рѣки, стояло село, отсвѣчиваясь съ луною въ ея чистомъ стеклѣ, неподвижномъ отъ общей тишины воздуха, и къ новому украшенію сего живописнаго мѣста представился господской домикъ, не великолѣпный, но красивый, внутри освященный огнемъ и опрятно убранный. Самыя чистыя стекла въ окнахъ позволяли видѣть семейство хозяевъ, расположенныхъ вокругъ стола за рукодѣльемъ и чтеніемъ. „Ахъ!" воскликнула Пальмира, восхищенная прекраснымъ явленіемъ „не скажетъ ли всякой, что подъ сею смиренною кровлею обитаетъ семейство благословенное людьми и Небомъ, и что въ семъ уголку свѣта укрываются добродѣтели, неизвѣстныя въ другихъ предѣлахъ міра?" — Мечта! — возразилъ отецъ, — мечта совершенно романи-

ческая! — „Не знаю" повторила Пальмира „не знаю почему; но я расположена вѣрить всѣмъ прелестнымъ мечтамъ воображенія и всѣмъ щастливымъ предчувствіямъ сердца." — На сей разъ предчувствіе не обманывало ее. Они въѣхали въ селеніе. Крестьянинъ, у котораго хотѣли остановиться, указалъ имъ другой ночлегъ и привелъ ихъ къ зданію, построенному въ видѣ сельской хижины съ зажженными у крыльца фонарями, такъ что при свѣтѣ ихъ можно было читать надпись: Покровъ странниковъ и храмъ гостепріимства. На крыльцѣ встрѣтилъ ихъ вѣтхій старецъ въ сѣдинахъ съ пріятною улыбкою ласки и ввелъ въ угольный кабинетъ, украшенный диванами и библіотекою. Изъ кабинета видна была обширная зала, гдѣ пылалъ огонь въ каминѣ и гдѣ передъ огнемъ осушались богомольцы. „Извольте требовать чего вамъ угодно" сказалъ старецъ путешественникамъ; „нашъ добрый баринъ — такъ, и мой баринъ, конечно; ибо я считаю себя въ числѣ его подданныхъ (тутъ онъ поднялъ на небо слезящее око) — приказываетъ мнѣ ничего не жалѣть для угощенія прохожихъ и проѣзжихъ." — Но кто этотъ добродѣтельный господинъ? — спросила Пальмира, замѣтивъ слезы старца. „Не вспомню его

фамиліи; память моя слабѣетъ, и я же недавно принялся къ нему въ услугу." — По крайней мѣрѣ его имя? — „Ипполитъ." — Ипполитъ? Не Милодаровъ ли? — „Такъ, сударыня. Но важность не въ имени, а въ дѣлахъ; и пока готовятъ ужинъ, разскажу вамъ — мы старики словоохотливы, — какъ попалъ я отъ одного господина къ другому. На старости лѣтъ оставленный безъ пропитанія и крова за одно неугодное слово, сказанное моему Господину отъ усердія къ нему, погибалъ я отъ стыда и голода; но лучше погибнуть, нежели питаться Христовымъ подаяніемъ тому, кто 20 лѣтъ выполнялъ съ честію должность барскаго дядьки. Благодѣтельный хозяинъ сей деревни вездѣ отыскивая бѣдныхъ, нашелъ и меня въ одномъ селеніи. Онъ хотѣлъ помочь мнѣ съ тѣмъ, чтобы я сказалъ имя господина и вину мою. Какъ обезславить своего собственнаго барина? Нѣтъ, я не соглашался. Но жалостливый мой покровитель прослезился и взялъ меня къ себѣ. Насилу выпросилъ я у него и эту должность: такъ бережетъ онъ всѣхъ насъ бѣдныхъ стариковъ, которыхъ множество живетъ его человѣколюбіемъ." — Старецъ вышелъ; но чрезъ минуту возвратился, и упавъ къ ногамъ Пальмиры, воскликнулъ со слезами: „добрая барышня! ты помол-

влена, какъ сказываютъ ваши люди, за моего господина Графа Изумрудова. Ради Бога выпроси мнѣ у него прощенїе. . . . Пальмира подняла старика. — Вдругъ отворяются двери и входитъ Милодаровъ. — „Сїю минуту узнали мы" говоритъ Ипполитъ „что у насъ въ деревнѣ стоитъ благодѣтель моего родителя. Матушка приказала мнѣ просить васъ къ ней. Надѣюсь, что вы не откажете принять въ домѣ ночлега и утѣшить вашимъ посѣщенїемъ меня и мое семейство, которое васъ съ нетерпѣнїемъ ожидаетъ." — Нолинъ взглядываетъ на дочь. Она приподнимается уже съ мѣста по сердечному побужденїю. Хозяинъ ведетъ ихъ въ дому, къ тому самому дому, который недавно очаровалъ Пальмиру.

(Окончанїе впредь.)

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Ивиковы журавли.

Баллада.

На Посейдоновъ пиръ веселый,
Куда стекались чада Гелы
Зрѣть бѣгъ коней и бой пѣвцовъ,
Шелъ Ивикъ, скромный другъ боговъ;
Ему съ крылатою мечтою
Послалъ даръ пѣсней Аполлонъ,
И съ лирой, съ легкою клюкою
Шелъ вдохновенный къ Истму онъ.

Уже его открыли взоры
Вдали Акрокоринфски горы,
Слiянны съ синевой небесъ;
Онъ входитъ въ Поссейдоновъ лѣсъ — —
Все тихо! листъ не колыхнется;
Лишь журавлей по вышинѣ
Шумящая станица вьется
Въ страны полуденны къ веснѣ.

„О спутники! вашъ рой крылатый,
„Досель мой вѣрный провожатый,
„Будь добрымъ знаменіемъ мнѣ!
„Сказавъ: прости! родной странѣ,
„Чужаго брега посѣтитель
„Ищу пріюта, какъ и вы;
„Да отвратитъ Зевесъ-хранитель
„Бѣду отъ странничей главы!“

И съ твердой вѣрою въ Зевеса
Онъ въ глубину вступаетъ лѣса;
Идетъ заглохшею тропой,
И зритъ убійцъ передъ собой;
Готовъ сразиться онъ съ врагами,
Но часъ судьбы его приспѣлъ;
Знакомый съ лирными струнами,
Напрячь онъ лука не умѣлъ.

Къ богамъ, къ смертнымъ онъ взываетъ —
Лишь эхо стоны повторяетъ!
Въ ужасномъ лѣсѣ жизни нѣтъ!...
„И такъ погибну въ цвѣтѣ лѣтъ!
„Истлѣю здѣсь безъ погребенья,
„И не оплаканъ отъ друзей,
„И симъ врагамъ не будетъ мщенья
„Ни отъ боговъ, ни отъ людей!"

И онъ боролся ужъ съ кончиной!...
Вдругъ шумъ отъ стаи журавлиной
Онъ слышитъ — (взоръ его угасъ) —
Ихъ жалобно стенящій гласъ.
„Вы, журавли! подъ небесами;
„Я васъ въ свидѣтели зову;
„Да грянетъ привлеченный вами
„Отмщенья громъ на ихъ главу."

И трупъ узрѣли обнаженный;
Рукой убійцы искаженны
Черты прекраснаго лица;
Коринфскій другъ узналъ пѣвца.
„И ты ль недвижимъ предо мною?
„И на главу твою, пѣвецъ,
„Я мнилъ торжественной рукою
„Сосновый положить вѣнецъ."

Н 2

И внемлютъ гости Поссейдона,
Что палъ наперсникъ Аполлона! . . .
Вся Греція поражена;
Для всѣхъ сердецъ печаль одна.
И съ дикимъ ревомъ изступленья
Пританов окружилъ народъ,
И вопитъ: „старцы! мщенья! мщенья!
„Злодѣямъ казнь! ихъ сгибни родъ!“

Но гдѣ ихъ слѣдъ? кому примѣтно
Лице врага въ толпѣ несмѣтной
Притекшихъ въ Поссейдоновъ храмъ!
Они ругаются богамъ!
И ктожъ? разбойникъ ли презрѣнный,
Иль тайный врагъ ударъ нанесъ!
Лишь Геліосъ то зрѣлъ священный,
Все озаряющій съ небесъ.

Съ подъятой можетъ быть главою
Между шумящею толпою
Злодѣй сокрытъ въ сей самый часъ,
И хладно внемлетъ скорби гласъ!
Иль въ капищѣ, склонивъ колѣни,
Жжетъ ладанъ гнусною рукой,
Или тѣснится на ступени
Амфитеатра за толпой,

Гдѣ, устремивъ на сцену взоры —
(Чуть могутъ ихъ сдержать подпоры)
Пришедъ изъ ближнихъ, дальнихъ странъ,
Шумя какъ мутный океанъ,
Надъ рядомъ рядъ, сидятъ народы;
И движутся, какъ въ бурю лѣсъ,
Людьми кипящи переходы,
Всходя до синевы небесъ.

И кто сочтетъ разноплеменныхъ,
Симъ торжествомъ совокупленныхъ?
Пришли отвсюду: отъ Аѳинъ,
Отъ древней Спарты, отъ Микинъ,
Съ предѣловъ Азіи далекой,
Съ Егейскихъ водъ, съ Ѳракійскихъ горъ....
И сѣли въ тишинѣ глубокой,
И тихо выступаетъ хоръ:

По древнему обряду, важно,
Походкой мѣрной и протяжной,
Священнымъ страхомъ окруженъ,
Обходитъ вкругъ театра онъ.
Не шествуютъ такъ персти чада,
Не здѣсь ихъ колыбель была;
Ихъ стана дивная громада
Предѣлъ земнаго перешла.

Идутъ съ поникшими главами,
И движутъ тощими руками
Свѣщи, отъ коихъ темный свѣтъ;
И въ ихъ ланитахъ крови нѣтъ;
Ихъ мертвы лица, очи впалы;
И свитые межъ ихъ власовъ
Ехидны движутъ съ свистомъ жалы
И кажутъ страшный рядъ зубовъ.

И стали вкругъ, сверкая взоромъ;
И гимнъ запѣли дикимъ хоромъ,
Въ сердца вонзающій боязнь;
И въ немъ преступникъ слышитъ казнь!
Гроза души, ума смутитель,
Эринній страшный хоръ гремитъ;
И цѣпенѣя, внемлетъ зритель,
И лира онѣмѣвъ молчитъ:

„Блаженъ, кто незнакомъ съ виною!
„Кто чистъ младенческой душою!
„Мы не дерзнемъ ему во слѣдъ!
„Ему чужда дорога бѣдъ!
„Но вамъ, убійцы, горе! горе!
„Какъ тѣнь, за вами всюду мы,
„Съ грозою мщенія во взорѣ,
„Ужасныя созданья тьмы!

„Не мните скрыться — мы съ крылами!
„Вы въ лѣсъ, вы въ бездну — мы за вами!
„И спутавъ васъ въ своихъ сѣтяхъ,
„Растерзанныхъ бросаемъ въ прахъ!
„Вамъ покаянье не защита!
„Вашъ стонъ, вашъ плачь веселье намъ!
„Терзать васъ будемъ до Коцита;
„Но не покинемъ васъ и тамъ!"

И пѣснь ужасныхъ замолчала;
И надъ внимавшими лежала
Богинь присутствіемъ полна,
Какъ надъ могилой тишина.
И тихой, мѣрною стопою
Онѣ обратно потекли,
Склонивъ главы, рука съ рукою,
И скрылись медленно вдали.

И зритель, зыблемый сомнѣньемъ
Межъ истинной и заблужденьемъ,
О той ужасной силѣ мнитъ,
Что судіей надъ ними бдитъ,
И тайная, непостижима,
Вьетъ нити роковыхъ сѣтей;
Во глубинѣ лишь сердца зрима,
Но скрыта отъ дневныхъ лучей.

И все, и все еще въ молчаньѣ!
Вдругъ на ступеняхъ восклицанье:
„Парфеній! слышишь крикъ вдали?
„То Ивиковы журавли!"
И небо вдругъ покрылось тьмою,
И воздухъ весь отъ крылъ шумитъ;
И видятъ, черной полосою
Станица журавлей летитъ.

„Что? Ивикъ!" . . . Все восколебалось!
И имя Ивика помчалось
Изъ устъ въ уста . . . Шумитъ народъ
Какъ бурная пучина водъ!
„Нашъ добрый Ивикъ! нашъ сраженный
„Врагомъ незнаемымъ поэтъ!
„Что? что въ семъ словѣ сокровенно?
„И что сихъ журавлей полетъ?"

И всѣмъ сердцамъ въ одно мгновенье,
Какъ будто свыше откровенье,
Блеснула мысль: „убійца тутъ!
„То Эвменидъ ужасныхъ судъ!
„Отмщенье за пѣвца готово!
„Себѣ преступникъ измѣнилъ!
„Къ суду и тотъ, кто молвилъ слово!
„И тотъ, кѣмъ онъ внимаемъ былъ!"

И блѣденъ, трепетенъ, смятенный,
Незапной рѣчью обличенный,
Исторгнутъ изъ толпы злодѣй;
Передъ сѣдалище судей
Онъ привлеченъ съ своимъ клевретомъ;
Смущенный видъ, склоненный взоръ
И тщетный плачь былъ ихъ отвѣтомъ,
И смерть была имъ приговоръ.

Ж. . . .

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА.

О новыхъ предметахъ для художествъ (*).

Для художествъ есть предметы вѣчные; генїй художниковъ можетъ обновлять предметы уже извѣстные новыми соображенїями искусства. Въ живописи не то, что въ литтературѣ: произведенїя сей послѣдней могутъ только нравиться новостїю плана, характеровъ и мыслей. Самымъ рѣдкимъ талантомъ одаренный поэтъ драматическїй не дерзнетъ никогда передѣлать Расинову Афалїю. Въ словесности истощенъ уже предметъ, когда онъ былъ обработанъ превосходно, ибо въ извѣстномъ положенїи и съ опредѣленными и хорошо начертанными характерами, есть только одинъ лучшїй образъ мыслей, чувства и дѣйствїя; но въ живописи удивляемся болѣе колориту и формѣ, которыя можно разнообразить до безконечности. То же равномѣрно удается искусству въ отношенїи къ группамъ и костюмамъ. Лица

(*) Изъ *Monumens religieux*.

и мѣста неистощимы, подобно самой природѣ; и то же выраженїе на другомъ лицѣ, или то же лице съ другимъ выраженїемъ, составляетъ новую картину, изъ предмета уже обработанную великими мастерами.

Достойные соревнители Рафаэля и Гвидїя могутъ живописать *святыя* лица Апостоловъ; но кромѣ сихъ неистощимыхъ предметовъ, есть множество новыхъ въ книгѣ Священнаго Писанїя, которыхъ еще не представляла живопись.

Въ книгахъ Судей, Царствъ и Данїила найдемъ черты и случаи, которые не были еще никогда, но могутъ быть предметами для художествъ; и между прочими разлука Ноемммины съ ея обѣими снохами, которыя проводили мать до границъ ея отчизны; одна разсталась съ нею плача, а другая, Руфь, посвятила ей жизнь свою, говоря сїи трогательныя слова: *Идѣ же идеши ты, и азъ пойду, и идѣ же водворишися ты, водворюся и азъ: людїе твои, людїе мои, и Богъ твой, мой Богъ. И идѣ же аще умреши, умру и тамо погребуся: Тако да сотворитъ мнѣ Господь и сїя да приложитъ, яко смерть разлучитъ между мною и тобою* (*).

(*) Тотъ самый предметъ, изъ котораго сочинена Драмма *Руфь*, для пользы воспитанїя. Она напечатана въ изданномъ мною Журналѣ: *Патрїотъ*. *И.*

Никогда не представляли видѣнія Пророка Даніила, который на берегахъ Тигра повергся на землю отъ ужаса и сокрушенія, увидя лицо *мужа облеченнаго въ ризу льняну и чресла его препоясана златомъ свѣтлымъ*, который возвѣстилъ ему волю Господню. *Даніила* гл. 10.

Никто не изобразилъ еще жену города Февои, Іоавомъ посланную, которая въ ризѣ сѣтованія падаетъ къ ногамъ Царя Давида и преклоняетъ его въ пользу Авессалона остроумною притчею. Царствъ кн. 2, гл. 14.

Давидъ во время походу томился жаждою въ пустынѣ, гдѣ не было ни капли воды. Тотъ часъ отправляются три чиновника изъ его воинства, проходятъ черезъ непріятельской станъ, почерпаютъ воду въ Вифлеемскомъ источникѣ, и приносятъ ее къ Царю. Давидъ съ благодарностію принялъ воду, но отказался пить ее; онъ посвящаетъ имени Бога, и выливаетъ на землю воду, которую люди достали почти своей кровію.

Изъ многихъ милосердыхъ дѣлъ сего Царя слѣдующее достойно живописи. Когда онъ былъ принужденъ бѣжать изъ Іерусалима, нѣкто Семей осыпалъ его ругательными рѣчами, и потомъ градомъ стрѣлъ. Служители Давидовы хотѣли убить его; Царь запретилъ. Когда Давидъ возвратился въ Іерусалимъ побѣдителемъ, Семей

палѣ къ ногамъ его и молилъ о пощадѣ. Царскіе чиновники возкликнули, что онъ достоинъ казни; но Давидъ отвѣтствовалъ: *днесь не умертвится мужъ отъ Израиля, понеже не вѣмъ ли, яко днесь царствую азъ надъ Израилемъ* .... И Царь обращясь къ Семею, сказалъ: *не умреши*; и поклялся ему въ томъ. *Царствъ* кн. 2, гл. 19я.

Можно написать великолѣпную картину: возстановленіе Іерусалимскаго храма, (во время Кира), описанное въ Ездрѣ.

И основаша созиздающа домъ Господень. И сташа священницы во украшеніе свое, съ трубами и левиты сынове Асафови, въ кимвалѣхъ да хвалятъ Господа, по Уставу Давида Царя Израилева и воніяху въ пѣсняхъ и изповѣданій Господеви .... И вси людіе возглашаху гласомъ великимъ хваленіе Господу при основаніи дому Господня; и мнози отъ священниковъ и левитъ, и Князи отечествъ и старѣйшины иже видѣша домъ прежній на основаніи своемъ, и сей домъ предъ очеси своими, плакаху гласомъ веліемъ и народъ возглашающъ, въ веселіи возвышаху гласъ. И не можаху людіе познати гласа восклицаній веселящихся, отъ гласовъ плача народнаго, понеже людіе восклицаху гласомъ веліимъ и

глас велик слышашеся издалече (Ездры, кн. 1 гл. 3). Вотъ великолѣпная картина, превосходно начертанная.

Въ Библіи есть другія подобныя черты, которыми живописцы не воспользовались донынѣ. Въ Житіи Святыхъ Отцевъ есть также множество прекрасныхъ предметовъ.

Какая картина, на примѣръ, когда Марія Египетская, не имѣя другаго одѣянія кромѣ длинныхъ волосъ своихъ, встрѣчаетъ въ пустынѣ почтеннаго Зосима, и становится передъ нимъ на колѣни, прося его благословенія; а праведный старецъ накидываетъ на ея плеча свою мантію. И сколько благопріятны для таланта дикія мѣста-пустынь, смиренныя жилища анахоретовъ, живописныя пещеры, изъ древесныхъ вѣтвей составленныя, или въ горѣ высѣченныя, иногда подъ шумомъ быстраго потока, иногда на краю пропасти: уединенныя и почтенныя обители вѣры, благочестія и праведниковъ, бесѣдующихъ только съ Богомъ!

Уничтоженіе боя гладіаторовъ можетъ также быть предметомъ картины. Христіанинъ, по имени Телемахъ, пришелъ съ востока въ Римъ съ намѣреніемъ совершить великое дѣло. Онъ имѣлъ отважность явиться въ амфитеатрѣ, перервать игры, и въ рѣчи склонить бойцовъ къ Христіанской кротости. Народъ, страш-

ный охотникъ до сихъ кровавыхъ позорищъ, убиваетъ Телемаха, который такимъ образомъ дѣлается мученикомъ вѣры и ея добродѣтелей. Сїе произшествїе побудило Императора Гонорїя уничтожить варварскую забаву.

Какїя трогательныя черты есть въ жизни Сен-Венсена де-Пола и. п. Его славная проповѣдь, среди кормилицъ сиротскихъ дѣтей, поставленныхъ имъ вокругъ каѳедры своей. Дѣти закричавъ вдругъ на рукахъ матерей, жалкимъ воплемъ и плачемъ подали поводъ къ прекраснѣйшему движенїю краснорѣчїя, когда, прервавъ свое сказанїе, проповѣдникъ обратился къ присутствующимъ съ этими словами: *внемлите стенанїю сихъ невинныхъ и бѣдныхъ тварей? онѣ молятъ васъ* и проч.

Исторїя миссїонеровъ заключаетъ въ себѣ многїя разительныя черты. Въ 1559 отецъ д'Ортега переходилъ съ нѣсколькими неофитами (*) долину, лежащую между двумя рѣками, изъ которыхъ одна впадаетъ въ Парагвай, а другая въ Парану. Вдругъ онѣ выступаютъ изъ береговъ своихъ; скоро Миссїонеръ и его спутники принуждены отъ воды, заливающей землю подъ ихъ ногами, спасаться на верхъ деревъ. Наводненїе возрастаетъ съ часу

(*) Т. е. новообращенные язычники въ Христїанскую вѣру, и вновь окрещенные.

на часъ; пошелъ проливный дождь, съ бурею и громомъ. Тѣхъ, которые взлѣзли на деревья не очень высокія, вода потопила. Миссіонеръ, съ однимъ ученикомъ своимъ, держался на высокомъ деревѣ; и передъ ихъ глазами, тигры, львы и другіе свирѣпые звѣри уносимы были стремительнымъ потокомъ воды; превеликая змѣя извилась вокругъ того дерева, на которомъ былъ Миссіонеръ; онъ ожидалъ быть неизбѣжной добычей сей змѣи, какъ вдругъ отъ тяжести изломился подъ нею сукъ дерева; она упала въ воду, и обратилась въ другую сторону. Путешественники находились двое сутокъ въ семъ положеніи; буря не утихала; вода возрастала; вдругъ въ срединѣ ночи Миссіонеръ увидѣлъ при сіяніи молніи, плывущаго Индѣйца, которой ему кричалъ, что три язычника и три Христіянина передъ концемъ ихъ жизни просятъ одни крещенія, а другіе разрѣшенія. Отецъ привязалъ своего ученика къ дереву, ибо едва тотъ могъ держаться; потомъ, не смотря на свое истощеніе, бросился вплавь за Индѣйцомъ, и мимо несущихся деревъ съ превеликими иглами, изъ которыхъ одна проколола ему на сквозь лядвею, добрался до умирающихъ, окрестилъ и принялъ ихъ покаяніе и послѣднее издыханіе. Онъ возвратился къ своему дереву. Вода начала убывать; и подъ конецъ третьихъ сутокъ

Миссіонеръ и неофитъ могли уже продолжать путь свой. Сей отецъ Дортега жилъ 23 года послѣ сего произшествія, но чрезвычайно страдалъ отъ боли въ лядвеѣ.

Искусные художники могли бы конечно воспользоваться разительными и пышными обрядами, учрежденными въ парагваѣ Іезуитами, и между прочими торжественнымъ ходомъ въ день праздника Господня (fête-Dieu), во время котораго всѣ земныя твари соединялись одинъ разъ для воздаванія хвалы Творцу своему. Аллеи, насаженныя изъ померанцовыхъ деревъ и розами усѣянныя дороги приводили къ бесѣдкамъ, оплетеннымъ цвѣтными перевязками; между цвѣтущими кустами поставленные львы, тигры и другіе лѣсные звѣри казались обезоруженными, смягченными, приведенными къ сему мѣсту сверхъестественной силою; цѣпи, которыми они были прикованы, скрывались подъ зелеными листьями; ихъ ревъ соединялся съ пѣснопѣніемъ священно-служителей, новокрещенныхъ, всего народа, и съ игрою мусикійскихъ орудій военныхъ и сельскихъ; милліоны птицъ, колибри, попугаи и другія съ блестящими и разноцвѣтными перьями, скрытно привязанныя нитями къ вѣтьвямъ, махали крыльями, и громко пѣли въ семъ померанцовомъ саду; сквозь цвѣтущую аллею видны были стада, разсыпанныя

въ долинахъ; ихъ блеяніе дополняло общій хоръ всѣхъ тварей въ природѣ. Процессія медленно шествовала по аллеямъ между рядами деревъ, насаженныхъ не въ прямой линіи, но излучинами, которыя прерывалися по мѣстамъ бесѣдками, тріумфальными арками, или водометами искуственными. Священники несли церковные сосуды подъ балдахиномъ плодовъ, цвѣтовъ и виноградныхъ кистей; неофиты, мущины и женщины, одѣтые въ бѣлое платье Индѣйское провожали ходъ и пѣли гимны; младенцы съ открытою грудью и шеею держали въ обнаженныхъ до локтя рукахъ прекрасныя соломенныя корзинки съ розовыми листьями, которыми усыпали дорогу; музыканты заключали шествіе, раздѣляясь на три отряда, на воиновъ, пастуховъ и дикихъ, играя на рожкахъ, барабанахъ, свирѣляхъ, кимвалахъ, трубахъ, на всѣхъ инструментахъ дикихъ народовъ. Никогда вѣра, любовь и благодарность не прославляли Творца природы достойнѣйшимъ и остроумнѣйшимъ образомъ.

III. ЛИТТЕРАТУРА.

Картина восьмагонадесять вѣка (*).

Начертаніе Исторіи ума человѣческаго въ осьмнадцатомъ столѣтіи есть дѣло весьма трудное; здѣсь политическія произшествія имѣютъ великое вліяніе на плоды литтературы, и оба предшествующіе вѣка предуготовляютъ и опредѣляютъ отличный характеръ послѣдняго. Въ осьмомънадесять вѣкѣ Европа перемѣняется въ своемъ видѣ; суровыя и дикія страны извлечены изъ мрака варварства; древнія Царства доживаютъ послѣдній вѣкъ свой; слабость правителей, или потрясеніе Государственныхъ уставовъ ускоряетъ ихъ паденіе. На сѣверъ текутъ отъ юга искусства, науки и просвѣщеніе; выведенные изъ рабства народы, населенныя пустыни, величавые грады и столицы укра-

(*) Изъ новой книги недавно вышедшей на Французскомъ языкѣ подъ названіемъ: *Картина литтературы отъ 16 до конца 18 столѣтія.*

жаютъ блескомъ державныхъ Царей тѣ страны, въ которыхъ съ начала міра величалась одна природа; изумляютъ взоры дивнымъ и великимъ зрѣлищемъ. И когда сѣверъ возрождается для политическаго бытія, на югѣ рушатся древніе уставы и благотворные нравы его; распространяется зараза роскоши; духъ торговли обращается въ орудіе политики, проливаетъ источникъ богатства и разврата, дѣлается виною кровопролитныхъ браней въ настоящемъ, перемѣнъ государственныхъ въ будущемъ. Съ торговлею являются новые повелители въ Азіи; родятся Чингисъ-Ханы, Тамерланы, Конторы и банки. Никакія преграды не удерживаютъ предпріимчиваго корыстолюбія; она прокрадывается въ страны Африки, чуждой гостепріимства; и Ледовитый океанъ не возбраняетъ ей доступа къ послѣднимъ предѣламъ земнаго творенія; но жадность ненасытной корысти, сіе побужденіе къ смѣлымъ покушеніямъ, разпространяетъ познанія, содѣйствуетъ къ просвѣщенію, новыми наблюденіями и опытами обогащаетъ науку человѣческой мудрости; просвѣщенные путешественники текутъ по слѣдамъ купцовъ и мореплавателей; ихъ трудами раздвигаются, такъ сказать, предѣлы міра; предразсудки изчезаютъ; нравственнаго

горизонта не ограничиваютъ ни моря, ни горы: видѣнъ человѣкъ въ состояніи дикой природы, въ младенчествѣ гражданскаго образованія, и есть способъ опредѣлить медлительность его успѣховъ. Мореплавателями шестагонадесять вѣка опустошенный новый свѣтъ обращаетъ на себя вниманіе мудрецовъ восьмагонадесять столѣтія; сребролюбивые ищутъ въ немъ золота, роскошные сока растѣній облитыхъ потомъ и кровію Африканцевъ; но мудрецъ разсматриваетъ въ обширныхъ странахъ природу юную, дѣвственную и роскошную въ своихъ твореніяхъ; съ благоговѣніемъ взираетъ на царство, основанное Вильгельмомъ Пеномъ, и радуется, что оно утѣшаетъ ветхую Европу картиною цвѣтущаго возраста государственнаго, обѣщая благоденствіе роду человѣческому.

Большая часть произшествій послѣдняго вѣка приготовлена, и нѣкоторымъ образомъ предназначена обоими предъидущими вѣками. Владычествуя на моряхъ флотами, на твердой землѣ политикою и золотомъ, Великобританія была обязана сими выгодами актамъ своего Парламента правленію Кромвеля и перемѣнѣ въ судьбѣ Стуартовъ. Испанія быстрыми шагами приближаясь къ паденію, страдала отъ

злодѣйской политики Филиппа II, и отъ безмолвнаго тиранства его наслѣдниковъ. Намѣреніямъ Густава Адольфа содѣйствовало рвеніе, возбужденное новыми перемѣнами вѣры въ 16 вѣкѣ; упадокъ Австрійскаго Дому начинался; и безъ усилій Евангелическихъ ревнителей не могъ бы Курфирстъ Бранденбургскій въ 18 вѣкѣ угрожать орлу Имперскому. Безразсудный героизмъ, безполезныя завоеванія Карла XII, были только слѣдствіями преданія и памяти тѣхъ мужественныхъ подвиговъ, которые въ теченіи многихъ столѣтій украшали безпрерывно державу Густава-Вазы. Единая Россія имѣла славу, независимую отъ произшествій бывшихъ въ мірѣ до ея политическаго возражденія. Великій духъ одного Государя показываетъ Россію очамъ изумленной Европы, творитъ народы достойными привлекать взоры, грозить востоку и покоряетъ другіе воинственные на западѣ народы; но сія Держава для гражданскаго и политическаго порядка, внезапно возрожденная, не производитъ ничего блестящаго въ отношеніи къ искусствамъ воображенія. Италія въ семъ вѣкѣ остается только въ памяти по ея величественнымъ древностямъ, и болѣе украшается тѣнями, нежели рожденіемъ великихъ мужей. Нѣкоторые однакожъ достойные славы или по да-

рованію, возвышающему разумъ, или по заслугамъ, приносящимъ пользу человѣчеству.

Литтература осьмагонадесять вѣка воззываетъ наше вниманіе на ту республику, которая, со времени ея славнаго освобожденія, не принимала, казалось, участія въ движеніяхъ Европы. Природа ограждаетъ ее уставы; уставы ограждаютъ ея нравы. Не заключая въ себѣ богатства, приманивающаго честолюбивыхъ героевъ, по мудрости, или по слабости не имѣя сами духу завоеванія, безплодіемъ откупаясь отъ разврата, Гелвеція также умѣла торговать кровію сыновъ своихъ, и представляла странное зрѣлище народа свободнаго, горделиваго и готоваго выставлять наемныхъ защитниковъ, безпрекословныхъ стражей для всякаго рода тиранства.

Царствованіе Лудовика XIV имѣло великое вліяніе на восьмыйнадесять вѣкъ. Честолюбіе сего Государя перемѣняетъ систему Европы; онъ усиливаетъ воинства свои для пріобрѣтенія; сосѣди его умножаютъ силы свои для защищенія; побѣды его полководцевъ приводятъ въ ужасъ; искусства цвѣтущія подъ его покровительствомъ приводятъ въ изумленіе, и плѣняютъ блескомъ пышности; другіе

Дворы подражаютъ ему; роскошь смягчаетъ варварство; промышленность распространяется; и новые пороки, новыя потребности ослабляютъ узы народовъ, съ которыхъ надлежало сложить ихъ рукѣ правосудія и добродѣтели. Лудовикъ XIV способствовалъ успѣхамъ и просвѣщенію не столько благотвореніями, сколько заблужденіями, не столько наградами, сколько гоненіями; и естьли отрѣшеніе *Нантскаго узаконенія* почитается противнымъ политикѣ и пользѣ Франціи, то оно было благотворно для Европы, ускоривъ ходъ ея просвѣщенія. Сіе гоненіе переселило трудолюбивыхъ людей на утесистыя горы Гелвеціи; и безплодная почва перестала быть источникомъ бѣдствія для жителей: бѣглые ремесленники и ученые мужи вознаградили Голландію за нанесенное зло оружіемъ великаго завоевателя; отъ нихъ принялъ сѣверъ тѣ полезныя художества, которыя показываютъ переходъ отъ варварства къ образованію, и тѣ блестящія искусства, которыя питаютъ роскошь и гордость общества. Отсюда произошло равнѣйшее просвѣщеніе между различными народами; отсюда проистекли быстрые успѣхи разума человѣческаго въ осьмомънадесять вѣкѣ.

Къ новому направленію обращенныя искусства и науки представляютъ ту эпоху въ самомъ величественномъ видѣ: трудно было сравниться съ великими образцами предыдущаго вѣка, еще труднѣе было превзойти ихъ; надлежало опредѣлить другую нравственную цѣль для словесности, обратить изящныя искусства въ орудіе мудрости, содѣйствующей ко благу народовъ; надлежало восьмомунадесять вѣку или отступить назадъ, или открыть новые для себя пути: время требовало уже не Магеллановъ, не Васко де Гамовъ, но Колумбовъ, или Куковъ.

Начертаніе сей достопамятной эпохи во всѣхъ ея отличительныхъ чертахъ должно быть предметомъ другой обширнѣйшей картины.

Лёмонтей.

IV. СМѢСЬ.

Къ Издателю Вѣстника Европы.

Нещастная женщина, которую знаю лично, о которой увѣдомлялъ я чрезъ Руской Вѣстникъ на 1812 г. людей благотворительныхъ, и которая получивъ отъ нихъ вспомоществованіе, изъявляла имъ въ ономъ же Вѣстникѣ живѣйшую благодарность сердца, нещастная мать семейства, *Елисавета Семеновна Врежинская*, пишетъ нынѣ ко мнѣ, что она послѣ вторженія непріятеля въ Столицу, славную между прочимъ и своими благодѣяніями, лишилась оныхъ; что братъ мужа ея, по великодушію своему, приглашаетъ ихъ изъ *Екатеринослава*, гдѣ они имѣютъ жительство, въ *Черниговъ*, гдѣ надѣется доставить мѣсто брату своему; но что будучи самъ небогатъ, онъ не въ состояніи сдѣлать имъ пособія для путевыхъ издержекъ. Состраданіе людей благотворительныхъ, уваживъ важное для нее обстоятельство, отъ котораго зависитъ ею ожидаемое щастіе, можетъ подать ей спо-

себѣ достигнуть онаго — къ вѣчной благодарности цѣлаго семейства.

Съ моей стороны покорнѣйше прошу васъ, Милостивый Государь, помѣстить въ Журналѣ вашемъ сіе извѣстіе, которое можетъ послужить къ облегченію бѣдственнаго жребія.

К. П. Шаликовъ.

20 Января 1814.
Москва.

V. ПОЛИТИКА.

Историческое известіе о Моро, извлеченное изъ новаго сочиненія.

(*Окончаніе.*)

Извѣстіе о впаденіи въ Россію въ 1812 дошло до береговъ Делавары. Видно изъ писемъ Генерала Моро, что онъ слѣдовалъ со вниманіемъ за происшествіями войны, и строго, но справедливо, судилъ о семъ предпріятіи, котораго начало было дерзкое, исполненіе безрасудное, неосторожное и ненавистное, а конецъ постыдный; тогда Моро рѣшился возвратиться на твердую землю; и нѣтъ сомнѣнія, что чрезвычайныя происшествія того времени имѣли великое вліяніе на его рѣшительное намѣреніе. Онъ видѣлъ, что наступило способное время освободить Европу, истребить *тотъ грозный бичь, какому не было подобнаго въ мірѣ*, по собственнымъ словамъ Моро. Наконецъ онъ разстается съ уединеніемъ, вырывается изъ объятій своего семейства, садится на корабль, и отплываетъ. Все благопріятствовало, казалось, сему бѣдственному путе-

шествію. Волны океана утихают передЪ великою и обреченною жертвою за преступленія своего народа; и Моро, ступивЪ на берегЪ Европы, издали внимаетЪ торжественному гласу общей радости, которому скоро надлежало обратиться вЪ надгробный вопль и вЪ мертвое отчаяніе.

Моро, явясь вЪ рядахЪ союзныхЪ войскЪ сЪ духомЪ безкорыстія и сЪ чистотою совѣсти, былЪ *тотъ человѣкъ, котораго требовали обстоятельства въ Европѣ;* и никогда благороднѣйшее намѣреніе не подкрѣплялось такими великими побужденіями. ОнЪ говорилЪ: „Когда „послѣ восьми лѣтЪ, проведенныхЪ вЪ размышленіи среди пустынь АмериканскихЪ, „человѣкЪ выходитЪ изЪ сего уединенія; „то выходитЪ конечно сЪ твердымЪ только „намѣреніемЪ или способствовать вЪ „возстановленію мира вЪ Европѣ, или погибнуть.“ Рѣшась не имѣть никакого начальства, онЪ принесЪ вЪ дань общему дѣлу великое имя и неусыпные труды. О своихЪ намѣреніяхЪ изъяснялся онЪ сЪ откровенностію и простотою, свойственною великимЪ душамЪ. Глубокое негодованіе изливалось изЪ рѣчей его, когда обращался разговорЪ на его отечество, страждущее подЪ игомЪ неволи, на бѣдствія, грозящія Франціи и вселенной; но справедли-

вая надежда возвратить Франціи ея славу, ея свободу, ея нравы, приносила ему духъ ясный и веселый. Великодушныя расположенія Императора АЛЕКСАНДРА подтверждали его безкорыстныя надежды.

Въ простомъ и откровенномъ характерѣ рѣдко заглаживаются первыя впечатлѣнія душевныя. Моро сохранилъ до смерти обманчивыя надежды юности и непобѣдимую склонность къ тѣмъ политическимъ идеямъ, которыя, по его собственному признанію, могутъ только заключаться въ умозрѣніи. Долговременное пребываніе въ соединенныхъ областяхъ Америки подкрѣпило еще тѣ правила, которыя онъ обнаруживалъ съ умѣренностію и чистосердечіемъ. Моро показывалъ тотъ же духъ, и говорилъ тѣмъ же языкомъ среди воинскаго стана союзниковъ; но время, а особливо примѣръ Франціи, научили его, что мечты добродѣтельнаго человѣка не должны никогда имѣть вліянія на его политическія поступки. Онъ не скрывалъ отъ себя, что республиканское правленіе, которое требуетъ отъ людей идеальной добродѣтели, не можетъ быть сообразно съ новѣйшей системою обширныхъ Государствъ Европейскихъ, и что въ глазахъ многихъ людей сей образъ правленія очерненъ ужасами Французской революціи; но собственный

характеръ и вся жизнь увлекали его противъ воли къ высокимъ паренiямъ разума. Онъ обиталъ среди великихъ мужей древности, какъ среди истиннаго семейства своего; и наука приводила его въ безпрерывныя сношенiя съ лучшими умами. При именахъ Левктры и Марафона онъ пылалъ духомъ; за Демосѳеномъ летѣлъ на Аѳинскую площадь, и съ Леонидомъ готовъ былъ кончить жизнь при Ѳермопилахъ.

Какое удивленiе распространилось въ непрiятельскомъ станѣ, какой ужасъ овладѣлъ его начальникомъ, когда онъ свѣдалъ о прибытiи Генерала Моро къ союзной армiи. Между тѣмъ кампанiя открылась. Россiя, Австрiя, Англiя, Пруссiя и Швецiя двинулись съ грозными силами, которыя приводили въ ужасъ поработителей Европы. Великое ополченiе было въ полной славѣ своей. На Моро, вооруженнаго любовiю и единодушiемъ всего воинства, возложены были общiя надежды. Къ нему клонились всѣ обѣты; передъ его лицемъ пылали всѣ души, и онъ являлся среди стеченiя многихъ народовъ съ тою благородною простотою, которая раждаетъ любовь къ великимъ талантамъ, и съ тѣмъ превосходствомъ, которое повелѣваетъ умами.

Но приближился часъ жертвы; надлежало исполниться таинственнымъ судьбамъ сего знаменитаго мужа. Непріятельскія дѣйствія начались 17 Августа (н. с.). 27 Союзная армія стояла передъ Дрезденомъ. Моро, подлѣ Всесильнаго МОНАРХА, благоволящаго къ его заслугамъ, участвовалъ во всѣхъ опасностяхъ, и тѣмъ взоромъ, которой не одинъ разъ повелѣвалъ фортунѣ, быстро соображалъ дѣйствія и надежды обоихъ воинствъ. О неисповѣданныя судьбы Вышняго! вдругъ пушечный выстрѣлъ съ окоповъ непріятельскихъ повергъ Моро на землю; уныніе овладѣло всѣми умами; онъ пребывалъ одинъ спокоемъ: казалось, что ударъ не постигъ его; онъ утѣшалъ, увѣщавалъ, надѣялся. . . .

Окровавленнаго Моро отнесли къ тому мѣсту, гдѣ наканунѣ была главная квартира. Не буду описывать подробностей мучительной операціи, которая истощила тѣлесныя а не душевныя его силы. Тотъ же вечеръ печальное шествіе продолжалось далѣе. По мѣрѣ того какъ разносилось извѣстіе о семъ происшествіи, на всѣхъ лицахъ означалась горесть. Монархи, Генералы, Офицеры, солдаты всѣхъ націй и всякаго оружія съ трепетомъ приближались къ носилкѣ, на которой покоился Моро; и всѣ возвращались отъ него съ

вѣчнымъ урокомъ мужества и терпѣнія. 30 Дня вступили въ Лауенъ. Моро началъ ослабѣвать, но изъ устъ его не вылетало ни слова жалобы, а на челѣ его сіяло спокойствіе. Онъ говорилъ мало; однакожъ голосъ былъ еще твердъ. Въ Лауенѣ, написавъ нѣсколько строкъ къ Госпожѣ Моро, онъ началъ терять послѣднія силы; и когда Полковникъ Рапатель, у котораго онъ просилъ воды, поднесъ стаканъ къ губамъ его, онъ пожалъ у него руку, и скончался безъ страданія 2 Сентября въ 7 часовъ утра.

Послѣднія слова великихъ мужей, передъ ихъ смертію, имѣютъ нѣчто пророческое и трогательное; онѣ приводятъ душу въ умиленіе; и во всемъ томъ, что говорилъ Моро на одрѣ смерти, видѣнъ кроткій и человѣколюбивый духъ его. Къ Императору АЛЕКСАНДРУ, проливающему слезы, онъ сказалъ: „ГОСУДАРЬ! „для Васъ остается одинъ стволъ, но въ „немъ заключается сердце; и оно вамъ пре„дано навѣки.“ Къ Полковнику Рапателю: „Нѣтъ, я пересталъ уже страдать; но „столько страдалъ, сколько человѣкъ стра„дать можетъ; какъ мучительна операція; „и двѣ вдругъ: это свыше мѣры.“ — Къ тому же Полковнику говоря о Россійскомъ Императорѣ, „Ободрись, мой другъ,

„ободрись. Прекрасно умереть за такого „человѣка, а особливо за такое дѣло." — Одному военнослужащему, который удивлялся его твердости, онъ отвѣчалъ: „Ни въ „чемъ не могу упрекать себя; совѣсть моя „спокойна; не боюсь смерти, и это мо„жетъ быть спасетъ меня (*)." —

(*) Письмо ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА къ Госпожѣ Моро достойно быть во всѣ времена извѣстнымъ. Вотъ оно: „Госпожа Моро! когда ужасное бѣд„ствіе, въ глазахъ Моихъ постигшее Гене„рала Моро, лишило Меня совѣтовъ и опыт„тности великаго мужа, я ласкалъ себя на„деждою, что неусыпныя старанія сохра„нятъ его для семейства и для моего сердца. „Провидѣнію угодно было расположить ина„че. Какъ жилъ онъ, такъ и умеръ во всей „силѣ твердаго духа. Въ чрезвычайныхъ „злополучіяхъ жизни остается одно утѣ„шеніе, имѣть участниковъ въ своей горе„сти. Въ Россіи, Госпожа Моро, ожидаетъ „васъ общее соучастіе; и естьли вы разсу„дите у насъ поселиться, буду стараться „всѣми способами украсить жизнь для той, „которой быть утѣшителемъ и опорой „есть долгъ для меня священный. Прошу „васъ вѣрить тому несомнѣнно, не оста„влять меня безъ увѣдомленія о тѣхъ об„стоятельствахъ, въ которыхъ могу быть „для васъ полезнымъ, и всегда писать ко

Письмо изъ Данцига къ Издателю Вѣстника Европы.

Декабря 23 дня 1813 года.

Данцигъ.

Спѣшу увѣдомить васъ, Милостивый Государь, что славная крѣпость на Бельтѣ наконецъ покорилась оружїю Рускихъ. 18 го Числа сего мѣсяца, по краткихъ переговорахъ, командующїй Французскимъ войскомъ Генералъ Раппъ отдалъ ключи отъ города Данцига и самъ сдался военноплѣннымъ съ 14ти-тысячнымъ корпусомъ Французскихъ, Италїянскихъ, Голландскихъ и Польскихъ войскъ. 21 Числа въ 6 часовъ утра отдано было въ приказъ Его Королевскаго Высочества Принца Виртембергскаго быть всѣмъ полкамъ въ парадѣ. Наши войска занимали позицїю на двѣ версты

„Мнѣ прямо. Упреждать ваши желанiя будетъ для Меня удовольствiемъ. Приверженность Моя къ вашему супругу простирается за предѣлы гроба; и Я не имѣю другаго способа выполнить Мой долгъ передъ нимъ, по крайней мѣрѣ отчасти, какъ только обезпечить жребiй его семейства. Примите, въ сихъ горестныхъ и жестокихъ обстоятельствахъ, изъявленiе Моего къ вамъ усердiя.“

Теплицъ, 6 Сентября 1813.

АЛЕКСАНДРЪ.

при Оливскихъ воротахъ прямою линїею предъ городомъ. Въ 7 часовъ прїѣхалъ и Принцъ Виртембергскїй; а въ то же самое время отворились и городскїя ворота. Генералъ Раппъ первой выѣхалъ изъ города; за нимъ церемонїальнымъ маршемъ шли Французскїя войска, и проходя мимо Принца, всякой Офицеръ салютовалъ его. Французскїе безсмертные гусары и конные егери тащились въ преужасныхъ своихъ каскахъ съ длинными палашами пѣшкомъ. Въ нашихъ войскахъ безпрестанно играла музыка и били походъ. Когда первой взводъ Французской сравнялся съ первымъ нашимъ правымъ флангомъ, то весь ихъ корпусъ выстроился прямо противъ нашего фронта. Французы, сїи гордые, но побѣжденные воины, положили оружїе предъ нами и отправились въ Россїю за Неманъ. Во 2 часу Его Королевское Высочество Принцъ Виртембергскїй въѣхалъ въ городъ. Въ первыхъ воротахъ Депутаты города поднесли ему лавровые вѣнки на бархатной подушвѣ и флагъ, изображающїй радость городскихъ жителей. Потомъ всѣ наши войска и ополченїе Калужское и Новогородское вошли церемонїальнымъ маршемъ въ городъ. На большой площади Лангемаркъ въ общественномъ депутатскомъ домѣ вывѣшены были знамена и гербы вольнаго города.

Адьютантъ Его Королевскаго Высочества, Лейбъ-Гвардіи Штабсъ-Ротмистръ Тепловъ, скакалъ по городу съ лаврами, поднесенными Его Высочеству. По окончаніи церемоніи весь Генералитетъ приносилъ благодареніе Царю Царей; ввечеру весь городъ былъ иллюминованъ и на театрѣ давали спектакль. Когда показался Принцъ, всѣ зрители воскликнули: ура! — И такъ Россійскій орелъ паритъ теперь надъ стѣнами Данцига! Имя АЛЕКСАНДРА, Союзника Пруссіи, повторялся безпрестанно.

Скажу вамъ объ укрѣпленіи города. Оно чудесно. Два неприступные канала окружаютъ Данцигъ; на возвышеніяхъ воздвигнуты батареи, каждая въ 3 яруса въ перекрестный огонь; подъ батареями есть козематъ (*) ходъ къ каналамъ, а на валу поставлены пушки. Но чего не побѣдитъ храбрость Руских? Съ нашей стороны не была еще кончена и вторая параллель, какъ городъ пылалъ уже въ огнѣ. Вотъ немногія подробности, которыя разсудилъ я сообщить для вашего Журнала. Увѣренъ, что вы возмете участіе въ славѣ Руских. Имѣю честь пребыть и проч.

В. Чемесовъ.

P. S. Когда на цѣпяхъ позволено было имѣть сношеніе съ Французами, то одинъ

(*) Подземное строенье.

изъ ихъ Офицеровъ, обратясь къ Рускому, выхвалялъ дисциплину своей армїи, и прибавилъ: много славы для тѣхъ, которые сдѣлали славныя укрѣпленїя (Наполеоновы шанцы)! Еще болѣе (отвѣчалъ Руской воинъ) для тѣхъ, которые овладѣли ими!

Французы самохвальствомъ прикрывая свое безславїе, говорили, что наступило для нихъ время занять винтеръ-квартиры на Сѣверѣ. О! на Сѣверѣ много васъ покоится! воскликнулъ Руской Офицеръ; и Французъ, потупивъ глаза, возвратился къ своему посту.

Изъ Калужскаго ополченїя Капитанъ Ляпуновъ показалъ духъ неустрашимости, достойный быть извѣстнымъ. Когда онъ нарядженъ былъ для производства инженерныхъ работъ при взятїи форштата Оры, гдѣ нужно непремѣнно было къ свѣту сдѣлать батарею. Французы на замѣченную ими работу навели прямо свои пушки. Люди смѣшавшись, хотѣли оставить работу; но Капитанъ Ляпуновъ, ступивъ смѣлою ногою на верхъ начатой батареи, стоялъ тамъ, пока ее докончили: подлѣ него упало нѣсколько бомбъ.

ИЗВѢСТІЯ

о послѣднихъ произшествіяхъ.

Съ новымъ годомъ театръ войны распространился по лѣвому берегу Рейна во всю длину его теченія, отъ Кобленца до Базеля; и тѣ грозные перуны, которые рука сильнаго бросала во всѣ концы Европы, обратились на главу его, на собственныя его владѣнія, на послѣдній народъ ему вѣрный. Скоро величественный Реинъ не увидитъ на берегахъ своихъ народовъ, подвластныхъ деспоту. Уже многіе важные пункты заняты союзниками. Слѣдуя отъ Нижняго Рейна къ Верхнему, находимъ въ Кобленцѣ передовые отряды корпуса Графа Сен-При; немного выше въ Бахарахѣ и Крейцнахѣ Генерала Іорка; въ Бингенѣ Графа Ланжерона, а въ Трирѣ Графа Геннеля; еще выше, въ городахъ Вормсѣ и Спейерѣ войска Генерала Сакена, а Фельдмаршала Блюхера противъ Меца, куда уже двинулись главныя силы его; далѣе вверхъ по Рейну Графа Витгенштейна, дѣйствующаго на линіи, которая идетъ, кажется, отъ Растадта къ Нанси; наконецъ большую армію, занимающую Колмаръ, Безансонъ, Бламонъ и, какъ носятся слухи, Ліонъ и Нанси. Такимъ образомъ союзныя арміи, въ безпрерывномъ сообщеніи прости-

раясь вдоль Рейна, примыкаютъ съ лѣваго крыла къ Швейцаріи до горы Симплонъ, чтобы сблизиться съ Австрійскою дѣйствующею въ Италіи, а съ праваго крыла къ Везелю, гдѣ стоитъ Баронъ Винценгероде, чтобъ вѣроятнымъ образомъ подать руку также войскамъ, дѣйствующимъ въ Голландіи.

Соединеніе, о которомъ говоримъ мы, должно скоро воспослѣдовать; ибо армія Генерала Бюлова заняла уже въ Голландіи городъ Нимвегенъ, стоящій на пути сообщенія между ею и Рейнскими арміями; а Графъ Беллегардъ въ Италіи скоро двинется за Верону, которая, по послѣднимъ извѣстіямъ, находится уже въ рукахъ Австрійцевъ.

Въ Англіи не хотѣли вѣрить, чтобы Веллингтонъ остался въ бездѣйствіи до Марта мѣсяца, и въ самомъ дѣлѣ. Отъ 20 Декабря (н. с.) пишутъ изъ Лондона, что Англо-Испанская армія вытѣснила Сульта изъ его укрѣпленій; и что Веллингтонъ имѣетъ свою главную квартиру у Сен-Пьера при Адурѣ, за Баіоной. Сей Полководецъ объявилъ свободнымъ портъ Сен-Жан-де Люца, и отвсюду стекаются покупщики, продавцы, маркитанты, и пр.

Въ Испаніи, по содержанію партикулярныхъ извѣстій, кромѣ умноженія воинскихъ силъ, приготовляютъ всеобщее народное вооруженіе, чтобы скорѣе выгнать Французовъ изъ послѣдняго, но къ сожалѣнію крѣпкаго убѣжища, которое они имѣютъ еще въ Испаніи, изъ Барцеллоны и всей Каталоніи.

Сосѣдняя Держава Испаніи такъ щастлива, что имя ея даже не упоминается въ кровавой исторіи нашего времени, и говорятъ даже о скоромъ возвращеніи Принца Регента изъ Бразиліи въ Португаллію.

Между тѣмъ, какъ союзники отвсюду окружаютъ Францію, герой ея и государственные ораторы говорятъ Рѣчи, истощаютъ остроуміе и краснорѣчіе, чтобы сокрыть грозную истину отъ очей народа. Въ особенной Коммисіи, наряженной въ засѣданіи 22 Декабря (н. с.), Графъ Фонтань, Сенаторъ, одинъ изъ Членовъ сей Коммисіи, говорилъ въ засѣданіи 27 такимъ образомъ:

Господа Сенаторы!

Первая обязанность Сената передъ Монархомъ и народомъ есть истина. Чрезвычайныя обстоятельства, въ которыхъ находится отечество, требуютъ особенно исполненія сей обязанности.

Императоръ самъ приглашаетъ всѣ государственныя великія власти, предложить откровенно ихъ мнѣнія. Мысль истинно Царская! Полезное распространеніе тѣхъ государственныхъ Уставовъ, которые вручаютъ власть единому и обезпечиваютъ для трона опору общенароднаго мнѣнія, для народовъ награду за ихъ жертвы, и чувство ихъ достоинства.

Такія великодушныя намѣренія не должны быть обманчивы.

Въ слѣдствіе того наряженная Коммисія въ засѣданіи 22 Декабря, именемъ которой имѣю честь говорить, разсмотрѣла основательно оффиціальныя бумаги, ей сообщенныя Дюкомъ де Виченцомъ.

Должно извѣстить васъ о ходѣ мирныхъ переговоровъ. Не хотимъ предупреждать суда вашего; вѣрное объясненіе случаевъ опредѣлитъ ваше мнѣніе, а по немъ и мнѣніе Франціи.

Когда Австрійскій Кабинетъ отступился отъ роли посредника, и Прагскій конгрессъ готовъ былъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, рушиться, Императоръ обратилъ послѣднее усиліе свое къ возстановленію мира на твердой землѣ.

Онъ предложилъ объявить неутральнымъ одно мѣсто на границѣ, и во время военныхъ дѣйствій возобновить Прагскіе переговоры.

Первыя предложенія остались, къ сожалѣнію, безъ успѣха.

Сей вызовъ на миръ происходилъ 18 Августа. Сей день важенъ: Люценское и Бауценское дѣло было еще свѣжо въ памяти; и миролюбивое предложеніе означено нѣкоторымъ образомъ числомъ сихъ обоихъ дѣлъ.

Убѣдительное приглашеніе Французскаго Кабинета не принесло пользы, миръ удалился; непріятельскія дѣйствія возобновились; произшествія приняли другой оборотъ. Солдаты Нѣмецкихъ Принцовъ, нашихъ бывшихъ союзниковъ *(развѣ рабовъ)*, обнаруживали, стоя еще въ рядахъ нашихъ, духъ сомнительной вѣрности. Скоро они изобличили себя и пристали къ врагамъ нашимъ. *(Они исполнили долгъ свой.)*

Императоръ увидѣлъ, что было уже время вывесть Французовъ изъ Германіи.

Онъ возвратился съ ними, сражаясь на каждомъ шагу; и когда на семъ краткомъ пути онъ былъ свидѣтелемъ нечаянныхъ и тайныхъ измѣнъ, которыя замѣдляли его движенія, надлежало новымъ трофеямъ ознаменовать его возвращеніе. *(Но гдѣ сіи трофеи? Только въ Рѣчи вашей.)* Съ безпокойнымъ взоромъ слѣдовали мы за нимъ во всѣхъ трудныхъ обстоятельствахъ, которыя онъ побѣдить умѣлъ. Съ радостію увидѣли мы его возвратившагося на границу, не съ обыкновеннымъ его щастіемъ, но притомъ не безъ славы, не безъ героической твердости. *(Правда, что бѣгство его было славное.)*

Прибывъ въ столицу, онъ отвелъ взоры свои *(неволъно)* отъ полей брани, на кото-

рыхъ столько лѣтъ свѣтъ ему удивлялся *(съ ужасомъ)* — отвелъ и мысли свои отъ обширныхъ предпріятій, нѣкогда имъ предначертанныхъ. Говорю его собственными словами. Онъ обратился къ своему народу; сердце его открылось, и мы прочли въ немъ наши собственныя мысли.

Онъ желалъ мира, и какъ скоро обстоятельства позволили, немедленно приступилъ къ переговорамъ.

(Слѣдуетъ исторія переговоровъ, послѣ которыхъ Графъ Фонтанъ продолжаетъ такъ:)

Между тѣмъ одна Газета, печатаемая по волѣ Союзниковъ, обнародовала во всей Европѣ Манифестъ отъ имени сихъ Державъ. Прискорбно вѣрить сему Манифесту. *(Для васъ; но какъ пріятно для другихъ!)*.

Онъ имѣетъ характеръ несоотвѣтственный дипломатическимъ сношеніямъ Государей. Не къ Монархамъ, себѣ равнымъ, обращаются они съ ихъ жалобами и требованіями, но къ народамъ; и на что избирать сей новый путь? Конечно для того, чтобы отдѣлить пользу народовъ отъ пользы Государей, хотя ихъ дѣло должно быть общее для выгоды государственной. Не можетъ ли сей примѣръ имѣть вредныхъ слѣдствій? надлежало ли подавать его въ такое время, когда неукротимая гордость, волнуя умы, не позволяетъ имъ преклоняться подъ щитъ спасительной власти? и противъ кого устремлено покушеніе? Противъ великаго мужа, достойнаго благодар-

ности всѣхъ Государей; ибо, возстановивъ тронъ Французскій, онъ закрылъ вулканъ на всѣхъ равно грозившійся. (*Но въ то же время, заведя войны, открылъ другой вулканъ, пожирающій всѣ народы.*)

Не льзя не признаться, что сей чудный Манифестъ написанъ въ тонѣ умѣренномъ; доказательство, что опытъ приноситъ пользу для великихъ союзовъ. Онъ привелъ конечно на память тотъ Манифестъ Герцога Брауншвейгскаго, который оскорбилъ гордость великаго народа; въ самомъ дѣлѣ для тѣхъ самыхъ людей, которые желали вообще тогда другаго порядка вещей, народная честь казалась страждущею. Вотъ что подало поводъ говорить другимъ языкомъ. Утомленная Европа требуетъ не разгорячения страстей, но тишины и спокойствія. Естьли же такая умѣренность царствуетъ въ кабинетахъ Союзниковъ, то для чего, говоря безпрестанно о мирѣ, они угрожаютъ тѣмъ предѣламъ, за которыя обѣщали не переступать, пока ограничиваетъ ихъ Рейнъ? Естьли непріятели такъ умѣренны, то для чего нарушили Дрезденскую капитуляцію, не приняли справедливой жалобы командовавшаго въ крѣпости Генерала, не допустили размѣна плѣнныхъ, въ силу военнаго Устава? для чего, естьли такъ умѣренны сіи защитники правъ народныхъ, не уважили они правъ Гелветическихъ кантоновъ? для чего на свободной землѣ, которой мудрое правительство возвѣстило Европѣ свое намѣреніе быть неутральною, для чего въ мирныхъ ея убѣжищахъ свирѣпствуютъ нынѣ военные ужасы? (*Для того, что эти способы могутъ одни спасти Европу и погубить врага ея.*)

Умѣренность бываетъ иногда дипломатической хитростію. Естьли бы хотѣли мы прибѣгнуть къ тому же способу, такимъ же образомъ воззывать къ правосудію и вѣрности, то легко бы намъ было опровергнуть обвиненія враговъ нашихъ чрезъ употребленіе того же самаго оружія. *(Сомнительно.)*

Не имѣемъ намѣренія порицать правительства, хотя бы онѣ и порицали насъ. Но что мѣшаетъ опредѣлить истинную цѣну тѣмъ укоризнамъ, которыми осыпали всѣхъ Героевъ отъ Карла V до Лудовика XIV, и отъ Лудовика XIV до Императора? Духъ завоеваній, перевѣсъ власти, система всеобщей Монархіи были всегда сигналомъ къ дѣйствію союзныхъ силъ, и не рѣдко, изъ средины великаго союза, возносилась Держава, превосходившая мѣру того честолюбія, противъ котораго всѣ вооружались. *(Тогда и противъ той вооружатся.)*

На всѣхъ страницахъ исторіи начертаны кровавые слѣды власти, во зло обращенной; всѣ народы уклонялись отъ своего пути, всѣ правительства переступали границы; всѣ обязаны другъ другу снисхожденіемъ. *(И такъ зло должно быть вѣчно? Чудная философія, или политика!)*

Естьли союзныя Державы желаютъ искренно мира, то нѣтъ уже препятствія. Императоръ желаетъ мира; онъ готовъ пріобрѣсть его всѣми жертвами; великая душа его отвергаетъ, кажется, личную славу свою, чтобы только обезпечить жребій народа. *(Когда нѣчего уже дѣлать другаго.)*

Естьли обратимъ взоры на союзъ столькихъ Державъ и столькихъ народовъ, осужденныхъ природою на вѣчное соперничество, то съ трудомъ повѣримъ, чтобы союзъ, на столькихъ различныхъ пользахъ основанный, могъ долго продолжиться. *(Яблоко раздора! Оно обратится на того, кто его бросаетъ.)*

Въ рядахъ непріятельскаго ополченія видимъ того Принца, который родился истиннымъ сыномъ Франціи, и въ странѣ извѣстной по дѣятельности патріотическаго духа? Воинъ, защищавшій столько лѣтъ свое отечество, не можетъ долго быть противъ него вооруженнымъ.

Можемъ ли забыть, что Сѣверный Монархъ, изо всѣхъ сильнѣйшій, полагалъ отчасти славу свою въ пріязни того великаго мужа, съ которымъ нынѣ сражается? *(Руской ГОСУДАРЬ полагаетъ славу свою въ его непріязни; вы ошиблись въ словѣ.)*

Съ довѣренностію устремляемъ взоры на того Императора, который имѣетъ съ нашимъ столь многія связи; который принесъ намъ въ даръ возлюбленную Монархиню, и видитъ *(едва ли такъ?)* во внукѣ своемъ наслѣдника Французской Имперіи.

Сколько побужденій къ согласію и миру! Да назначится немедленно мѣсто для переговоровъ; да соберутся полномоченные съ великодушнымъ намѣреніемъ даровать миръ свѣту; да предсѣдаетъ въ общемъ совѣтѣ духъ умѣренности, обнаруженный въ Манифестѣ союзныхъ Державъ.

Сенаторы! мы не исполнили бы тѣхъ обязанностей, которыхъ вы ожидаете отъ нашей Коммисіи, есть ли бы, послѣ очевиднаго свидѣтельства о миролюбивомъ расположеніи Императора, наши послѣднія слова не привели на память народу, какія обязанности имѣетъ онъ въ разсужденіи самаго себя, какія имѣетъ въ отношеніи къ Монарху.

Минута рѣшительна. Союзники отзываются миролюбиво, но они переступили за границы наши; и война дошла до насъ. Тридцать шесть милліоновъ людей не измѣнятъ своей славѣ и своему назначенію. Славные народы испытали въ сей великой брани многія бѣдствія. Раны ихъ еще свѣжи. Удары рока постигли и Францію; но Франція не изнемогаетъ до нынѣ: она гордится своими ранами, какъ и прежними побѣдами. Уныніе въ бѣдствіяхъ непростительнѣе высокомѣрія въ щастіи. Съ призываніемъ мира, военныя сильныя пріуготовленія должны подкрѣпить переговоры. Намъ должно всѣмъ окружить тронъ, озаренный блескомъ пятидесяти побѣдъ, котораго не могла помрачить временная туча; щастіе не надолго измѣняетъ тѣмъ народамъ, которые сами себѣ не измѣняютъ. *(И обратно: слѣдственно оно измѣнитъ вамъ.)*

Сей вызовъ къ народной чести не разлученъ съ любовію къ миру, къ тому миру, который можно только пріобрѣсть твердостію, а не слабостію; къ тому наконецъ миру, для котораго Императоръ, съ мужествомъ новаго рода (?), обѣщаетъ принесть величайшія жертвы. Имѣемъ лестную надежду, что его и наши желанія исполнятся, и что храбрый

народъ нашъ послѣ многихъ трудовъ, и по многой пролитой крови, отдохнетъ наконецъ подъ защитою трона, для котораго уже нѣтъ нужды въ новой славѣ и который хочетъ впередъ быть только окруженнымъ картиною народнаго благоденствія. *(Т. е. до перваго случая.)*

31 Декабря Графъ Ласепедъ, Президентъ Сената, представилъ Императору, сидящему на тронѣ, слѣдующій адресъ:

Государь! Сенатъ изъявляетъ В. В. свою глубокую благодарность за послѣднія сообщенія Коммисіи. В. В. соглашаетесь на предложеніе своихъ непріятелей. Какой вѣрнѣйшій залогъ вашихъ миролюбивыхъ расположеній могли мы имѣть отъ васъ? Государь! вы разсудили конечно, что власть укрѣпляется, полагая себѣ границы, и что искусство беречь спокойствіе народа есть первая политика Монарха. Сенатъ васъ благодаритъ именемъ Французскаго народа.

Именемъ того же народа мы благодаримъ васъ за всѣ тѣ мѣры къ законному защищенію, которыя вы принимаете съ благоразуміемъ вашимъ для доставленія намъ мира.

Непріятель вступилъ въ наши владѣнія. Онъ идетъ къ средоточію нашего Государства. Французы, которые съ такимъ начальникомъ, какъ вы, могутъ только имѣть одинъ общій духъ и одну общую пользу, не ослабѣютъ въ сердцѣ. Подобно какъ люди, царства имѣютъ дни сокрушенія и щастія; въ однѣхъ великихъ напастяхъ познается духъ великихъ народовъ.

Нѣтъ, врагъ не разоритъ прекрасной и славной Франціи, которая въ теченіи 14 столѣтій являлась съ великою славою во всѣхъ превратныхъ случаяхъ и которая къ выгодѣ сосѣднихъ Державъ всегда удерживала равновѣсіе Европы: за то ручаются намъ ваша героическая твердость и честь народная.

Мы сражаемся за отечество (*нѣтъ, за Наполеона!*) среди гробовъ отцевъ нашихъ, среди колыбелей нашихъ дѣтей.

Государь! пріобрѣтите миръ послѣднимъ усиліемъ, достойнымъ васъ и Французовъ; и тогда, какъ вселенная успокоится въ нѣдрахъ мира, побѣдоносная рука ваша да положитъ оружіе. (*Это дѣло.*)

Таково, В. В., желаніе Сената, желаніе Франціи, желаніе всего человѣчества.

Императоръ отвѣчалъ:

Сенаторы! Изъявленныя вами ко мнѣ чувства меня трогаютъ. Изъ оффиціальныхъ бумагъ, вамъ сообщенныхъ мною, вы удостовѣритесь, сколько я трудился для пріобрѣтенія мира; я готовъ на всѣ жертвы (*не поздно ли?*), которыхъ требуютъ предварительныя условія, непріятелемъ предложенныя, и мною уже принятыя. Вся жизнь моя имѣетъ только въ предметѣ щастіе Французскаго народа. Въ Беарнъ, Альзасъ, Франшъ-Конте и Брабантъ вступилъ непріятель. Вопли и тревога сей части моего семейства терзаютъ мое сердце. (*И послѣ столькихъ лѣтъ, когда оно было такъ равнодушно къ жребію народа, отягченнаго войнами.*) Призываю народъ;

да летятъ Французы на помощь Французамъ, и жители Парижа, Бретаніи, Нормандіи, Шампаніи и другихъ департаментовъ на помощь ихъ братій. Оставимъ ли ихъ въ злополучіи? Миръ и освобожденіе нашей земли должны быть нашимъ сигналомъ къ общему ополченію. Когда народъ возстанетъ, враги обратятся въ бѣгство (*увидимъ?*); мы подпишемъ миръ на условіяхъ, самимъ непріятелемъ предложенныхъ. О возвращеніи нашихъ прежнихъ завоеваній нечего уже говорить. (*Ни мыслить! Вотъ что называется истиннымъ признаніемъ.*)

Сіи рѣчи доказываютъ, что Французское правительство не могло уже не подать сигнала къ общей тревогѣ, и что едва ли оно не отчаевается въ спасеніи и вѣрности народа.

Теперь замѣтимъ, что Франція лишилась послѣдняго своего союзника, и что миръ Даніи со Швеціей, который долго колебался, заключенъ наконецъ къ общему утѣшенію народовъ. Изобиліе матерій не позволяетъ намъ сообщить условій мира въ нынѣшней книжкѣ; но мы заключимъ пріятнымъ извѣстіемъ, что Наслѣдный Принцъ Шведскій, котораго Графъ Фонтань почитаетъ справедливо *вѣрнымъ сыномъ Франціи*, приведетъ, какъ пишутъ, 60,000 армію на границы своего

отечества, чтобы содѣйствовать къ его щастливому освобожденію.

Января 29 дня.

Москва.

ОПЕЧАТКИ

въ NO 2 Вѣстника Европы.

Напечатано:			*Читай:*
Стран.	Стр.		
140	20	*и то*	то
147	1	*Шевалье де Ладъ*	Шевалье де Ладъ
166	11	*какъ слышно*	какъ извѣстно.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ФЕВРАЛЬ 1814.

№ 4.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

ОБѢ ШКОЛЫ,

или

свѣтъ и уединеніе,

повѣсть.

(*Окончаніе.*)

Въ передней комнатѣ встрѣчаютъ гостей Флора и Роза, двѣ младшія сестры Ипполитовы; далѣе, почтенная старушка, мать ихъ, и за нею молодая красавица Елена, которую Госпожа Милодарова представляетъ подъ именемъ сыновниной невѣсты. При словѣ невѣсты Пальмира взгляды-

ваетъ на Елену проницательными глазами, съ тѣмъ любопытствомъ, съ которымъ женщина смотритъ на другую, заступившую мѣсто ея въ сердцѣ мущины, и можетъ быть съ тайнымъ желанїемъ выиграть при сравненїи въ глазахъ сего мущины. Но это привело ее въ нѣкоторую робость. Ей казалось, что присутствїе Елены есть для нее укоризна, для Ипполита торжество, и что то и другое входило въ намѣренїе хозяевъ. Между тѣмъ хозяйки знакомятся съ Пальмирою, одна наперерывъ передъ другой предлагаютъ услуги, ласкаются, вводятъ ее въ участїе семейственной жизни, домашнихъ забавъ, вечернихъ трудовъ, сихъ трудовъ украшенныхъ цѣною искусствъ, разнообразїемъ талантовъ, прелестью женскихъ рукодѣлїй. Занимаются по склонности, разговариваютъ, или молчатъ, по волѣ сердца. Нѣтъ ни принужденїя, ни притворства, ни колкаго остроумїя. Важность нѣкоторыхъ разсужденїй, или ученость матерїй, какъ будто бы скрывается подъ естественнымъ и безискуственнымъ намѣренїемъ сообщаться другъ съ другомъ мыслями, чтобъ привесть нѣкоторымъ образомъ въ обращенїе собственность каждаго и нѣчто прибавить къ общему богатству мыслей. Опыты жизни, наблюденїе людей и природы, воспоминанїя и надежды, радости и сожалѣнїя, все,

что такъ близко къ сердцу человѣка, все это было отчасти перебрано въ нѣсколько часовъ разговора, и все показывало людей, между которыми дѣло, польза, мысли одного, составляютъ для всѣхъ предметъ сердечнаго участія.

Но душа, жизнь, украшеніе сего добраго семейства былъ Ипполитъ, всѣми уважаемый и всѣми любимый за всегдашнюю его готовность оказывать услуги, ни одного дѣла и слова не оставлять безъ вниманія и совѣта, и свои личныя расположенія приносить въ жертву общаго удовольствія такъ охотно, такъ просто, какъ будтобъ оно не стоило ему усиліи и не имѣло особенной цѣны. Какъ было не уважать всѣмъ такого рода ума, который обогащался опытами добраго сердца и въ источникѣ любви почерпалъ таинства великой мудрости? Какъ не любить человѣка, который, уничтожа, или справедливѣе, укротя самолюбіе, всегда возвышалъ цѣну другихъ; скрывалъ себя и свои достоинства, и естьли иногда измѣнялъ скромности, то невольнымъ образомъ измѣнялъ ей только въ чертахъ превосходной добродѣтели и въ движеніяхъ прекрасной души? Пальмира видитъ, слышитъ и не вѣритъ чувствамъ своимъ; не вѣритъ, чтобы передъ нею былъ тотъ человѣкъ, ко-

тораго описали ей, котораго она почитала столь суровымъ, своенравнымъ и взыскательнымъ. „Какая кротость въ обращенїи“ думаетъ Пальмира сама въ себѣ, удивляясь новому Ипполиту, „какая почтительная любовь къ матери! какая ласка къ сестрамъ! какое вниманїе къ невѣстѣ! и притомъ какая любезная осторожность въ его поступкахъ со мною! Онъ не позволяетъ себѣ и того невиннаго мщенїя, которое другой позволилъ бы конечно на его мѣстѣ, — выхвалять передо мною свой новый выборъ, а сей выборъ, щастливый выборъ, не оставляетъ ему причины къ сожалѣнїю!“ Такъ въ невольной и частой задумчивости разсуждала Пальмира. Въ самомъ дѣлѣ Елена могла спорить съ нею въ красотѣ, въ умѣ, въ ловкости и, какъ казалось Пальмирѣ, имѣла передъ ней превосходство. Тѣмъ благодарнѣе была она Ипполиту за то, что онъ не выставлялъ одну передъ другою, чего она ожидала, и отъ чего несколько разъ мѣшалась, заключая о поступкахъ Ипполита по видимымъ ею примѣрамъ въ свѣтѣ, гдѣ въ подобныхъ случаяхъ не оставили бы женскаго самолюбїя безъ привязокъ и оскорбленїй.

Сѣли за ужинъ. Нечаяннымъ образомъ Пальмира заняла мѣсто подлѣ Елены; это привело ее въ замѣшательство, въ краску

и въ досаду. Ей тотчасъ представилась мысль, что рядомъ сидящихъ невѣстъ сравниваютъ глаза и сердце Ипполита. Скоро Пальмиринъ отецъ, безъ всякихъ догадокъ и соображенiй, заговорилъ не кстати о достоинствѣ Графа Изумрудова, о его любезности, о послѣднемъ его благодѣянiи. Красавица наша краснѣла и блѣднѣла. Ипполитъ видя ее смятенною, нечувствительнымъ образомъ перервалъ разговоръ и обратилъ его на другой предметъ. Намѣренiе его не могло укрыться отъ вниманiя Пальмиры, которая въ движенiи сердца, тронутаго симъ великодушiемъ, взглянула на Ипполита съ выраженiемъ сердечной благодарности; но вдругъ испугаясь сего движенiя и взора, который сказалъ такъ много, опустила глаза на тарелку съ лицемъ пламеннымъ отъ стыда и страха. Ей казалось, что свидѣтели отнесли чувствительность ея взора не къ одной благодарности: дѣйствiе встревоженной совѣсти, которая другимъ приписывала свои собственныя сомнѣнiя! Но кромѣ Ипполита и Розы никто не замѣтилъ сего движенiя.

Есть тайныя отношенiя между склонностями людей, которыя въ молодости опредѣляютъ неразрывныя связи дружбы. Роза полюбила Пальмиру; Пальмира болѣе

другихъ полюбила Розу. Онѣ были уже неразлучны до ужина и за ужиномъ; говорили другъ съ другомъ, какъ два давнишніе друга; и когда приближилось время разстаться, Роза, съ глазами полными слезъ, просила Нолина остаться у нихъ на недѣлю. Всѣ присоединились къ Розѣ; Госпожа Милорадова представляла свои права на снисходительность стариннаго пріятеля ея мужа; Ипполитъ свой долгъ удержать у себя отцовскаго благодѣтеля и доказать ему свою признательность; Флора и Елена необходимость отдохнуть отъ дальней дороги на нѣкоторое время; а Роза, убѣдительная Роза, рѣдкую и святую дружбу свою, которую не льзя было не уважить; однимъ словомъ, всѣ благороднѣйшія причины предложены, всѣ возраженія опровергнуты, такъ что безъ крайней грубости не льзя было не уступить общей волѣ. Преклоня Г. Нолина къ согласію, Роза прыгала отъ радости; но Пальмира, съ благодарностію обнимая ее нѣсколько разъ, удерживала порывы своего сердца, кипящаго тою же радостію, и не смѣла излить ее со всею полнотою чувства. Она не знала сама точной причины сей осторожности и боязни.

Гостямъ отвели ночлегъ въ особенномъ флигелѣ. Но Пальмира провела ночь въ задумчивости и размышленіи. „И такъ

есть другой родъ жизни" думала она „другой порядокъ вещей, кромѣ того, который я почитала непремѣннымъ въ общежитіи и необходимымъ въ жизни. Есть чистые нравы, кроткія добродѣтели, мирныя удовольствія, неизвѣстныя вамъ, о гордые невольники фортуны, преданные обманамъ порока, и бурямъ свѣта! . . . . Ахъ! естьли бы знала? . . . Но предѣлъ мой положенъ Небомъ! . . . Мнѣ не позволено и завидовать сему щастію; ибо оно сотворено не для меня!" . . . — Она заснула отъ душевнаго утомленія.

На утренней зарѣ, когда Пальмира проснулась, вошла къ ней служанка, бывшая съ ней въ дорогѣ. „Вставайте скорѣе, сударыня" сказала она съ усмѣшкою; „здѣсь утро начинается съ ночи и люди опереживаютъ солнце." — Не смѣйся, — отвѣчала Пальмира съ досадою — не смѣйся пожалуста: эти люди умѣютъ пользоваться и временемъ и жизнїю. — Она вскочила съ постели и одѣлась такъ скоро, какъ никогда не одѣвалась. Служанка заговорила о домашнихъ обстоятельствахъ хозяевъ, пересказанныхъ ей людьми, и Госпожа ея была очень рада вызову говорить и разспрашивать о томъ, что было для нее всего любопытнѣе. Она узнала, что Ипполитъ за недѣлю передъ ними помол-

влен, что невѣста его очень благодѣтельна, что, по разсказамъ домашнимъ, женихъ безъ ума отъ невѣсты, и невѣста отъ жениха. Пальмира спросила: „Знаютъ ли въ домѣ, что Ипполитъ хотѣлъ на ней жениться?“ Какъ вдругъ вбѣжала Роза, обняла ее, и какъ знакомую уже подругу увела съ собою въ садъ.

„Ознакомься съ нашими прогулками, говорила Роза, ведя ее къ саду, полюби мѣста наши, какъ хозяева тебя полюбили, не забудь особливо твоего новаго друга.“ — Но другъ былъ задумчивъ; Пальмира едва отвѣчала. Ей хотѣлось предложить Розѣ множество вопросовъ. Наконецъ собравшись съ силами, она спросила: „Кто братцева невѣста?“ — Ближняя наша сосѣдка, нынѣшній годъ овдовѣвшая черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего замужства. . .“ — При семъ послѣднемъ словѣ приходитъ Елена съ Флорою; разговоръ перерывается; Пальмира не можетъ ни возобновить вопросовъ своихъ, ни удовлетворить своему любопытству.

Между тѣмъ гостья и хозяйки гуляютъ по саду; послѣднія указываютъ на мѣста ихъ любимыхъ прогулокъ, на тѣ пріятныя убѣжища, которыя приводятъ на память щастливѣйшіе часы, проведенные въ нѣдрахъ сельскаго уединенія. „Здѣсь“ гово-

ритъ Флора „на этомъ прекрасномъ лугу, собираемся мы поутру для завтрака. Съ какимъ сердечнымъ движенїемъ летимъ къ радостному утреннему свиданїю! какъ быстро текутъ часы за кипящимъ самоваромъ подъ яснымъ небомъ, и передъ восходомъ солнца!" — А здѣсь — говорила Флора — здѣсь въ бесѣдкѣ, начали мы въ первый разъ чтенїе романовъ. Маминька сама выбрала ихъ, позволила намъ читать только въ присутствїи ее, или въ присутствїи братца... — „Помню, помню" подхватила Роза; „мы летѣли скорѣе къ развязкѣ романовъ; а заботливая материнская любовь останавливала насъ на каждой страницѣ, заставляя замѣчать возвышенїе чувствъ, благородство любви, нравоученїя писателя. Въ самомъ дѣлѣ съ того времени начали мы смотрѣть другими совсѣмъ глазами на жениховъ въ нашемъ сосѣдствѣ. Этотъ дерзкой мальчишка, перешептывались мы съ сестрицею, не будетъ никогда благоразумнымъ Грандинсономъ! а этотъ гордый Нарциссъ не обѣщаетъ ли другаго Ловеласа? нескромныхъ, болтливыхъ, смѣлыхъ молодыхъ людей оставляли мы безъ всякаго замѣчанїя. Напротивъ того, съ великимъ вниманїемъ — между нами будь сказано — смотрѣли на робкихъ, стыдливыхъ, осторожныхъ юношей, какими плѣняютъ насъ

Ричардсоны, Фильдинги, Жанъ - Жаки." — Пальмира слушала съ любопытствомъ. Въ эту минуту онѣ приближились къ уединенной рощѣ, гдѣ стоялъ храмъ, съ надписью: *Богинѣ скромности.* „Вотъ памятникъ" воскликлула Флора съ усмѣшкою „поставленный въ честь сестрицѣ!" — Да — сказала Роза съ откровенностїю — въ память урока, который никогда изъ моей памяти не истребится. Увидя одну изъ сосѣдокъ нашихъ, по модѣ одѣтую, или справедливѣе, совсѣмъ неодѣтую, вздумала и я на другой день также нарядиться. Братецъ встрѣтилъ меня первый, взялъ за руку и привелъ на это мѣсто, гдѣ не было еще храма. Отъ брата и друга, сказалъ мнѣ Ипполитъ съ ласкою, можешь ты выслушать, чего не льзя тебѣ слышать отъ чужаго мущины. Не оскорбить, но защитить хочу твою стыдливость. Конечно ты не воображаешь, что по наружности заключаютъ о характерѣ, и что смѣлость твоего убора показываетъ отсутствїе всякой стыдливости. Этого не довольно: знаешь ли, что дѣвушка, которая себѣ позволяетъ явиться передъ взорами мущины безъ покрывала скромности, ему позволяетъ нѣкоторымъ образомъ говорить съ собою безъ уваженїя къ ея полу, и тѣмъ дерзскимъ языкомъ, который есть

для женщины верхъ стыда и отчаянія. Наконецъ, ты, которая такъ плѣняешься Руссовою нѣжностію въ любви, ты представь себя на мѣстѣ Юліи, а друга, или творца ея, передъ собою. Что сказалъ бы онъ въ теперешнемъ случаѣ? — Не жаль ли тебѣ, зная горячность любви моей, не жаль ли тебѣ расточать передъ глазами равнодушныхъ тѣ тайныя прелести, которыя другъ твой считаетъ безцѣннымъ сокровищемъ, своею щастливою собственностію? Любовь дорожитъ своими правами, ревнуетъ къ своему щастію, гордится преимуществами боготворимаго человѣка, ею всему предпочтеннаго; а ты крадешь мою собственность, чтобы сдѣлать ее общею; ты вводишь другихъ въ участіе правъ моихъ; ты мнѣ измѣняешь и, что гораздо болѣе, ты помрачаешь въ себѣ тотъ чистый образъ невинности, передъ которымъ я преклонялъ колѣна! — Но что сказалъ бы Руссо, то подумаетъ всякой истинно чувствительной человѣкъ; и ни одинъ, повѣрь мнѣ, не приметъ руки женщины, когда предложатъ ее съ условіемъ этаго убора. Роза! естьли твоя стыдливость страдала отъ моей рѣчи, то вини себя за то, и помни, что самая одежда твоя оскорбляетъ скромность. — Вы представляете себѣ, что я бѣжала скорѣе переодѣться; но встрѣтила маминьку, кото-

рая меня привела въ новую краску. А черезъ нѣсколько дней братецъ посвятилъ храмъ богинѣ, передъ которой всегда благоговѣть буду; ибо слова братцевы врѣзались въ мое сердце. — Пальмира не могла слышать сего случая, не приведя себѣ на память наставленій другаго рода, въ одномъ подобномъ случаѣ, и едва не приходила въ отчаяніе отъ сравненія однихъ нравовъ съ другими.

Такъ прогулка кончилась. Всѣ собрались къ чаю. Послѣ чаю Ипполитъ разсуждалъ съ Еленою о пріятности уединенія и о щастіи домашнихъ добродѣтелей. Нѣсколько разъ Пальмира тайно вздыхала, слушая Ипполита, и думая: Ахъ! для чего не имѣю права сказать этому достойному человѣку, какъ затверживаю въ памяти каждое его слово, и какъ закаиваюсь вѣрить впередъ сіянію солнца на небѣ, естьли не изъ устъ его услышу эту истину! . . . О ты, нѣкогда развратитель моего ума, теперь предметъ моего презрѣнія! тому ли ты училъ меня, чему учить должно молодую дѣвушку и свою невѣсту? Такимъ ли языкомъ говоритъ добродѣтельный Ипполитъ съ прещастливою Еленою?... Нѣтъ! Но поздно, поздно! —

Въ вечеру гуляло все семейство у подошвы дома по скату горы, усаженной ку-

стами и уставленной горшками рѣдкихъ растѣній. Пальмира спросила объ имени одного цвѣтка; никто не умѣлъ отвѣчать ей кромѣ Ипполита, который не далеко отъ нее стоялъ съ невѣстою. Онъ оставилъ руку Елены, чтобы подойти съ отвѣтомъ. Непримѣтнымъ образомъ распространился у нихъ разговоръ о цвѣтахъ. Ипполитъ говорилъ охотно, Пальмира слушала еще охотнѣе, удивляясь его краснорѣчїю и въ бездѣлицахъ, и ничего не помня отъ великаго къ нему вниманїя. Такъ разсуждая съ жаромъ и слѣдуя за излучинами набережной тропинки, они удалялись нечувствительно отъ перваго мѣста, гдѣ остались другїе; и вдругъ, не видя никого вокругъ себя, оба оглянулись въ одно время: они были уже въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ дому. Ипполитъ вспомнилъ, что невѣста держала его за руку, и что онъ бросилъ ее. Пальмира испугалась того, что видѣла себя наединѣ съ Ипполитомъ, и того, что могла забыться до такой степени. Какъ будто по тайному условїю, они остановились оба и оба замолчали. Никто не смѣлъ произнести слова возвращенїя. Пылая въ лицѣ отъ робости, Пальмира воротилась первая, Ипполитъ слѣдовалъ за нею. Молчанїе ихъ не прерывалося; они ускоряли шаги свои, но едва переводили духъ. Казалось, что изъ устъ ихъ вы-

летѣло признаніе любви. Чѣмъ ближе они подходили къ дому, тѣмъ болѣе замирало у Пальмиры сердце отъ одной мысли, что прогулка ихъ возбудитъ подозрѣніе въ однихъ, въ другихъ негодованіе, можетъ быть во всѣхъ неудовольствіе. Въ нѣсколько минутъ и нѣсколькихъ шагахъ перебрала Пальмира въ головѣ всѣ противъ себя обвиненія, и ни одного оправданія въ свою пользу; ибо начинала видѣть любовь свою къ Ипполиту. Но по возвращеніи ихъ никто не показалъ виду неудовольствія. Одинъ отецъ ея съ обыкновеннымъ своимъ простосердечіемъ спросилъ, гдѣ они гуляли и для чего не пригласили съ собою никого изъ общества. Ни Пальмира, ни Ипполитъ неимѣли силы отвѣчать, такъ что Гжа. Милорадова, до того времени покойная, взглянула на нихъ проницательными глазами и съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ; а добрая Роза, видя пламенное лице своего друга, подбѣжала скорѣе говорить съ нею, чтобы закрыть ее отъ другихъ и вывести изъ смятенія, котораго не знала причины.

Этотъ случай принесъ Пальмирѣ новую недовѣрчивость къ самой себѣ. Остатокъ дня провела она въ безпокойствѣ мыслей и сердца. Каждое слово, близкое или относительное къ страсти, приводило ее въ краску, а каждый шагъ Ипполита въ

содроганіе, отъ одного страха, чтобъ онъ не приближился къ ней и не заговорилъ съ нею передъ столькими свидѣтелями. Взоры ея не смѣли встрѣтиться съ его взорами, какъ будтобы сему взору надлежало обличить совѣсть и подписать приговоръ ея. Взглядъ Елены казался ей попеременно упрекомъ, насмѣшкою, презрѣніемъ. Она остерегалась и отъ разговора и отъ ласки Розы, чтобъ не вырвалось у нее чего нибудь въ минуту откровенности и чтобы не вывѣдали изъ нее, чего хотѣли и чего требовали глаза Елены, какъ она подозрѣвала; но любовь раждаетъ надежды и страхи, какъ воображеніе творитъ привидѣнія.

Послѣ этаго дня Пальмира просыпалась поутру и засыпала въ вечеру съ твердымъ намѣреніемъ удалиться; каждый день приготовлялась говорить отцу объ отъѣздѣ, и отлагала отъ одного дня до другаго. Сладкое очарованіе овладѣвъ сердцемъ, приковывало ее къ мѣстамъ, украшеннымъ присутствіемъ милаго человѣка. „Нѣтъ преступленія“ думала Пальмира „видѣть, любить, боготворить человѣка, когда люблю его невинно, когда не могу разстроить его спокойствія, когда и я не хочу мѣшать его щастію! Самъ Ипполитъ, сей ангелъ добродѣтели, не осудилъ

бы любви моей, зная мое тайное расположенїе!" — Вѣ самомѣ дѣлѣ Пальмира убѣгала Ипполита, не показывала ему любви своей и сама не позволяла себѣ питаться надеждою, столь прелестной для сердца, но запрещенной разсудкомѣ и добродѣтелью.

Между тѣмѣ возрастала любовь и ея горести. Ей были уже извѣстны тѣ часы, вѣ которые тайный предметѣ ея трудился, читалѣ, или говорилѣ сѣ подругою. Напередѣ знала Пальмира и то время, когда невѣста, сѣ ласкою взявѣ жениха за руку, одна удалится сѣ нимѣ отѣ всего семейства, чтобы гулять или передѣ домомѣ, или по саду, всегда передѣ захожденїемѣ солнца и всегда около часа времени. Елена любила порядокѣ и сѣ точностїю наблюдала его, какѣ почти всѣ люди сѣ характеромѣ холоднымѣ. Никогда минутою не опаздывала и не ускоряла она вѣ уединенной прогулкѣ вечера; и всякой разѣ передѣ сею минутою замирало сердце Пальмиры. Вѣ одинѣ вечерѣ, когда онѣ скрылись отѣ общества, встревоженная Пальмира сѣла сѣ Флорою и Розою далеко отѣ дому на крутомѣ берегу рѣки и молчала. Передѣ ея воображенїемѣ стояли два щастливые любовника; вѣ ея глазахѣ они провожали солнце на западѣ и встрѣчали луну на восходѣ вѣ сладкихѣ излїянїяхѣ сердца;

въ ея глазахъ они клялись передъ Небомъ, свидѣтелемъ ихъ восторговъ, любить другъ друга до послѣдняго предѣла любви человѣческой . . . и то блаженство было бы ея блаженствомъ! и достойнѣйшій изъ смертныхъ былъ бы ея другомъ, покровителемъ въ жизни, наставникомъ въ добродѣтеляхъ, естьли бы не сама отказалась отъ щастія небесъ и отъ любви добродѣтельнаго. Безразсудная! нещастная! — такъ терзалась Пальмира и смотрѣла на спокойную природу. Тихое теченіе рѣки, едва чувствительный приливъ волнъ у береговъ ея, чистый небесный сводъ усѣянный звѣздами, всеобщее безмолвіе на землѣ и на небѣ, ясность и теплота въ воздухѣ, все раздражало ея меланхолію. „Во всѣхъ стихіяхъ міра царствуетъ тишина" говорила Пальмира сама себѣ; „въ сердцѣ человѣческомъ свирѣпствуютъ бури." — Такія сердечныя движенія не разлучны съ откровенностію. Не видя вокругъ себя двухъ главныхъ лицъ, которыхъ присутствіе могло мѣшать ея откровенности, Пальмира въ минуту жестокаго стѣсненія души обратилась къ своимъ подругамъ: „Сколько, можетъ быть, страждущихъ на землѣ, сколько сѣтующихъ тварей подъ симъ обманчивымъ видомъ спокойствія!" — Эти послѣднія слова произнесены были съ от-

чаянїемъ. Хозяйки, не подозрѣвая тайны меланхолїи, хотѣли развеселить ее и шутками и смѣхомъ; но печальная просила, вставъ съ своего мѣста, не трогать ее и отъ нее удалиться. Есть минуты въ жизни, въ которыя чувствительность ненавидитъ всѣ человѣческїя осторожности и отражаетъ ихъ съ презрѣнїемъ. Пальмира не хотѣла ихъ помнить; но Флора и Роза съ нѣкоторымъ страхомъ и сомнѣнїемъ исполнили ея волю.

Едва скрылись онѣ отъ глазъ Пальмиры, и на зеркальной поверхности воды отъ сїянїя луны мелькнула тѣнь человѣка, который по другую сторону рѣки приближался къ берегу медленными шагами. Луна освѣщала бѣлый платокъ въ рукахъ его. Онъ остановился у дерева, и возведя взоры къ блѣдному свѣтилу ночи, стоялъ пасмурно и величаво, какъ богъ меланхолїи. Гдѣ не явственъ образъ и нечувствителенъ слѣдъ милаго человѣка? „Укроешься ли," воскликнула Пальмира „укроешься ли, существо прелестное, отъ взоровъ любви и откровенїя сердца? Ни ночь, ни отдаленность не обманутъ нѣжной страсти. Это ты," твердила Пальмира „это ты!" — и трепетала въ душѣ своей. Мгновенно овладѣли ею тысячи различныхъ мыслей. „За чѣмъ Ипполитъ

среди уединеннаго поля безъ подруги, избранной его сердцемъ, безъ семейства, утѣшеннаго его любовїю? Идетъ ли щастливецъ облегчить свою душу отъ тягости любви и блаженства? или . . . не несетъ ли и онъ въ свою очередь человѣческаго бремени и не бѣжитъ ли отъ скорби душевной? Боже мой! естьли . . . Нѣтъ, нѣтъ! Лучше питать вѣчную горесть, нежели имѣть надежду злодѣевъ! Мнѣ похитить права на его сердце у другой достойной женщины! мнѣ отравить жизнь его сожалѣнїемъ и раскаянїемъ! . . . Никогда, никогда! . . .“ — Пальмира не сводила глазъ съ Ипполита, и увидѣла его упадающаго на колѣни. Поднятыя на небо руки и нѣчто похожее на рыданїе, доносимое къ Пальмирѣ эхомъ воды и воздуха, показывали ей, что молодый человѣкъ молился со слезами. Не очень далекїй мостъ, соединяя два берега рѣки, одинъ отдѣлялъ Пальмиру отъ Ипполита; онъ приводилъ ее въ искушенїе перейти на другую сторону. „Узнать его тайну, открыть ему любовь мою, можетъ быть услышать изъ устъ ангельскихъ слово утѣшенїя и ласки, и потомъ умереть у ногъ его! — ничего болѣе не желаю!“ . . . Нѣсколько разъ Пальмира подходила къ мосту; наконецъ разсудокъ, при всей слабости своей, побѣдилъ кипящее сердце: она осталась. Скоро Ип-

политъ, какъ будто бы опомнясь, удалился быстрыми шагами. Скрывшись за дерево, Пальмира провожала его глазами; но когда потеряла совсѣмъ изъ виду за ведущею къ дому горою, перешла черезъ мостъ, и на томъ мѣстѣ, гдѣ молился Ипполитъ, произнесла на колѣняхъ сей обѣтъ: „Отецъ любви и правосудія! пріими и запечатлѣй моею кровію клятву, передъ образомъ Ипполита мною произносимую, священную клятву любить его до гроба! Никто въ мірѣ не будетъ владѣть сею рукою и сердцемъ, которое навѣки посвящаю ему именемъ Божества твоего!" — Возвращаясь къ дому, Пальмира сняла съ пальца обручальное кольцо свое, и бросивъ его въ рѣку, сказала: „Недостойный человѣкъ, котораго имени не хочу мѣшать съ именемъ мнѣ любезнымъ, ты не женихъ мой, я не твоя невѣста: между нами Богъ и клятва моя!" —

Пальмира возвратясь домой, застала за картами отца и Гжу. Милодарову. Скоро прибѣжали Флора и Роза изъ внутреннихъ комнатъ. Съ другой стороны изъ саду возвратилась Елена. „Гдѣ твой женихъ?" спросила Гжа. Милодарова. — Въ саду. — „Нахожу его нѣсколько задумчивымъ и мрачнымъ" повторила мать. — Да — отвѣчала Елена, потупивъ глаза въ землю. — „Побѣ-

жимЪ къ нему скорѣе," закричали объ сестрѣ; меланхолія его не устоитъ противъ нашей ласки и дружбы." — Отъ него сестры возвратились уже не бѣгомъ, но тихими шагами. Не было съ ними Ипполита. Ихъ молчаніе, ихъ блѣдность, ихъ смятеніе, показывали, что не одна дружба могла на сей разъ утѣшить меланхолика. Но добрая мать семейства, занятая картами, не примѣчала ихъ возвращенія.

Между тѣмъ нѣсколько разъ уходили сестры Ипполитовы; нѣсколько разъ вызывали Елену; возвращались и молчали. Вечеръ протекалъ, Гжа. Милодарова увидѣла наконецъ долговременное отсутствіе сына, безпокойство дѣтей, молчаніе Пальмиры, и вышла въ другую комнату, За нею слѣдовали поспѣшно Елена и Флора. Одна Роза и отецъ остались съ Пальмирою, которая сидѣла не очень покойно. Она не смѣла взглянуть прямо на своего новаго друга; ожидая отъ нее холодности, или укоризны; но сама Роза подошла къ ней, пожала ея руку и взоромъ изъявила участіе. Ахъ! какъ чувствовала Пальмира сердце свое облегченнымъ! По крайней мѣрѣ былъ человѣкъ, который читалъ въ душѣ ея и сострадалъ объ ея участи! Еще Роза ничего не знала, но видѣла, что другъ ея имѣетъ тайну и вѣрила безвинности ея

сердца. Довѣренность прекрасныхъ душъ есть чистѣйшій источникъ дружбы. Чрезъ полчаса времени Гжа. Милодарова возвратилась, но съ прискорбнымъ видомъ, и перервала игру.

За ужинъ сѣли ранѣе обыкновеннаго безъ Ипполита и Елены, которая пришла передъ концемъ стола. Она была молчалива, но весела; другія, не смотря на ихъ усиліе, не могли поддерживать разговора. Всѣ переглядывались съ безпокойствомъ и сомнѣніемъ. Тотчасъ послѣ ужина хозяйки разкланялись съ Пальмирою холодно, принужденно; всѣ, кромѣ Розы, которая сквозь слезы взглянула на нее и едва не сказала: „не виню, а жалѣю тебя!" —

Пальмира, удалясь въ свою комнату, одна безъ свидѣтелей дала наконецъ волю горести. Когда человѣкъ настрадается въ молчаніи и послѣ того имѣетъ волю вздохнуть свободно, тайно скопившіяся стенанія, какъ черезъ отпертую преграду быстрыми ручьями слезъ изливаются изъ глубины стѣсненнаго сердца. Пальмира проливая ихъ, мучилась страстію и неизвѣстностію. Возобновилась ли къ ней любовь молодаго человѣка и произвела домашнее смятеніе? Имѣетъ ли Елена подозрѣнія и ревность, которыя перервали спо-

койствіе всего семейства? Тревожатъ ли Ипполита другія обстоятельства? . . . То или другое мыслила Пальмира; но святые законы добродѣтели, которымъ научилась въ семъ домѣ, повелѣваютъ мнѣ наконецъ удалиться! . . . „Ипполитъ! тебя обязываетъ строгая честь вести къ олтарю обрученную тебѣ невѣсту; а меня осуждаетъ жестокій долгъ на молчаніе и на вѣчность страданія! . . . Удалимся скорѣе, удалимся отъ мѣста, страшнаго для сердца, отъ искушеній непобѣдимыхъ, можетъ быть, для Ангеловъ! . . .“ — Съ блѣднымъ лицемъ идетъ Пальмира къ отцу своему и безъ труда склоняетъ его къ отъѣзду на другой день. Она возвращается въ свою комнату.

Часы медленной ночи, утренней зари и приближающагося солнца просидѣла Пальмира неподвижно, облокотясь на окно и склоня голову на руку слабую и томную. Но солнце возсіяло и лучи его тронули ее съ мѣста: казалось, что съ нимъ ударилъ послѣдній часъ ея жизни. Какихъ жестокихъ мукъ ада не согласилась бы она тогда вытерпѣть, чтобы отдалить только жесточайшую муку отъѣзда? Скорость и нечаянность сего отъѣзда, холодное прощаніе хозяекъ, можетъ быть последнее прощаніе съ хозяиномъ и смертельная вѣчная разлука не съ однимъ, съ

нѣсколькими ангелами, на землю принесши-ми добродѣтели небесныя: вотъ что представила себѣ Пальмира передъ наступающимъ часомъ неизбѣжнаго рока. Но когда вошелъ къ ней отецъ въ дорожномъ платьѣ, она оперлась на плечо его, и не могла уже стоять на ногахъ.

Едва имѣла она время отдохнуть, какъ вошла Гжа. Милодарова. Видя ея положеніе, послѣдняя дала ей вздохнуть нѣсколько минутъ; но спѣшила говорить. „Въ нынѣшнюю ночь" сказала она Пальмирѣ „у сына моего разкрылась рана; насилу остановили кровь, и онъ чувствуетъ еще слабость. Не умолчу передъ вами, что болѣзнь произошла отъ жестокой укоризны, съ которою вчерась припомнила ему, какъ мать, долгъ честнаго человѣка и замыслъ недостойной измѣны. Узнавъ сего дня объ отъѣздѣ вашемъ, нещастный заклиналъ меня именемъ Неба позволить ему передъ вами и предъ всѣмъ семействомъ обьяснить нѣкоторую тайну. Онъ говоритъ, что общее спокойствіе требуетъ сего обьясненія, и что отказъ можетъ стоить ему жизни. Сынъ мой страждетъ; все забываю, кромѣ его чести. Пожалуйте со мною; но вспомните долгъ честности и права гостепріимства, не смѣю сказать нарушенныя, по крайней мѣрѣ потерянныя вами изъ виду." —

За Госпожей Милодаровой слѣдовала Пальмира, опираясь на руку отца своего, въ молчанїи и унынїи. Далѣе, примѣтя слезы на глазахъ чувствительной матери, тронутая Пальмира схватила ея руку, омочила слезами и сказала съ умиленїемъ: „Призываю Небо въ свидѣтели моей невинности и въ поруки того обязательства, которое на себя принимаю, во всемъ исполнить волю матери." — Это движенїе возвратило къ жизни ея мертвое сердце. Но войдя къ Ипполиту, когда увидѣла его блѣднаго, покоющагося въ креслахъ на подушкахъ, окруженнаго невѣстою и сестрами, она затрепетала, какъ преступница; но Ипполитъ обратился къ ней съ видомъ глубокаго сострадания; „Успокойтесь, Пальмира, успокойтесь ради Бога; вы безвинны и встревожены." — Сей голосъ, сладкїй и утѣшительный, былъ для нее голосомъ небеснымъ; съ нимъ возвратилась твердость, изчезли ужасы сердца. Она приняла на себя видъ ненарушимаго спокойствїя и благородной смѣлости, какъ будто бы по слову Ипполита невинность и чистота ея совѣсти восторжествовали передъ цѣлымъ свѣтомъ.

Черезъ полчаса времени видя ее покойнѣе, и собравшись съ силами, Ипполитъ началъ такъ говорить, обращаясь

къ матери: „Скромность и собственное мое спокойствие требовали молчанія. Но когда страждетъ честь и невинность, молчаніе есть преступленіе для того, кто можетъ возстановить одну и оправдать другую. Я имѣлъ случай видѣть и узнать Пальмиру до нынѣшняго знакомства ея съ моимъ семействомъ. А видя ее, могъ ли не чувствовать рѣдкихъ достоинствъ? Не позволю себѣ говорить о склонности, освященной чистѣйшею любовію. Довольно, что любовь подала мнѣ надежду; но судьба отказала въ щастіи. По возвращеніи моемъ въ нѣдра семейства, изъ уваженія къ спокойствію матери и сестеръ, умолчалъ я о сердечной тайнѣ, о смѣломъ моемъ предложеніи вступить въ бракъ съ Пальмирою, и о чувствительномъ для сердца отказѣ. Съ тѣхъ поръ носилъ я въ сердцѣ трауръ; но имѣлъ передъ вами лице ясное и спокойное.

„Вспомните, какъ вы плакали о судьбѣ дѣтей, лишенныхъ отца и покровителя, какъ изъявляли мнѣ желаніе видѣть меня скорѣе отцемъ семейства и по сему важному имени достойнымъ покровителемъ сестеръ на случай другой жестокой потери, и какъ наконецъ трогался я священнымъ голосомъ, умоляющимъ меня исполнить послѣднюю надежду старости. Чего не побѣдитъ чувствитель-

ности матери и благодарная любовь сына! Вы избрали мнѣ невѣсту; я принялъ ее отъ руки вашей; но прежде объяснился съ нею: „Не хочу пользоваться несправедли„вымъ образомъ довѣренностію благородной „души" сказалъ я достойной Еленѣ „не „хочу вамъ льстить обманчивою надеж„дою щастія. Приступаю къ союзу вѣч„ному по самымъ благороднымъ побужденї„ямъ, и съ честными намѣренїями; но „безъ сердечной склонности. Ласки любви и „вѣрности, искренняго почтенїя, строгаго „исполненїя всѣхъ обязанностей товари„ща и покровителя женщины, какъ сла„бой твари, прибѣжной къ покрову му„щины; всего вы можете требовать и „ожидать отъ меня, кромѣ того чувства, „которое есть нѣкоторымъ образомъ бого„творенїе." — Елена отвѣчала мнѣ, что идетъ за меня для обезпеченїя вдовьей жизни; а что, родясь не съ пылкимъ сердцемъ, довольствуется обѣщанными мною чувствами. Ахъ! Богъ видѣлъ, какъ берегъ я съ того времени ея спокойствїе и самолюбїе! какъ забывалъ и самаго себя и слабости сердца, чтобы помнить только требованїя строгой добродѣтели! Но есть предѣлы твердости человѣческой. И мудраго сражаютъ страсти; могъ ли я устоять противъ нихъ безъ опоры мудрости съ одною человѣческою слабостїю? Небу угодно

было подвергнуть меня жестокимъ искушеніямъ. Въ тотъ вечеръ, въ тотъ самой вечеръ, въ который болѣе, нежели когда нибудь, болѣла рана моего сердца, объявляютъ намъ о пріѣздѣ знакомаго человѣка, произносятъ имя, опасное для моего сердца. Вы, столь почтительныя къ памяти супруга, вы приказываете мнѣ звать къ себѣ его пріятеля и благодѣтеля. Предчувствуя опасность, отговариваю подъ разными предлогами; вы настоите и требуете. Не смѣя прогнѣвить васъ и боясь измѣнить себѣ, уступаю необходимости и грозному року. Съ того часу не переставалъ я сражаться и побѣждать. Въ теченіи нѣсколькихъ дней, вѣчныхъ, кажется, по страданію, не вытерпѣлъ ли я всего, что можетъ только вытерпѣть душа человѣческая? Но вчерашній день увидѣлъ я себя безоружнымъ противъ страсти; она истощила послѣднія мои силы. Напрасно ласковыя сестры приступали ко мнѣ съ любовію; я удалялъ ихъ съ упорствомъ и ожесточеніемъ. И къ кому прибѣгнулъ наконецъ въ отчаяніи? Къ великодушной Еленѣ. Я просилъ у нее оружія противъ страсти, защиты отъ самаго себя: она смѣялась моему отчаянію; но утѣшала меня такою надеждою, которой вѣрить не смѣю. Наконецъ, когда увидѣлъ нѣжнѣйщую мать семейства, встревоженную несправедливы-

ми подозрѣніями и тайною досадою на ту, которую желалъ бы видѣть предметомъ общей хвалы, ее только достойной; когда услышалъ объ отъѣздѣ ея, ускоренномъ безъ сомнѣнія самыми благородными причинами, я спѣшилъ открыть мою тайну, и тѣмъ возвратить невинности ея права, добродѣтели ея торжество. Но могу ли не признаться въ тайномъ побужденіи сего усердія? Я хотѣлъ, и для чего не позволить себѣ такого невиннаго утѣшенія, хотѣлъ сдѣлать Пальмиру свидѣтельницею ея торжества, чтобы имѣть передъ нею слабое достоинство и лестное имя ея защитника. Увы! кто нынѣшнимъ еще утромъ заплатилъ частію крови своей за молчаніе долго тяготившее, тотъ пріобрѣлъ можетъ быть право говорить безъ таинства о томъ, что можетъ услаждить его душу!" —

Ипполитъ пересталъ говорить; но рѣчь его перемѣнила, казалось, душу и состояніе Пальмиры; у ней было только одно чувство и одна мысль: *онъ меня еще любитъ!* Она встала тотчасъ съ мѣста, и приближаясь къ Гжѣ. Милодаровой, сказала слабымъ голосомъ: „Передъ вами и съ вашего только согласія изъявляю признательность моему великодушному защитнику." — Въ то же время взоръ ея обратился на Елену, требуя и ея позволенія.

Гжа. Милодарова съ ласкою улыбнулась на Пальмиру. Елена обняла ее, и выведя за руку впередъ, сказала : „Она оправдана. Я могу засвидѣтельствовать ея скромность и невинность; а мнѣ можно повѣрить: ибо я имѣла причины замѣчать. Но къ признанію Ипполита прибавлю другое, и мое собственное. Я испытывала себя во время сильнѣйшихъ движеній Ипполитовой страсти; сердце мое было покойно и даже весело: ни ревность, ни сожалѣніе его не тревожили можетъ быть отъ того, что тайна любви его мнѣ давно извѣстна по перепискѣ съ одною Московскою пріятельницею; можетъ быть и отъ того, что мы не сотворены другъ для друга. Тайныя сердечныя отношенія опредѣляютъ склонность любви. Недавно еще спрашивала самое себя ; рѣшительный голосъ отвѣчалъ мнѣ, что съ радостію уступила бы руку Ипполита, естьли бы вызвалась достойнѣйшая для него подруга." — Въ сію минуту рука Пальмиры сильно задрожала въ рукѣ Елены; а Ипполитъ воскликнулъ: — Что вы говорите? — „Говорю," повторила Елена „говорю вамъ, что вы имѣете свободу и надежду владѣть обожаемою Пальмирою." Но Пальмира, опустивъ голову на плечо ея, лежала почти безъ памяти. Ее привели въ чувство. Черезъ полчаса молчанья, „видите" сказала Еле-

на „что я умѣла угадать тайну Пальмиры, какъ ни велика ея скромность. Знаю препятствіе; но одно слово отца и. . . .“ — Какъ! — воскликнулъ Г. Нолинъ, смотря на дочь свою съ удивленіемъ, — какъ, будучи столько обязаны Графу? — „Вы ничѣмъ ему не обязаны“ перервала Елена; указавъ на Ипполита, „вотъ вашъ благодѣтель: онъ заплатилъ долги ваши.“ — О небо! — невольно воскликнула Пальмира — о мой родитель! — и обратила взоръ на Ипполита, залитаго слезами; услышала изъ устъ матери ласковое слово дочери, и бросилась на колѣни передъ Гжею. Милодаровой, которая приняла ее въ свои объятія.

Отецъ и мать съ позволенія добродѣтельной Елены соединили руки любовниковъ, благодарныхъ ей за щастіе. Ипполитъ говорилъ Пальмирѣ: „Чувствую, что есть радости свыше человѣческой силы и свыше языка смертнаго!“ — Они были готовы упасть къ ногамъ ихъ благотворительницы, и нѣсколько разъ изъявляли ихъ признательность и удивленіе; но Елена, веселясь ихъ общею благодарностію, которая всегда пріятна для сердецъ благородныхъ, смѣялась ихъ удивленію чистосердечно безъ всякаго жемансшва. Когда Флора, Роза, Гжа. Милодарова и самъ

Нолинъ, свидѣтели щастїя любовниковъ, плакали отъ умиленїя и въ то же время отъ удивленїя къ прекрасному поступку Елены. Она сохраняла твердое спокойствїе духа и съ великою разсудительностїю говорила: „Доставлять благополучїе есть прекраснѣйшее преимущество человѣка и первое дѣло благоразумныхъ!" — А Роза, не понимая сего хладнокровїя, нѣсколько разъ наклонялась цѣловать Пальмиру, и говорила ей въ полголоса: „Какъ я рада, что ты будешь женою братцевой!" —

По истощенїи первыхъ восторговъ приступили къ объясненїю произшествїй, темныхъ для нѣкоторыхъ лицъ. Ипполитъ разсказалъ Пальмирѣ, какъ чистосердечїе его досадило свѣтской дамѣ, какъ узналъ отъ вѣрнаго друга о трудныхъ обстоятельствахъ отца ея по смерти Гжи. Модолюбской, и какъ заплатилъ долги его тайно отъ своего семейства. Пальмира разсказала ему и матери, какъ обманули ее въ семъ дѣлѣ и перетолковали намѣренїя Ипполита. Елена разсказала, какъ она свѣдала о тайнѣ заплаченныхъ долговъ по бумагѣ, забытой Ипполитомъ и ею нечаянно прочитанной; какъ видѣла въ Пальмирѣ боренїе любви съ должностїю передъ послѣдними днями развязки, и какъ наконецъ занималась прїятною мыслїю увѣн-

чать ихъ желанія, какъ скоро настанетъ часъ говорить откровенно.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ сего объясненія Пальмира принесла свитокъ Графскихъ писемъ, отдала отцу и надписала на одномъ изъ нихъ: „Пальмира, „благодаря примѣрамъ добродѣтели, научи„лась гнушаться языкомъ разврата. Ищи„те другой невѣсты, васъ достойной." — Она не просила о возвращеніи ея писемъ; ибо ихъ не было почти у Графа, кромѣ нѣсколькихъ строчекъ, ею написанныхъ передъ отъѣздомъ изъ Москвы холодно и сухо.

Наконецъ въ одинъ день, ознаменованный прекраснѣйшимъ солнцемъ въ небесахъ и щастливѣйшими восторгами въ сердцахъ супруговъ, Богъ и родители благословили союзъ ихъ и довершили жребій, достойный зависти. Черезъ мѣсяцъ послѣ брака, имѣя уже надежду быть отцемъ, Ипполитъ принесъ супругѣ въ подарокъ Локка, Руссо и другихъ сочинителей о воспитаніи, и сказалъ: „Научись, безцѣнный другъ мой, твоимъ новымъ обязанностямъ и удовольствіямъ; приготовься быть матерью, какъ ты умѣешь быть супругою любимою и любви достойною." — Наконецъ, имѣя другомъ Елену, для которой они искали и нашли жениха, наслаждаясь щасті-

емъ рѣдкимъ, проводя жизнь въ уединенїи, они не хотѣли заглядывать въ городъ; ибо Пальмира твердила съ радостїю: „Москва! Столица просвѣщенїя и разврата! мы далеки отъ тебя!“ —

Графъ Изумрудовъ почти черезъ годъ женился на Ирисѣ; Ириса почти въ тотъ же день вышла за другаго мужа, запретя первому жалобу и угрожая ему какимъ-то заточенїемъ новаго рода. Но спасенный Графъ восклицалъ, сказываютъ, съ завистїю: „*О верхъ искусства Модолюбскихъ!*“ —

В. И.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

КЪ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, Вдовствующей ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ (*),

Мой слабый даръ ЦАРИЦА ободряетъ!
Владычица въ сіяніи вѣнца
Съ улыбкой слухъ отъ гимновъ преклоняетъ
Къ гармоніи безвѣстнаго пѣвца —
Могу ль желать славнѣйшія награды!
Когда сей врагъ намъ брань и гибель несъ,
И Руские воспламенялись грады,
Я съ трепетомъ зрѣлъ Ангела небесъ,
Въ сей страшной мглѣ изрывшаго пучину
Надменному успѣхомъ исполину!
Я старца зрѣлъ, избраннаго ЦАРЕМЪ,
Я зрѣлъ Славянъ, летящихъ за Вождемъ
На огнь и мечь, и въ каждомъ взорѣ мщенье!
И геніемъ мнѣ было восхищенье!
И я предрекъ губителю паденье!

(*) Сіе Посланіе написано еще прошлаго года. ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО удостоила особенно лестными похвалами *Пѣвца во Рускомъ станѣ*, и потребовавъ отъ сочинителя, чтобы онъ прислалъ вѣрный съ него списокъ, приказала его напечатать. Благодарность внушила поэту сіи стихи.

Соч.

Т в

И все сбылось — губитель гордый палъ . . . .
Но ахъ! почтожъ мнѣ жребій ниспослалъ
Столь бѣдный даръ? Внимаемый ЦАРИЦЕЙ,
Отважнобъ я на лирѣ возгремѣлъ,
Какъ мести и громъ несущій нашъ орелъ
Ударилъ въ слѣдъ за робкою станицей
Постигнутыхъ смятеніемъ враговъ!
Какъ подъ его обширными крилами
Спасенные народы отъ окопъ
Съ возникшими изъ низости Царями
Воздвигнули свободы знамена!
Или, забывъ побѣдные перуны,
ТВОЕЙ хвалой воспламенилъ бы струны!
Ахъ! сей хвалой душа моя полна!
И гдѣ предметъ славнѣе для Поэта?
ЦАРИЦА - мать, супруга, дщерь Царей!
Краса Царицъ, веселіе полсвѣта, —
О! кто найдетъ языкъ, приличный ЕЙ!
Почто лишенъ я силы вдохновенья!
Тогдабъ дерзнулъ я лирою моей
ТЕБЯ воспѣть, въ красѣ благотворенья
Сѣдящую безъ Царскаго вѣнца
Въ кругу сихъ дѣвъ, питомицъ Провидѣнья!
О милый видъ! ихъ чистыя сердца
Безъ робости открыты предъ ТОБОЮ!
ТЕБЯ хотятъ младенческой игрою
И рѣзвостью невинной утѣшать —
ЦАРИЦЫ нѣтъ! онѣ ласкаютъ мать!
Объ ней ихъ мысль, объ ней ихъ разговоры!
Объ ней одной мольбы ихъ предъ Творцомъ!
Одну ее съ небеснымъ Божествомъ
При олтарѣ поютъ ихъ сладки хоры! . . .
Или въ мечтахъ стремясь ТЕБѢ во слѣдъ,
Дерзнулъ бы я вступить въ сей домъ спасенья,
Туда, гдѣ ТЫ, какъ Ангелъ утѣшенья,
Льешь сладкую отраду въ чашу бѣдъ!
О! кто въ сей храмъ войдетъ безъ восхищенья

Какъ божество невидимое ТЫ
Тамъ колыбель забвенной сироты
Спасительной рукою оградила!
Въ часъ бытія отверзлась имъ могила!
ТЫ приговоръ судьбы перервала!
И въ образѣ небесныя Надежды
Другую жизнь отверженнымъ дала!
Едва на міръ открыли слабы вѣжды —
Ужь съ творческимъ сліянный образъ ТВОЙ
Въ младенческихъ сердцахъ запечатлѣли;
Безъ трепета отъ тихой колыбели
Они идутъ въ путь жизни за ТОБОЙ! . . .
И въ бурю бѣдъ ТЫ мощный имъ хранитель!
Вотще окрестъ-ихъ сѣни брань кипитъ!
На ихъ главы ТЫ свой простерла щитъ —
И задрожалъ свирѣпый истребитель
Предъ мирною невинностью дѣтей,
И не дерзнулъ пожаръ внести злодѣй
Въ священную сиротъ твоихъ обитель!
И днесь, когда отвсюду славы громъ,
Когда, сраженъ полуночнымъ орломъ,
Бѣжитъ въ стыдѣ народовъ притѣснитель —
О сколь предметъ высокій для пѣвца:
ВЛАДЫКИ МАТЬ, въ величествѣ Царицы
И съ НЕЙ народъ, молящіе Творца:
„Да подъ щитомъ всесильныя десницы
„Дастъ миръ землѣ полсвѣта Властелинъ!“
Такъ! къ небесамъ дойдутъ ТВОИ молитвы!
Придетъ, придетъ, свершивъ за правду битвы,
Защитникъ Царствъ, любовь Царей, ТВОЙ Сынъ
Съ вѣнчанными побѣдою полками!
О славный день! о радостный возвратъ!
Уже я зрю въ мечтахъ престольный градъ,
Встрѣчающій Спасителя громами!
Се ОНЪ! се ОНЪ! предшествуемъ орлами,

Плѣняющій величествомъ, красой,
И близь НЕГО нашъ Старецъ, Вождь судьбины,
И ихъ во слѣдъ вождей блестящій строй,
И грозныя Славянскія дружины!
И ТЫ спѣшишь съ Супругою младой,
Въ кругу Дѣтей, во срѣтенье желанныхъ!
О сладкій часъ! въ виду Героевъ бранныхъ
Прославленной склоняется главой
ВЛАДЫКА-Сынъ предъ Матерью-ЦАРИЦЕЙ,
Да славу ихъ любовь благословитъ!
И вкупѣ съ НИМЪ спасенный міръ лежитъ
Передъ ТВОЕЙ священною десницей!

В. Жуковскій.

Къ самому себѣ.

Ты унываешь о дняхъ, невозвратно протекшихъ,
Горестной мыслью, тоской безнадежной ихъ призывая —
Будь настоящее твой утѣшительный геній!
Вѣря ему, свой день проводи безмятежно!
Легкимъ полетомъ несутся дни быстрые жизни!
Только успѣемъ достигнуть до полныя зрѣлости мыслей,
Только увидимъ достойную цѣль предъ очами —
Все ужь для насъ прошло, какъ мечта сновидѣнья,
Призракъ фантазіи, то представляющей взору
Лугъ, испещренный цвѣтами, веселые холмы, долины,
То пролетающей въ мрачной одеждѣ печали
Дикую степь, лѣса и ужасныя бездны.

Слѣдуй же мудрымъ! всегда неизмѣнный душою,
Что посылаетъ судьба, принимай и не сѣтуй! Безумно,
Скорбью безплодной о благѣ на вѣки погибнемъ,
То отвергать, что намъ предлагаетъ минута!

Ж. . . .

Къ портрету ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ.

Благоговѣйными очами
Взирая на ТВОИ божественны черты,
Съ восторгомъ думаю: ТЫ царствуешь надъ нами
Небесной властію душевной красоты.

К. П. Шаликовъ.

Гора въ родахъ.

(Басня.)

Родами мучилась гора.
Безмолвно холмы, лѣсъ, долина —
Всѣ ожидали исполина.
Вдругъ съ трескомъ вскрылася нора —
И что же? — Выскочилъ мышонокъ.

Смыслъ этой басни простъ, не тонокъ;
Но близокъ къ истинѣ за то:
Хвастливыхъ рѣчь; дѣла — ничто.

К. П — Ш.

III. ЛИТТЕРАТУРА.

Островъ Ишія (*).

Островъ Ищія, передъ Неаполемъ, есть гора, которой видъ означаетъ погасшій вулканъ. Она имѣетъ небольшіе мысы, выдавшіеся въ море. По берегамъ лежитъ нѣсколько селеній, а по всему острову разсѣяны жилища, которыя идутъ вверхъ до того мѣста, гдѣ пресѣкаются труды земледѣльца. Бѣлые дома стоятъ подъ зеленью садовъ и виноградовъ, до половины скрытые. На вершинѣ горы высѣчена изъ вулканическаго жерла пещера, или пустыня, съ однимъ олтаремъ и тремя кельями; въ каждой живетъ отшельникъ. Одинъ изъ нихъ ходитъ два раза въ недѣлю собирать складчину по всему острову, и возвращается съ хлѣбомъ, масломъ, яицами и другими запасами для церковной службы. Жители даютъ вкладъ охотно и просятъ за нихъ молиться. Каждый годъ приходитъ туда множество

(*) Изъ Taschen-Buch von I. G. Iacobi, und ſeinen Freunden.

богомольцевъ. Мы были тамъ; насъ приняли дружелюбно, и пустынники угощали, сколько позволяла лучше ихъ бѣдность. Одинъ изъ нихъ, ветхій старецъ, совсѣмъ не обращалъ на насъ вниманія. Утромъ и вечеромъ молился онъ на колѣняхъ передъ олтаремъ; набожность его возбудила наше любопытство; и мы подошли къ нему въ досужный часъ. Узнали, что онъ родомъ Нѣмецъ; что въ лѣтахъ полной силы отправясь на поклоненіе образу Богоматери въ Лоретто, не возвращался уже подъ отеческій и домашній кровъ свой. Мы желали знать, сколько лѣтъ ему отъ роду. Я родился, отвѣчалъ онъ дребезжущимъ и перерывающимся голосомъ, я родился въ 17 . . . . ; но теперь не знаю, въ какомъ году мы живемъ.

На семъ островѣ небо почти безоблачно, зимы не холодны; пресмыкающіеся не ядовиты; источники для многихъ болѣзней цѣлительны. Правительство также благотворитъ сему острову; никакихъ податей съ него не собираютъ. Каждый годъ Король посѣщаетъ островъ, и бѣднымъ невѣстамъ выдаетъ приданое. Больница заведена на иждивеніи одного благодѣтельнаго Общества, въ Неаполѣ учрежденнаго. Во время лѣтняго употребленія бань, до ста человѣкъ больныхъ пользуются

тамъ щедростію и попеченіями Общества. Заготовленныя барки безпрестанно отвозятъ въ Неаполь выздоравливающихъ, и привозятъ въ больницу новыхъ страдальцевъ; хромые, изцѣленные на острову, оставляютъ тамъ костыли свои и посвящаютъ ихъ Мадонѣ, или особенно какому нибудь Святому.

Тѣ деревья, кустарники и травы, которыя любятъ вулканическій грунтъ земли, въ изобиліи произрастаютъ на семъ островѣ. Во многихъ мѣстахъ видны рощи каштановыя и дубовыя; ихъ пускаютъ рости только до десяти лѣтъ. Во всѣхъ садахъ разведены деревья померанцовыя, гранатовыя, фиговыя, боярышники и арбутусы. Изъ дикихъ и самородныхъ деревцевъ растутъ во множествѣ мирты и фисташники.

Нѣчто особенное видно въ языкѣ, въ ростѣ и въ одѣяніи жителей. Мода не имѣетъ еще доступа къ сему острову: многія изобрѣтенія нашей роскоши тамъ неизвѣстны по естественному препятствію мѣста. На пажитяхъ кормятся только ослы и козы. Земля на всемъ островѣ такъ нороховата и бойка, что колесы катиться не могутъ. Самъ Король, выходя на берегъ изъ барки, принужденъ довольство-

ваться смиреннымъ сѣдломъ, на которомъ послѣднїй островитянинъ ѣздитъ.

Весною путешествовали мы по сему острову въ первый разъ, и два дни пробыли въ мѣстечкѣ острова *Ишїи*; постоялыхъ дворовъ нѣтъ нигдѣ; намъ указали одинъ домъ, котораго хозяева охотно угощяютъ иностранцевъ. Добрая мать старушка, женщина лѣтъ среднихъ и небольшая дѣвочка отвели у себя намъ постой; у нихъ были только двѣ комнаты, которыми онѣ подѣлились съ нами. Добрые люди неотступно ходили за нами, съ участїемъ искренняго дружелюбїя освѣдомлялись они о здоровьи нашихъ отсутствующихъ родственниковъ и друзей. На другой день нашего прїѣзда, когда я проснулся поутру, въ головахъ моихъ сидѣла хозяйка-мать, и я увидѣлъ, что она прикрывала плеча мои одѣяломъ.

По скоромъ отъѣздѣ съ острова, возвратились мы туда не прежде осени, и нѣсколько недѣль уже провели въ сосѣдствѣ цѣлительныхъ бань. Нашъ хозяинъ родомъ изъ Сорента, давно поселился на островѣ, гдѣ и былъ вообще извѣстенъ подъ именемъ *Сорентинца*. Сей зажиточный старикъ имѣлъ во владѣнїи своемъ виноградные сады. Жена, 17-лѣтняя дочь, два

младшіе сына составляли его семейство; двѣ служанки жили съ ними, въ совершенномъ равенствѣ, кромѣ часовъ работы. Одна небогатая родственница, именемъ *Фортуната*, лѣтъ 14, не выходила почти изъ дому.

Съ улицы всходятъ по крыльцу на дворъ, который съ двухъ сторонъ застроенъ домомъ, а съ двухъ другихъ засаженъ виноградным садомъ, и обведенъ невысокою стѣною, отдѣляющею дворъ отъ улицы. Изъ комнаты въ комнату нѣтъ сообщенія, но каждая комната имѣетъ выходъ на дворъ; маленькое окно почти подъ самою кровлею, или отверстіе на двери. Въ комнатахъ бываютъ хозяева только ночью и въ ненастную погоду; во всякое другое время на дворѣ живутъ, и угощаютъ. Тамъ бесѣдка защищаетъ отъ солнечнаго жару, и въ ней всегда обѣдаютъ подъ тѣнью; въ другомъ углу двора стоитъ особая кухня; подлѣ нее водоемъ для скопа дождевой воды.

Кровли у всѣхъ домовъ плоскія; на нихъ сушатъ плоды и занимаются хозяйскими дѣлами; на кровлѣ нашей былъ поставленъ наметъ. Хозяйская дочь тамъ полдничала, а престарѣлый отецъ ея проводилъ иногда ночи. Туда всходятъ по приставной лѣ-

стницѣ. Естьли поднимешь ее вверхъ за собою, то засада твоя не приступна; а естьли, напротивъ того, отнимутъ ее снаружи, то остаешься заключеннымъ.

Въ вечеру дворъ обращался въ залу собранія и бала; столы и стулья отнимали; а на порогахъ передъ каждою комнатою садились зрители или гости. Нигдѣ не видывалъ я въ такомъ совершенствѣ славной Неаполитанской пляски *tarentella*. Обыкновенно двѣ молодыя дѣвушки пляшутъ; а третья, ударяя по барабану, поетъ любовныя пѣсни. Иногда въ сихъ пѣсняхъ *Madona* и *Cupinto* величаютъ въ одно время. Пріятность пляски состоитъ въ перемѣнѣ тѣлодвиженій, въ игрѣ фартука, въ разнообразіи фигуръ, которыя представляютъ изъ себя пляшущія, въ стукѣ гремушекъ, на рукахъ навѣшенныхъ; или въ щолканьи пальцовъ, когда нѣтъ гремушекъ. Но, что достойнѣе примѣчанія, онѣ умѣютъ дать пляскѣ такое выраженіе, какое хотятъ. Однажды Фортуната плясала намъ въ удовольствіе съ Ломбардскимъ крестьяниномъ, и выразила въ пляскѣ превѣдкую насмѣшку.

Та же пріятность, та же тонкость, которая оживляетъ ихъ игры и пляски, видна въ ихъ дѣлахъ и рѣчахъ. Поутру,

всякой разъ, когда мы просыпались, передъ нами висѣли надъ столомъ кисти прекраснѣйшаго винограда. Во время нашего завтрака престарѣлый хозяинъ приносилъ намъ корзину съ лучшими плодами. По вечерамъ дочь его Франческа звала насъ гулять; и, водя по виноградному саду своего отца, указывала хорошіе виды въ отдаленности, потчивала свѣжими ягодами. Дорогою она сказывала намъ имя и свойства каждаго растѣнія, достойнаго примѣчанія. Франческа и Фортуната имѣли въ обращеніи такое благородство, которое въ Германіи предполагаетъ отмѣнное воспитаніе. За то бѣда тому, кто не имѣетъ сей пріятности, имъ свойственной и обыкновенной! По этой причинѣ Фортуната не могла терпѣть братниной невѣсты. Сколько мы ни старались увѣрить ее, что невѣста, при наружныхъ недостаткахъ имѣетъ достоинство быть хорошей хозяйкой, рукодѣльной женщиной и основательной дѣвушкою; Фортуната отвѣчала намъ: да; но первое, она лицемъ дурна; второе, не умѣетъ ни играть, ни плясать, ни пѣть; не знаетъ ничего . . . . и дурна, такъ дурна! — и другаго отвѣта не было на всѣ возраженія наши.

Когда мы пріѣхали, Фортуната была очень дурно одѣта; черезъ нѣсколько дней

мы подарили ей платье по образцу тамошнихъ нарядовъ, корсетъ черный бархатный, фартукъ, юбку и покрывало. Скоро мы замѣтили, что она стала печальна; и когда всѣ веселились въ домѣ, сидѣла одна уныло и задумчиво. Никто не зналъ тому причины. Однажды сѣлъ я подлѣ нее во время пляски, и повторилъ тотъ вопросъ, который нѣсколько разъ ей предлагали и другіе: что сдѣлалось съ тобою, Фортуната? чего недостаетъ тебѣ? . . . *Cinquaglie!* (серегъ) отвѣчала она мнѣ въ полголоса. Я думалъ, что она смѣется надо мною; но въ самомъ дѣлѣ она печалилась о томъ, что нѣтъ у нее сей бездѣлки.

Хозяева начали почти съ перваго раза говорить намъ *ты*. Мы желали знать, со всѣми ли пріѣзжими говорятъ они такимъ образомъ. Нѣтъ, отвѣчали, добрые люди, но съ тѣми, кого мы любимъ. — Дружба любитъ давать ласковыя имена: одного изъ насъ, человѣка дороднаго, назвали они *Pallone* (шаръ), а другаго, младшаго и свѣжаго лицемъ, *Rosa di Maggio* (Майская роза).

Другіе жители острова оказывали намъ ту же ласку и ту же привѣтливость. Наши прогулки верхомъ на ослахъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ своего вожатаго,

ознакомили насъ со многими хозяевами виноградныхъ садовъ. Увидя только издали; они звали насъ въ сады. Зайдите, зайдите, говорилъ мнѣ нѣкто Филиппо, которому я отказалъ однажды въ его прозьбѣ; буду васъ потчивать лучшимъ виноградомъ: мнѣ только одному извѣстны деревья, осыпанныя крупными кистями; даже моя хозяйка не знаетъ того мѣста. Иногда незнакомые совсѣмъ люди вызывались на услугу. Однажды шелъ я въ церковь въ день праздничнаго торжества. На дорогѣ встрѣтился мнѣ оселъ, котораго прекрасная стать и отмѣнная сбруя привлекли мое вниманіе. Я остановился, чтобы разсмотрѣть его. Не угодно ли ѣхать на немъ? сказалъ мнѣ хорошо одѣтый человѣкъ, подойдя ко мнѣ ласково; оселъ принадлежитъ мнѣ. Я отказался; но услужливый человѣкъ уговаривалъ меня согласиться на его приглашеніе, слѣдовалъ за мною пѣшкомъ, и наконецъ приказалъ мальчику, ведущему осла, дожидаться меня по выходѣ изъ церкви. Нигдѣ не видалъ я сего человѣка, и послѣ того не встрѣчался съ нимъ.

По вечерамъ всходили мы на одинъ высокой холмъ, съ котораго можно видѣть захожденіе солнца и восхожденіе луны. У подошвы сего холма жила одна женщина, именемъ *Марія Гвизела*, которая, увидя насъ,

приносила тотчасъ тарелку съ плодами, садилась съ нами и говорила о своемъ хозяйствѣ, о скоромъ возвращенїи мужа, о томъ, что она готовитъ къ его прїѣзду, и о другихъ мѣлочахъ домашней жизни.

Правда, что иные требуютъ платы за услугу. На семъ островѣ, какъ и во всей южной Италїи, есть люди жадные къ деньгамъ; но жадность ихъ подобна жадности младенца, который хочетъ имѣть все, что видитъ. Не размысливъ о суммѣ денегъ, они попросятъ съ васъ дорого за товаръ, или работу; но бываютъ всегда довольны тѣмъ, что вы назначите имъ по вашему разсужденїю. Естьли вы подаете милостыню нищему, то приметъ онъ ее съ великимъ равнодушїемъ, не для того чтобы въ самомъ дѣлѣ былъ не благодаренъ, но по тому, что подаянїе кажется ему очень естественно, и отъ того дѣти съ великимъ трудомъ выучиваются говорить: благодарю тебя.

Жители острова Ишїи, какъ и во всей Италїи, не употребляютъ слова *человѣкъ*, но слово *Христїанинъ*; и *Христїанинъ* есть для нихъ то же, что *католикъ*. Однакожъ они замѣтили, что мы не выполняли ихъ церковныхъ обрядовъ (*);

(*) Авторъ сего путешествїя былъ протестантъ.

но мало о томъ заботились. Бодрость и спокойствіе — вотъ что составляетъ ихъ вѣру. Рѣдко въ ихъ набожныхъ рѣчахъ простираютъ они разговоръ и мысли далѣе Богородицы. Молитвѣ и благословенію Богоматери поручаютъ васъ передъ отъѣздомъ и передъ сномъ. Santissima notte! говорятъ они. Ее призываютъ въ болѣзняхъ. Когда ближній скончается, они молятъ за упокой души его. Кончина младенца почитается великимъ благомъ. Ты печаленъ, сказала мнѣ Франческа по смерти одного малолѣтнаго товарища нашего; знаю, что ты думаешь. И я также думаю о младенцѣ; но радуюсь, ибо онъ въ Раю между праведными.

Церковные праздники бываютъ для нихъ самыми веселыми днями. По пріѣздѣ нашемъ, они объявили тотчасъ, что наступитъ скоро праздникъ Святаго, которому они покланяются съ особенною вѣрою. Какъ нашъ отъѣздъ отсрочивался со дня на день, и мы изъявляли сами нетерпѣливое любопытство, то въ ожиданіи дали они читать намъ житіе Праведника, чтобы мы судили сами, какъ они говорили, о великихъ его добродѣтеляхъ.

Il Beato giovanne (имя Святаго мужа) родился на островѣ Искіи, гдѣ жилъ еще

многіе родственники и друзья его. Онъ былъ въ Неаполѣ монахомъ. Еще при жизни его распространилась повсюду молва о благочестивомъ отшельникѣ. Однажды слѣдовалъ онъ за крестнымъ ходомъ, не касаясь земли ногами. Въ другой разъ, онъ стоялъ подъ самымъ проливнымъ дождемъ, не вымочивъ на себѣ платья. Въ день Св. Януарія хотѣлъ онъ за толпою молельщиковъ пройти къ олтарю для поклоненія чудотворному ковчегу съ кровію; но въ толпѣ потерялъ свой костыль, и печально сѣлъ на церковной паперти: Черезъ нѣсколько минутъ костыль его спустился съ неба, и пронесясь черезъ головы восклицающаго въ радости народа, уперся въ грудь праведнаго старца. По смерти его народъ стекался во множествѣ къ тѣлу; такъ что надобно было приставить стражу. Не смотря на то, ревностные богомольцы унесли перстъ покойника, какъ Святыя мощи; и не могли отыскать ихъ нигдѣ. Когда мы спрашивали нашихъ хозяевъ, включенъ ли онъ въ число Святыхъ, они отвѣчали намъ: нѣтъ; но какая нужда намъ того дожидаться: однѣ чудотворенія доказываютъ уже великую святость его.

Наконецъ наступилъ день его праздника, или поминовенія. По совершеніи торжественнаго обряда службы, въ вечеру

были всѣ улицы освѣщены, на кровляхъ домовъ горѣли бумажные фонари, натертые масломъ. Вмѣстѣ съ хозяевами веселились мы симъ зрѣлищемъ и радостнымъ кликомъ народа. Намъ указали нѣкоторые домы, лучше другихъ освѣщенные. Тамъ, говорили хозяева, живетъ родственникъ сего праведника, а здѣсь его племянница. Съ кровли на кровлю перекликались многїе черезъ свистокъ очень громко и пронзительно. И я, сказалъ вдругъ нашъ хозяинъ, и я хочу принесть даръ Святому; и тотчасъ вытащилъ боченокъ изъ погреба. Зажгли его со всѣхъ сторонъ; смотрѣли на пылающїй огонь; катали его по землѣ съ радостными восклицанїями, и заключили день пѣснями и плясками.

Намъ казалось, что сей островъ долженъ быть мѣстомъ нашего вѣчнаго пребыванїя; однакожъ надлежало разстаться съ прїятнымъ мѣстомъ и съ добрыми людьми. Таковы ли всѣ? спрашивали они при прощанїи, и обѣщали прїѣхать къ намъ въ Соренто, и звали опять къ себѣ въ гости. Эта надежда утѣшала ихъ и насъ. Они проводили своихъ гостей до берега, — и съ тѣхъ поръ мы не видались.

IV. СМѢСЬ.

Ученыя извѣстія.

Надѣясь скоро сообщить читателямъ Вѣстника разсмотрѣніе книги Гжи. Сталь *о Германіи*, сообщаемъ краткую выписку изъ письма одного человѣка, который читалъ уже сію книгу. — „Сочиненіе Гжи. „Сталь, говоритъ онъ, вышло уже въ свѣтъ. „Она раздѣлила его на четыре части: въ „1 й говоритъ о Германіи и о правахъ „Нѣмцевъ; во 2 й о литтературѣ; въ 3 й „о Философіи и морали; въ 4 й о Религіи „и энтузіазмѣ. Мнѣ кажется, что Гжа. „Сталь, одаренная, безъ сомнѣнія великимъ „умомъ, часто употребляетъ во зло жи„вость сего ума, рѣдко обуздываетъ пыл„кое свое воображеніе. Отъ того на одной „страницѣ встрѣчаются мысли одна дру„гой противорѣчащія и предложенія съ „ложными заключеніями .... Никто бо„лѣе Гжи. Сталь не играетъ словами. Вотъ „нѣчто для примѣра: До нынѣ думали, что „безпристрастіе неразлучно съ правосуді„емъ; но Госпожѣ Сталь угодно такъ изъ„ясняться: ***Безпристрастіе есть рос-***

„*кошь правосудія* (*L'impartialité est le* „*luxe de la justice*). Сей образъ выраженія „ей понравился; а для красивости слога „она многимъ жертвуетъ. Говоря о введе„ніи риѳмы у новѣйшихъ народовъ, она „опредѣляетъ ее слѣдующею фразою: *риѳ-* „*ма есть образъ надежды и воспоми-* „*нанія. Одинъ звукъ приводитъ насъ* „*въ желанію другаго звука, ему соот-* „*вѣтственнаго; и когда послѣдній отзо-* „*вется, то въ памяти возобновляется* „*и тотъ, который мелькнулъ передъ* „*нами.* (La rime est l'image de l'esperan„ce et du souvenir. Un son nous fait desi„rer celui qui doit lui repondre, et quand „le second retentit, il nous rappelle celui qui „vient de nous echapper.)" Какъ приторно! Впрочемъ есть мѣста прекрасныя. . . .

— Славный типографщикъ Бодони умеръ въ Пармѣ 29 Ноября. Изъ сочиненій, напечатанныхъ имъ въ послѣднее время, примѣчательно особенно изданіе Гомеровой Илліады подъ руководствомъ друга его, знаменитаго Литтератора Ламберти, который также скончался 3 Декабря въ Миланѣ.

V. ПОЛИТИКА.

Объявленіе союзныхъ Державъ къ Швейцаріи.

(Сія дипломатическая бумага, которая рѣшила важный вопросъ о неутралитетѣ Швейцаріи, печатается въ Вѣстникѣ цѣлая, какъ достойная любопытства по этому искусству и порядку, съ которымъ объясняются въ ней начала главнаго права народнаго.)

Безпрерывныя произшествія войны, о которой просвѣщенные и безпристрастные современники имѣютъ уже одно общее мнѣніе, временная необходимость подкрѣпить силою и постоянствомъ пріобрѣтенныя отъ сей войны выгоды и желаніе достигнуть черезъ скорыя и дѣйствительнѣйшія мѣры до прочнаго и продолжительнаго мира, привели армію союзныхъ Государей на границы Швейцаріи, и принуждаютъ ихъ вступить въ ея предѣлы, съ намѣреніемъ продолжать военныя дѣйствія. Однакожъ союзные Государи не почли бы сіе побужденіе достаточнымъ, какъ оно впрочемъ ни важно, естьли бы Швейцарія находилась въ такомъ положеніи, которое

позволяло бы ей держать противъ успѣховъ союзнаго оружїя истинный и основательный неутралитетъ. Но она такъ далека отъ того, что ея неутралитетъ долженъ, по общимъ правиламъ народнаго права, почитаться ничтожнымъ и непозволительнымъ.

Союзныя Державы не мыслятъ оспоривать принадлежащее всякому независимому Государству право опредѣлять сношенїя съ сосѣдями по его пользѣ и волѣ: скорѣе обезпеченїе сего права обращается нынѣ въ одно изъ главныхъ дѣлъ, за которое онѣ сражаются. Самая малѣйшая Держава не можетъ быть стѣснена въ ея политическихъ мѣрахъ, пока она имѣетъ свободу рѣшиться; и естьли въ случившейся брани между сильнѣйшими сосѣдями она объявила свою землю неутральною, то всякое оскорбленїе и всякое нарушенїе обращаются чрезъ то въ беззаконное дѣйствїе.

Но безъ дѣйствительной независимости нѣтъ истиннаго неутралитета. Тотъ, на который имѣетъ требованїе какое либо Государство подъ влїянїемъ чуждой власти, не случайно, но по системѣ повелѣвающей есть въ отношенїи къ нему самому слово безъ значенїя, а въ отношенїи къ сосѣдямъ мечъ, съ обоихъ кон-

цевъ острый, и неутральное Государство приноситъ тогда дѣйствительныя выгоды только своему поработителю надъ его противниками, и вѣрнѣйшій способъ довершить свои намѣренія. И такъ, когда во время войны, которая имѣетъ только цѣлію положить границы вредному перевѣсу, сей ложный неутралитетъ служитъ оградою для усилившейся Державы и препоною для тѣхъ, которые ведутъ брань за лучшій порядокъ вещей: то ему не льзя позволить существовать, какъ самому корню того зла, которое царствуетъ подъ его покровомъ и защитою.

Всякой согласится, что таково было бы отношеніе Швейцаріи съ одной стороны ко Франціи, а съ другой къ союзнымъ и за свободу Европы вооруженнымъ Государямъ, естьли бы надлежало допустить и утвердить неутралитетъ, объявленный ея правительствомъ.

Исторія сей земли, столь важная въ отношеніяхъ географическихъ, военныхъ и нравственныхъ, и которая въ теченіи многихъ вѣковъ украшала Европу цѣлостію первобытной безпорочности и красоты своей, представляетъ со времени послѣднихъ пятнадцати годовъ рядъ насилій, черезъ которыя повелители революціонной Фран-

цїи испровергли ея почтенную конституцїю, разрушили ея свободу и благосостоянїе, вооружили мирныхъ гражданъ ея однихъ противъ другихъ, разхитили ея сокровища, съ такимъ старанїемъ собранныя, и попрали ногами священнѣйшїя права ея. Швейцарїя, испытавъ всѣ роды бѣдствїй и посрамленїй, какїя могла только изобрѣсть жестокость ея поработителей, утративъ съ западными и южными границами ограду противъ Францїи, а съ законами, имуществами, заведенїями и чувствомъ своей независимости способы защищенїя, была наконецъ доведена въ 1803 до того, что она приняла подъ именемъ неопредѣленнаго и ложнаго акта посредничества образъ правленїя, которому надлежало положить конецъ ея бѣдствїямъ, но который напротивъ того запечатлѣлъ и довершилъ ея политическую ничтожность, открылъ путь къ величайшимъ впереди нещастїямъ, и рано или поздно довелъ бы ее до совершеннаго упадка безъ нынѣшнихъ щастливыхъ обстоятельствъ.

Сей образъ правленїя клонился исключительно къ тому, чтобы присвоить Французскому самовластїю, которое донынѣ обнаруживалось въ Швейцарїи одними вѣроломными и произвольными способами, видъ законный и форму неизмѣнную. Успѣхъ

соотвѣтствовалъ намѣренію: въ теченіи тѣхъ бурь, которыя со времени 10 послѣднихъ годовъ свирѣпствовали въ Европѣ, Швейцарія искупилась отъ нихъ одною неограниченной преданностію всемогущей волѣ Франціи, но притомъ наслаждалась только тѣнью внутренняго спокойствія. Ей надлежало пожертвовать для Франціи послѣдними силами и способами; взоръ Императора Французовъ былъ для нее закономъ. Никакая другая сосѣдственная Держава не могла ожидать отъ нее ни малѣйшей услуги; ибо она не смѣла не угождать Франціи. Никакой преграды не позволено было поставлять ея требованіямъ, даже въ то самое время, когда, подчинивъ Швейцарію въ ея торговыхъ отношеніяхъ своему заповѣдному уставу, Франція изсушила послѣдніе источники сей страны. Всякая мѣра, которая бы принята была къ ограниченію чуждаго самовластія, въ самыхъ вещахъ постороннихъ всякая жалоба, всякой наружный знакъ справедливаго негодованія, были возбранены. Не оскорбляя личнаго достоинства тѣхъ мужей, которые въ сихъ отяготительныхъ обстоятельствахъ приняли участіе въ правленіи, не позволяя себѣ судить объ ихъ поступкахъ съ излишнею и несправедливою строгостію, несомнѣваясь даже въ ихъ патріотизмъ, можно однакожъ утвердить

ту систему, которой вся Европа была свидѣтелемъ, что Швейцарія, въ силу данной ей конституціи, сдѣлалась только другою по имени, но по всѣмъ ея существеннымъ отношеніямъ зависимою и подчиненною, такъ что при соблюденіи нѣкоторыхъ формъ и нѣкоторыхъ правъ особенныхъ, она существовала въ истинномъ видѣ области, подвластной Французской Имперіи.

Въ семъ положеніи великая политическая мѣра, принятая Гельветическимъ правленіемъ, должна, не взирая на ея прямую цѣль, имѣть на себѣ печать того самовластителя, котораго побужденію и направленію она слѣдуетъ. Неутралитетъ, проистекающій изъ такого начала, не имѣетъ права величаться симъ именемъ.

Сей неутралитетъ въ томъ критическомъ положеніи, въ которомъ находится первенствующая Держава, имѣетъ явную выгоду передъ самымъ дѣйствительнымъ участіемъ въ ея собственныхъ дѣйствіяхъ; ибо очевидно для всѣхъ, что та Держава, которая пріобрѣтаетъ отъ него выгоду, позволитъ ему существовать; но что, въ противномъ случаѣ, его объявитъ уничтоженнымъ также легко, какъ оно возъимѣло свое начало. Въ разсужденіи же тѣхъ Державъ, которыя хотятъ положить конецъ

бѣдствіямъ Европы, неутралитетъ есть только опытъ замедлить ходъ предпріятій, наилучшимъ образомъ устроенныхъ, и потому есть непріязненное покушеніе не только противъ союзныхъ Государей, но и противъ пользы ревностнѣйшихъ желаній и основательнѣйшихъ надеждъ великаго Общества Европейскаго. Въ отношеніи къ самой Швейцаріи, въ самомъ благопріятномъ смыслѣ его, онъ служитъ только предлогомъ для того, чтобы отдалить временную тягость и нѣкоторыя временныя жертвы, въ намѣреніи удержать нынѣшнее политическое бытіе свое, или другими словами, чтобы утратить навсегда все, что есть драгоцѣннѣйшаго, и остаться подъ вѣчною и поработительною опекою.

Въ такомъ видѣ является неутральный актъ Швейцаріи, хотя и предположимъ (чѣмъ не льзя оправдать ее), чтобы ей надлежало покориться рѣшенію Цирихскаго сейма, и чтобы между начальниками кантоновъ было одно единодушное согласіе мнѣній и голосовъ въ семъ двусмысленномъ актѣ. Но естьли бы такое единодушіе могло воздѣйствовать истинно, то оно доказало бы, что древнѣйшій характеръ народный совершенно измѣнился въ Гелвеціи. И та-

кой актъ не имѣетъ законной силы, когда тѣ власти, которымъ надлежало бы утвердить его, сами его опровергаютъ. Въ безпорядочной конституцїи, составленной изъ частей столь несвязныхъ, каковъ актъ посредничества, поставленный Францїей, довольно несогласїя нѣкоторыхъ кантоновъ, чтобы почитать его въ семъ важномъ дѣлѣ начальнымъ шагомъ въ разрушенїю всего союза; ибо съ того часа, въ которой, нѣкогда независимыя и сею конституцїею соединенныя области, полагаютъ себя въ правѣ и въ силѣ оспоривать рѣшенїя Сейма, союзный составъ ихъ рушился, какое бы одобренїе ни прїобрѣла конституцїя отъ другихъ иностранныхъ Державъ. Между тѣмъ сила ея утрачена, когда лишась подкрѣпленїя своихъ собственныхъ союзниковъ, она не имѣетъ уже опредѣленной связи и такъ сказать возвращается къ тѣмъ первобытнымъ началамъ своимъ, изъ которыхъ посторонняя рука образовала ее самовластно. Въ семъ случаѣ союзные Государи имѣли бы несомнительное право обратиться къ той сторонѣ, которая дѣйствуетъ согласнѣе съ ихъ правилами и намѣренїями. Никто не могъ бы требовать, безъ крайней несправедливости, чтобы, уважая совсѣмъ не кстати формы и опредѣленїя, имѣющїя только силу для ихъ непрїяте-

лей, они забыли, или пренебрегли пользу большей части народа, которая хочетъ свергнуть узы насильственной власти и воскресить древнюю свободу.

Союзные Государи почитаютъ вступленіе ихъ войскъ въ Швейцарію не только необходимою и съ общимъ планомъ ихъ военныхъ дѣйствій неразрывною мѣрою, но въ то же время и предварительнымъ распоряженіемъ, которымъ опредѣлится впереди жребій сего привлекательнаго края. Ихъ цѣль, доставить Швейцаріи со стороны внѣшнихъ сношеній то свободное и выгодное положеніе, которое она до революціонныхъ бурь имѣла; совершенная независимость сей земли (первое условіе щастливаго ея бытія) есть въ то же время одна изъ первыхъ политическихъ потребностей для великаго семейства Европейскаго. Положеніе вещей, по которому Швейцары изъ вольной конфедераціи независимыхъ республикъ перемѣнились въ страдательное и въ страждущее орудіе Французскаго самовластія, совсѣмъ несовмѣстно съ ея бытіемъ народнымъ. Естьли должно истребить зло до корня, естьли цѣлость Гельветическихъ владѣній должна быть возстановлена въ прежнія свои границы, и Швейцарія приведена въ состояніе положить безъ всякаго

постороннягo влiянiя, но по своему собственному произволу, основанiе ея будущей федеральной системы, то намѣренiе союзныхъ Державъ увѣнчается тогда совершеннымъ успѣхомъ.

Внутряннее правленiе, законодательство кантоновъ и опредѣленiя ихъ отношенiй между собою есть народное дѣло, которое можно оставить на ихъ волю съ полною довѣренностiю въ ихъ собственному благоразумiю и правосудiю.

Въ сихъ расположенiяхъ союзные Государи объявляютъ, что, какъ скоро наступитъ эпоха общаго мира, они обратятъ все вниманiе и всѣ попеченiя свои къ пользѣ Гельветическаго народа, и никогда не признаютъ достаточнымъ тотъ миръ, которой не можетъ опредѣлить по вышесказаннымъ правиламъ будущаго политическаго состоянiя Швейцарiи и обезпечить навсегда ея независимость за вѣрнымъ поручительствомъ всѣхъ Державъ Европейскихъ.

Нѣчто о Луціанѣ Бонапарте.

Въ Англійской газетѣ *Morning chronicle* напечатано слѣдующее извѣстіе о Луціанѣ Бонапарте:

Сей братъ тирана живетъ близь Верчестера; около 30 пріятельницъ живутъ съ нимъ въ семействѣ, и пріятными концертами способствуютъ къ увеселеніямъ замка. У него три дочери, которыя прекрасно поютъ, танцуютъ, рисуютъ и сверхъ того играютъ на театрѣ, имъ построенномъ въ одномъ флителѣ замка. Представляютъ три раза въ недѣлю Италіанскія и Французскія піесы его собственнаго сочиненія. Онъ принимаетъ посѣщенія знатныхъ сосѣдмихъ жителей; имѣетъ позволеніе ѣздить, куда хочетъ, за десять миль отъ мѣста своего пребыванія: но переписка его подчинена надзору Полковника Лейгтона, живущаго въ Верчестерѣ, которому приказано осматривать всѣ письма, имъ получаемыя и отправляемыя. Луціанъ не таитъ ссоры своей съ братомъ; онъ говоритъ, будто бы ихъ ссора произошла отъ изъявленнаго имъ несогласія на военный судъ и приговоръ противъ Дюка д'Ангенскаго. Онъ отзывается съ благодарностію о великодушіи Англійскихъ матросовъ,

которые, захватя его, возвратили ему всѣ его вещи, оцѣненныя въ 80,000 ф. стерлинговъ. Сочиненная имъ поэма: *Charlemagne* скоро выйдетъ изъ печати. Она состоитъ изъ двѣнадцати пѣсней. Г. Гудсонъ и другой товарищь его въ Кембричѣ перевели ее на Англїйской языкъ.

О знатнѣйшихъ городахъ, занятыхъ во Францїи Союзниками.

Изъ первокласныхъ во Францїи городовъ почитается *Лїонъ*, который имѣетъ до 102,167 жителей, знатный торгъ, славныя мануфактуры, множество остатковъ древностей, Академїю подъ именемъ *Атенеи*, и проч. Онъ стоитъ при слїянїи двухъ рѣкъ Соны и Роны. Въ немъ родились Императоры Маркъ Аврелїй и Клавдъ, Ботанистъ Жюсье, многїе литтераторы, скульпторы и проч.

Брюссель, столичный городъ Брабанта, изъ второкласныхъ городовъ, заключаетъ въ себѣ 66,200 жителей.

Безансонъ, древняя столица Франшь-Конте, принадлежитъ къ третьему классу городовъ. Сей городъ, знаменитый со

времени Юлїя Цесаря, имѣетъ около 30,000 жителей, знатный торгъ, бумажныя фабрики и проч.

Между городами четвертаго класса полагаютъ *Нанси*, въ Лотарингїи, который заключаетъ въ себѣ 29,700 жителей, и раздѣляется на двѣ части, на старую и новую; послѣдняя имѣетъ правильныя улицы и весьма красивые домы. Къ тому же классу принадлежатъ *Троа или Труа*, прежняя столица Шампанїи, которая заключаетъ въ себѣ 24,000 жителей и славится промышленностїю и мануфактурами; городъ *Аахенъ*, извѣстный по минеральнымъ водамъ своимъ, и содержащїй 23,400 жителей; *Женева*, отечество многихъ славныхъ мужей, нѣкогда незываемая республикою, потомъ главный городъ Леманскаго департамента, заключающая около 23,000 жителей; *Дижонъ*, главный городъ Бургонїи, который въ послѣднїя времена прославился въ наукахъ, имѣетъ около 21,000 жителей, но не имѣетъ уже прежняго своего блеска.

О. —

ИЗВѢСТІЕ
о послѣднихъ произшествіяхъ.

Новый ударъ нанесенъ врагу человѣчества; новая побѣда увѣнчала оружіе союзнаго воинства. ИМПЕРАТОРЪ прислалъ курьера въ С. Петербургъ (*) къ ИМПЕРАТРИЦѢ, Своей Родительницѣ, съ извѣстіемъ о сей побѣдѣ. 17 Января было сраженіе подъ Бріенной между Наполеономъ и Фельдмаршаломъ Блюхеромъ, который, какъ сказано въ семъ извѣстіи, блестящимъ образомъ удержалъ за собою мѣсто сраженія. 20 Января, при томъ же мѣстѣ, было другое славное дѣло, въ которомъ союзныя арміи совершенно разбили Наполеона и взяли 68 пушекъ, 4000 плѣнныхъ, и двухъ Генераловъ. Непріятель отступаетъ; армія Фельдмаршала Блюхера и корпусъ Генерала Вреде и Кронпринца Виртембергскаго его преслѣдуютъ; большая армія идетъ на Труа и Сансъ по дорогѣ, ведущей къ Парижу. И такъ дѣла близки къ своему концу. Едва имѣемъ силу дождаться его. Умы и сердца горятъ нетерпѣніемъ. Руская кровь играетъ въ сынахъ, гордящихся славою своего Отечества.

Между тѣмъ произшествія слѣдуютъ однѣ за другими съ такою быстротою, что

(*) 7 Февраля.

наблюдатель едва успѣваетъ замѣчать ихъ, едва имѣетъ время представлять ихъ въ полной картинѣ своимъ любопытнымъ читателямъ. Нынѣшніе быстрые успѣхи союзниковъ приводятъ на память слова Юлія Цесаря: veni, vidi, vici. Но мы постараемся въ общемъ обозрѣніи нашемъ не упустить ни одной черты, достойной любопытства.

Главная союзная армія занимаетъ уже собственно во Франціи большую часть Эльзаса, часть Лотарингіи, Шампаніи, Бургона, Франш-Конта и Ліоне, слѣдственно шесть древнихъ провинцій, или двадцать нынѣшнихъ департаментовъ Французскихъ, кромѣ тѣхъ, которые еще составлены на лѣвомъ берегу Реина изъ отнятыхъ у Германіи земель.

Достовѣрныя извѣстія отъ 26 Января (н. с.) увѣдомляютъ изъ Вѣны, что мирный и союзный трактатъ подписанъ 3 числа между союзными Дворами и Королемъ Неаполитанскимъ, и что курьеръ съ этимъ извѣстіемъ проѣхалъ 17 числа черезъ Виченцу, гдѣ находилась главная квартира Фельдмаршала Беллегарда.

Изъ Лондона пишутъ, что Лордъ Веллингтонъ, котораго армія состоитъ изъ

40,000 Англичанъ, 20,000 Португальцовъ и 30,000 Испанцевъ, имѣетъ намѣренїе идти не въ Бурдо, но къ Сѣверо-Востоку и занять Тулузъ въ Лангедокѣ, для того вѣроятнымъ образомъ, чтобы скорѣе соединиться съ другими союзными войсками, дѣйствующими во Францїи.

Какъ армїя Веллингтонова съ Юга Францїи, такъ войска Бюлова со стороны Сѣвера, приближаются равномѣрно къ сообщенїю съ Реинскими армїями. Послѣ щастливаго дѣла между Бредою и Антверпеномъ, Прусаки вступили въ Брюссель и слѣдственно стоятъ не далеко съ одной стороны отъ прежнихъ Французскихъ Нидерландъ, а съ другой стороны отъ армїи, занимающей Лотарингїю.

Швейцарїя черезъ своего Ландмана Реингарда отвѣчала на извѣстную ноту обоихъ Дворовъ Императорскихъ, что депутаты Кантоновъ признаютъ справедливость, безкорыстїе и великодушїе союзныхъ Монарховъ, что актъ посредничества кончился, и что они приступятъ къ новому политическому ихъ образованїю съ чувствами, достойными столь великаго предпрїятїя. Отвѣтъ Ландмана заключается тѣмъ, что Собранїе Кантоновъ имѣетъ въ виду благо своего отечества, а въ под-

крѣпленіе благосклонность Державъ, обезпечивающихъ судьбу народа.

По условіямъ окончательнаго мира, заключеннаго между Швеціей и Датскимъ Королемъ, Данія пріобрѣтаетъ Шведскую Померанію, но теряетъ Норвегію. Датское правительство выставляетъ еще десятитысячный корпусъ противъ общаго непріятеля.

Маршалъ Даву, тѣснимый на Сѣверѣ Европы, какъ Государь его на Западѣ, предлагалъ, какъ слышно, здать Гамбургъ на капитуляцію; но Рускіе герои любятъ во врагахъ своихъ покорность безъ условія, и Графъ Беннингсенъ отвѣчалъ, что онъ не приметъ никакихъ предложеній, кромѣ того, чтобы весь гарнизонъ отдался военноплѣннымъ въ руки побѣдителей.

Обозрѣвая нынѣшнюю картину Европы, мы не должны забыть черту достойную вниманія и зрѣлище рѣдкое въ мірѣ. Среди военныхъ браней, когда ужасъ и отчаяніе свирѣпствуютъ въ душѣ всеобщаго врага, гонимаго Богомъ и совѣстію, нашъ **МОНАРХЪ**, Освободитель народовъ, съ спокойной душою гуляетъ по мирнымъ долинамъ Швейцарскимъ, наслаждается величественными красотами природы. Великая

Княгиня ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА вмѣстѣ съ ИМПЕРАТОРОМЪ осматривала Рейнскій водопадъ со стороны Цириха. Въ деревнѣ Нейгаузенъ, которой имя будетъ славнѣе въ лѣтописяхъ міра именъ Актіума и Фарсаліи, они имѣли обѣденный столъ подъ кровлею крестьянской хижины, а пищею хлѣбъ и молоко, предложенныя имъ хозяевами, которые удостоились чести и щастія сидѣть за столомъ съ Великимъ МОНАРХОМЪ.

Еще двѣ Особы Царской фамиліи, Великіе Князья НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ и МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ, отправились 5 Февраля къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ слава вѣнчаетъ ихъ Августѣйшаго БРАТА, гдѣ любовь и благодарность народовъ утѣшаютъ ЕГО сердце.

Нынѣ великія произшествія, какъ и мѣлкіе случаи, предрекаютъ торжество общаго дѣла и паденіе злодѣя, судя по слѣдующему анекдоту, разсказанному въ одной газетѣ: Между Французскими плѣнниками, содержащимися въ Медвеѣ, на рѣкѣ Самисонѣ, со времени пораженія, претерпѣннаго Наполеономъ, произошли двѣ партіи. Одна утверждала, что надлежитъ по справедливости возвратить тронъ Франціи законному Государю, дому Бурбонско-

му; а другая защищала пользу Бонапарта. За споромъ слѣдовали угрозы, и наконецъ настоящая битва. Обѣ стороны стали въ боевый порядокъ; дѣло было весьма жаркое; и защитники Наполеона претерпѣли совершенное пораженiе; 600 Офицеровъ, или человѣкъ, бывшихъ въ семъ дѣлѣ, посажены, какъ сказываютъ, въ темницу.

Англiйскiя газеты, говоря о военномъ планѣ и о военныхъ силахъ союзниковъ, замѣчаютъ слѣдующее: Шведскiй наслѣдный Принцъ имѣлъ назначенiе идти въ Голландiю со 130,000 ч.; Блюхеръ перейти за Реинъ со 150,000 ч.; Шварценбергъ идти черезъ Швейцарiю съ 250,000 ч.; Беллегардъ дѣйствовать въ Италiи съ 70,000 ч.; корпусъ, изъ 60,000 ч. состоящiй, вступитъ черезъ Пiемонтъ въ южную Францiю на встрѣчу къ Веллингтону, у котораго 120,000 ч.; а 125,000 ч. осаждать крѣпости: и такъ 825,000 ч. находится въ полѣ противъ Францiи.

Февраля 13 *дня.*

Москва.

КОНЕЦЪ LXXIII ЧАСТИ.

Къ Издателю.

Милостивый Государь!

Я осмѣливаюсь надѣяться, что вы примете на себя трудъ прилагаемые у сего 50 р. доставить разоренному отъ пожара семейству, которому нѣкоторые читатели Вѣстника Европы оказали свое участіе по напечатанному въ 1811 году трогательному письму отъ дѣтей Г*. С*. No 18 Вѣстн. Евр. стран. 159. Хотя же нѣкоторая почтенная благотворительная Особа и приняла семейство сіе въ особенное свое покровительство (1812 No 4 стран. 335, и 1813 No 4, стран. 311), назначивъ ему небольшую ежегодно присылаемую сумму; однако и сіе скудное мое пособіе, отъ чистаго усердія приносимое, надѣюсь, принято будетъ во благо. — Имѣю честь быть, и проч.

И. Ф.

С. *Петербургъ.*
Января 21 1814.

Увѣдомленіе.

Означенная сумма отправлена Издателемъ въ Кіевъ на имя священника Кіево-Софійскаго Каѳедральнаго Собора Стефана Семяновскаго для врученія погорѣвшей вдовѣ. *Г. С.* —

Издатель объявляетъ также Господамъ сочинителямъ и переводчикамъ, что доставляемыя отъ нихъ піэсы не могутъ иногда быть напечатаны въ Вѣстникѣ по нѣкоторымъ важнымъ причинамъ; что онъ не можетъ принять на себя обязанности ни возвращать рукописей къ ихъ Авторамъ, ни отвѣчать на ихъ требованія и письма; что, наконецъ, онъ рѣшительно отказывается отдавать отчетъ въ тѣхъ причинахъ, которыя не позволятъ ему дать мѣста въ Журналѣ присланному переводу, или сочиненію.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СЕМЬДЕСЯТЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

Страи.

I. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА.

Къ читателямъ Вѣстника отъ Издателя. - - - - 3

Судъ на Олимпѣ, или ссора боговъ за Славянъ и Галловъ въ 1812 году. - - - - 10

Обѣ школы, или свѣтъ и уединеніе, повѣсть. 87, 167 и 249

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Орелъ и Голубка, басня. - 29

Ивиковы журавли, Баллада. - 200

Къ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, Вдовствующей ГОСУДАРЫНѢ ИМПЕРАТРИЦѢ МАРІИ ѲЕОДОРОВНѢ. - 283

Къ самому себѣ. - - 286

Къ портрету ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВНЫ. 287

Гора въ родахъ, басня. - -

Стран.

II. ИЗЯЩНЫЯ ИСКУССТВА.

Описаніе нѣкоторыхъ отличныхъ произведеній живописи и скульптуры въ 1808 году. 31
О новыхъ предметахъ для художествъ. - - - 206

III. НАУКИ.

О Математикѣ въ отношеніи къ вѣрѣ. - - - - - 113

IV. ЛИТТЕРАТУРА.

Письмо о нынѣшнихъ обстоятельствахъ нашихъ въ Россіи. 51
Нещастная Королева Грей передъ ея смертію. - - 119
О величайшей на землѣ силѣ. 138
Картина восьмагонадесять вѣка. 215
Островъ Ишія. - - - 288

V. СМѢСЬ.

Достопамятности. - - 143
Къ Издателю Вѣстника Европы. 222
Ученыя извѣстія. - - 301

VI. ПОЛИТИКА.

Извѣстія. - - - - 63
Забавное челобитье Французовъ къ Наполеону. - - - 78

Страк.

Историческое извѣстіе о Моро, извлеченное изъ новаго сочиненія. - - - 148 и 224
Письмо изъ Данцига къ Издателю Вѣстника Европы. - 231
Объявленіе союзныхъ Державъ къ Швейцаріи. - - 303
Нѣчто о Луціанѣ Бонапарте. 313
О знатнѣйшихъ городахъ, занятыхъ во Франціи Союзниками. 314
Извѣстія о послѣднихъ происшествіяхъ. - 157, 235 и 316
Къ Издателю. - - - 322
Увѣдомленіе. - - - ——

ОПЕЧАТКИ

въ N0 3 Вѣстника Европы.

Напечатано:			Читай:
Стран.	Стр.		
218	19	*достойными*	достойные
224	1	*о впаденіи въ Россію*	о нападеніи на Россію
239	11	*развѣ рабовъ,*	развѣ рабовъ?

